

Вся история Нарнии в 7 повестях

Клайв С. Льюис

ХРОНИКИ НАРНИИ

Хроники Нарнии

Клайв Льюис

**Хроники Нарнии. Вся
история Нарнии в 7 повестях**

«ЭКСМО»

1950, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955, 1956

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Льюис К. С.

Хроники Нарнии. Вся история Нарнии в 7 повестях /
К. С. Льюис — «Эксмо», 1950, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955,
1956 — (Хроники Нарнии)

ISBN 978-5-04-150848-7

Хроники Нарнии - удивительная и прекрасная история волшебной страны, в которой правят любовь и доброта. Четверых детей родители отправляют из Лондона в деревню, к старому профессору — другу семьи. В его доме дети обнаруживают таинственный платяной шкаф, посредством которого они попадают в сказочную страну Нарнию, где обитают фантастические животные и существа, которые говорят и мыслят подобно людям. Оказывается, что эта мирная страна, где царит вечно лето и благоденствие временно находится под властью злой Колдуньи, из-за которой теперь там — вечная зима. Дети должны помочь царю Аслану (Великому Льву, который много столетий назад основал Нарнию) победить Колдунью, разрушить заклинания и освободить жителей Нарнии. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-150848-7

© Льюис К. С., 1950, 1951, 1952, 1953,
1954, 1955, 1956

© Эксмо, 1950, 1951, 1952, 1953, 1954,
1955, 1956

Содержание

Племянник чародея	6
Глава первая. Как дети ошиблись дверью	7
Глава вторая. Дигори и его дядя	15
Глава третья. Лес между мирами	19
Глава четвёртая. Молот и колокол	27
Глава пятая. Страшное слово	32
Глава шестая. Как начались несчастья дяди Эндрю	37
Глава седьмая. Что случилось перед домом	44
Глава восьмая. Битва у фонаря, и что было дальше	49
Глава девятая. Как была создана Нарния	54
Глава десятая. Первая шутка и другие события	60
Глава одиннадцатая. О злоключениях Дигори и его Дяди	66
Глава двенадцатая. Приключения землянички	72
Глава тринадцатая. Неожиданная встреча	79
Глава четырнадцатая. Как посадили дивное дерево	84
Глава пятнадцатая. Как кончилась эта повесть и с чего начались остальные	89
Лев, колдунья и платяной шкаф	93
Глава первая. Люси заглядывает в платяной шкаф	94
Глава вторая. Что Люси нашла по ту сторону дверцы	98
Глава третья. Эдмунд и платяной шкаф	103
Глава четвёртая. Рахат-лукум	109
Глава пятая. Опять по ту сторону дверцы	114
Глава шестая. В лесу	119
Глава седьмая. День с бобрами	125
Глава восьмая. Что было после обеда	134
Глава девятая. В доме колдуньи	139
Глава десятая. Чары начинают рассеиваться	146
Глава одиннадцатая. Аслан всё ближе	151
Глава двенадцатая. Первая битва Питера	159
Глава тринадцатая. Тайная магия давних времён	165
Глава четырнадцатая. Триумф колдуньи	171
Глава пятнадцатая. Тайная магия стародавних времён	178
Глава шестнадцатая. Что произошло со статуями	182
Глава семнадцатая. Погоня за белым оленем	189
Конь и его мальчик	195
Глава первая. Побег	197
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Клайв Стейплз Льюис

Хроники Нарнии. Вся история Нарнии в 7 повестях

C.S. Lewis

The Chronicles of Narnia

The Magician's Nephew / Племянник чародея

Перевод с английского Н. Трауберг

© CS Lewis Pte Ltd 1955. Inside illustrations by Pauline Baynes © CS Lewis Pte Ltd 1955

The Lion, the Witch, and the Wardrobe / Лев, колдунья и платяной шкаф

Перевод с английского Г. Островской

© CS Lewis Pte Ltd 1950. Inside illustrations by Pauline Baynes © CS Lewis Pte Ltd 1950

The Horse and His Boy / Конь и его мальчик

Перевод с английского Н. Трауберг

© CS Lewis Pte Ltd 1954. Inside illustrations by Pauline Baynes © CS Lewis Pte Ltd 1954

Prince Caspian / Принц Каспиан

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

© CS Lewis Pte Ltd 1951. Inside illustrations by Pauline Baynes © CS Lewis Pte Ltd 1951

The Voyage of the Dawn Treader / «Покоритель зари», или Плавание на край света

Перевод с английского В. Кулагиной-Ярцевой

© CS Lewis Pte Ltd 1952. Inside illustrations by Pauline Baynes © CS Lewis Pte Ltd 1952

The Silver Chair / Серебряное кресло

Перевод с английского Н. Виноградовой

© CS Lewis Pte Ltd 1953. Inside illustrations by Pauline Baynes © CS Lewis Pte Ltd 1953

The Last Battle / Последняя битва

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

© CS Lewis Pte Ltd 1956. Inside illustrations by Pauline Baynes © CS Lewis Pte Ltd 1956

© Трауберг Н., Островская Г., Доброхотова-Майкова Е., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Племянник чародея

Глава первая. Как дети ошиблись дверью

Повесть эта о том, что случилось, когда твой дедушка был маленьким. Она очень важна, потому что без неё не поймёшь, как установилась связь между нашим миром и Нарнией.

В те дни Шерлок Холмс ещё жил на Бейкер-стрит, а патер Браун не расследовал преступлений. В те дни, если ты был мальчиком, тебе приходилось носить каждый день твёрдый белый воротничок, а школы большей частью были ещё хуже, чем теперь. Но еда была лучше, а что до сладостей, я и говорить не стану, как они были дешёвы и вкусны, – зачем тебя зря мучить. И в те самые дни жила в Лондоне девочка Полли Пламмер.

Жила она в одном из домов, стоявших тесным рядом. Как-то утром она вышла в крошечный садик позади дома, и мальчик из соседнего садика подошёл к самой изгороди. Полли удивилась: до сих пор в том доме детей не было, там жили мисс и мистер Кеттерли, старая дева и старый холостяк. И вот Полли удивлённо посмотрела на мальчика. Лицо у него было грязное, словно он копался в земле, потом плакал, потом утёрся рукой. Примерно это, надо сказать, он и делал.

- Здравствуй, мальчик, – сказала Полли.
- Здравствуй, – сказал мальчик. – Как тебя зовут?
- Полли. А тебя?
- Дигори.
- Ой как смешно! – воскликнула Полли.
- Ничего смешного не вижу, – обиделся мальчик.
- А я вижу.
- А я нет!

– Я хоть умываюсь, – заметила Полли. – А тебе вот надо умыться, особенно... – И она замолчала, потому что хотела сказать: «...после того как ты плакал», – но решила, что это невежливо.

– Ну и что, ну и ревел! – вспыхнул Дигори, которому было так худо, что чужое мнение уже не трогало. – И сама бы ревела, если бы жила всю жизнь в саду, и у тебя был пони, и ты бы купалась в речке, а потом тебя притащили в эту дыру...

– Лондон не дыра, – возмутилась Полли, но Дигори так страдал, что не заметил её слов:

– ...и если бы твой папа уехал в Индию, и ты бы приехала к тётке и дяде, а он сумасшедший, да, самый что ни на есть, и всё потому, что за мамой надо ухаживать, она очень больна... и... и...

Лицо его перекошилось, как бывает всегда, если пытаешься не заплакать.

– Прости, я не знала, – смиренно сказала Полли и помолчала немного, но ей хотелось отвлечь Дигори и она спросила: – Неужели мистер Кеттерли сумасшедший?

– Да, – кивнул Дигори, – или ещё хуже. Он что-то делает в мансарде, тётка Летти меня туда не пускает. Странно, а? Но это ещё что! Когда он обращается ко мне за обедом – к ней он и не пробует, – она говорит: «Эндрю, не беспокой ребёнка», – или: «Дигори это ни к чему», – или: «Дигори, а не поиграть ли тебе в садике?»

– Что же он хотел сказать?

– Не знаю. Он ни разу не договорил. Но и это не всё. Один раз, то есть вчера вечером, я проходил мимо лестницы – ох и противно! – и слышал, что в мансарде кто-то кричит.

– Может быть, он там держит сумасшедшую жену?

– Да, я тоже подумал.

– А может, печатает деньги?

– А может, он пират, как в «Острове сокровищ», и прячется от прежних друзей...

– Ой как интересно! – воскликнула Полли. – Вот не знала, что у вас такой замечательный дом.

– Тебе интересно, – буркнул Дигори, – а мне в этом доме спать. Лежишь, а он крадётся к твоей комнате... И глаза у него жуткие.

Так познакомились Полли и Дигори, и поскольку были каникулы, а к морю в тот год никто из них не ехал, они стали видеться почти каждый день.

Приключения их начались потому, что лето было на редкость дождливое. Приходилось сидеть дома, а значит – исследовать дом. Просто удивительно, сколько всего можно найти в доме или в двух соседних домах, если у тебя есть свечка. Полли знала давно, что с её чердака идёт проход вроде туннеля: с одной стороны – кирпичная стенка, с другой – покатая крыша. Свет проникал туда через просветы черепицы, пола не было, ступать приходилось по балкам. Под ними белела штукатурка, а если станешь на неё, провалишься прямо в комнату. До конца туннеля Полли не ходила, а в начале, сразу за дверцей, устроила что-то вроде пещеры контрабандиста. Она натаскала туда картонных коробок и сидений от сломанных стульев и положила между балками, как бы настлала пол. Там она хранила шкатулку с сокровищами и повесть,

которую писала, несколько яблок; там любила выпить имбирного лимонада – какая же пещера без пустых бутылок?

Дигори пещера понравилась (повесть Полли не показала), но хотелось залезть подальше, и он спросил:

- Интересно, куда можно пойти? Дальше твоего дома или нет?
- Дальше, – сказала Полли, – а куда, не знаю.
- Значит, мы пройдем все дома насквозь.
- Да, – ответила Полли и вдруг ойкнула.
- Что такое?
- Мы в них залезем.
- И нас схватят как воров. Нет уж, благодарю.
- Ох какой умный! Мы залезем в пустой дом, сразу за твоим.
- А что там такое?
- Да он пустой – папа говорит, там давно никого нет.
- Посмотреть надо, – сказал Дигори.

На самом деле боялся он гораздо больше, чем можно было предположить, судя по его тону. Конечно, он подумал, как и вы бы подумали, о том, почему в этом доме никто не живёт; думала об этом и Полли. Никто не сказал слово «привидения», но оба знали, что теперь отступить стыдно.

- Идем? – спросил Дигори.
- Идем, – сказала Полли.
- Нет, если не хочешь, не ходи...
- Да уж нет, я пойду.
- А как мы узнаем, что мы в том доме?

Они решили пойти на чердак и, шагая с балки на балку, отмерять, сколько балок придется на комнату. Потом они отведут балки четыре на промежуток между чердаком и комнатой служанки, а на саму эту комнату – столько, сколько на чердак. Прделав такое расстояние дважды, можно сказать, что миновали оба дома и дальше идет уже тот, пустой.

- Не думаю, что он совсем пустой, – сказал Дигори.
- А какой же?

– Кто-нибудь там скрывается, а выходит ночью, прикрыв фонарь. Наверное, шайка... жуткие злодеи... они от нас откупятся... Нет, не может дом стоять пустой столько лет. Это какая-то тайна.

- Папа думает, там протекают трубы, – сказала Полли.
- Взрослые всегда думают самое неинтересное, – сказал Дигори.

Теперь, при дневном свете, как-то меньше верилось в привидения – не то что в пещере, при свечах.

Измерив шагами чердак, они записали, что вышло, и у каждого вышло иначе. Как-то они свели результаты воедино, однако я не уверен, что и тут получилось правильно. Слишком хотелось им начать исследование.

- Ступай потише, – сказала Полли, когда они полезли в проход.

Ради такого случая каждый взял по свече (у Полли в тайнике их было много). Проход был пыльным, и темным, и холодным. Полли и Дигори ступали с балки на балку молча, только иногда шептали «теперь твой чердак» или «наш дом мы почти прошли». Они ни разу не споткнулись, свечи у них не погасли, и дверцы в кирпичной стене они достигли, только на ней, конечно, не было ручки, потому что никто не входил в неё снаружи, однако внутри ручка была, а снаружи торчал шпенёк (такой бывает внутри шкафа).

- Повернуть его? – спросил Дигори.
- Если ты не боишься, – сказала Полли. – А то я поверну.

Обоим стало жутковато, но отступить они не смогли бы. Дигори не без труда повернул шпенёк. Дверь распахнулась, и солнечный свет ослепил их. Потом, к большому своему удивлению, они увидели, что перед ними не пустой чердак, а простая, хотя и пустоватая, комната. Полли задула свечу и ступила туда.

Конечно, потолок здесь был скошен, но мебель стояла самая обычная. Стены не были видны из-за книжных полок, сплошь уставленных книгами, в камине горел огонь (вы помните, лето было холодное), а перед камином, спинкой к ним, стояло высокое кресло. Между креслом и Полли, посреди комнаты, стоял очень большой стол, а на нём были книги, блокноты, чернильницы, перья, сургуч и микроскоп. Но прежде всего в глаза бросался ярко-алый деревянный поднос, на котором лежали кольца. Разложены они были по два – жёлтое и зелёное, потом промежуток, потом ещё одно жёлтое и ещё одно зелёное. Размера они были обычного, но сверкали ослепительно. Вы и представить себе не можете, как дивно они сверкали. Будь Полли помладше, ей бы захотелось сунуть одно из них в рот.

В комнате было так тихо, что Полли сразу услышала тиканье часов. И всё-таки тихо было не совсем: где-то что-то гудело. Если бы тогда уже изобрели пылесос, Полли подумала бы, что это он и работает за несколько комнат и этажей отсюда. Но звук был приятней, чем у пылесоса, и очень, очень тихий.

– Иди, тут никого нет.

Грязный Дигори, моргая, вышел из прохода (грязной, конечно, была и Полли) и пробубнил:

– Стоило лезть! Совсем он не пустой. Давай уйдём, пока они не вернулись.

– Как ты думаешь, кто здесь живёт? – спросила Полли, указывая на зелёные и жёлтые кольца.

– А какое нам дело! – сказал Дигори. – Давай... – Но фразу он не закончил.

Кресло с высокой спинкой, стоявшее перед камином, задвигалось, а из-за него, как в пантомиме, вылез дядя Эндрю. Они были вовсе не в пустом доме, а в доме Дигори, да ещё и в заповедной мансарде! Дети хором охнули. Теперь обоим казалось, что иначе и быть не могло, потому что слишком мало прошли.

Дядя Эндрю был очень высокий и тощий, длиннолицый, остроносый, с необычайно блестящими глазами и седыми взъерошенными волосами. Сейчас он казался ещё страшнее, чем обычно. Дигори просто говорить не мог. Полли испугалась меньше, но и ей стало не по себе, когда дядя Эндрю молча прошёл к дверям и запер их на ключ. После этого он повернулся к детям, взглянул на них сверкающими глазами и, обнажив в улыбке острые зубы, сказал:

– Ну вот! Теперь моя дура сестрица до вас не доберётся.

Полли и не думала, что от взрослых можно такое ожидать, поэтому ужасно испугалась, и они с Дигори попятились к дверце, в которую вошли, но дядя обогнал их и запер её, а вдобавок встал перед нею, потом потёр руки, так что пальцы затрещали (пальцы у него были длинные и белые), и усмехнулся:

– Счастливы вас видеть. Двое деток – именно то, что мне нужно.

– Мистер Кеттерли, – сказала Полли, – мне пора обедать, меня ждут дома. Отпустите нас, пожалуйста!..

– Со временем, со временем, – пробормотал дядя Эндрю. – Нельзя упускать такой случай. Мне не хватало именно двух деток. Понимаете, я ставлю небывалый, великий опыт. С морской свинкой как будто бы получилось. Но свинка ничего не расскажет. Да ей и не объяснишь, как вернуться.

– Дядя, – сказал Дигори, – обедать и правда пора, нас станут искать. Вы должны отпустить...

– Должен? – спросил дядя Эндрю.

Дигори и Полли переглянулись. Говорить они не смели, но взгляды их значили: «ужас какой!» и «надо его умаслить».

– Если вы нас выпустите, – сказала Полли, – мы придём после обеда.

– Кто вас знает? – сказал дядя Эндрю и хитро усмехнулся. Но тут же передумал: – Хорошо, надо так надо. На что таким детям старый скучный человек!.. – Он вздохнул. – Если

бы вы знали, как мне бывает одиноко. Да что там... Идите обедайте. Только сперва я вам кое-что подарю. Не каждый день у меня бывают маленькие девочки, особенно – такие милые...

Полли подумала, что он не такой уж и сумасшедший.

– Хочешь колечко, душечка? – спросил её дядя Эндрю.

– Жёлтое или зелёное? Ой какая прелесть!

– Нет, не зелёное, – сказал дядя. – Мне очень жаль, но зелёное я дать не могу. А жёлтое – с удовольствием. Бери и носи на здоровье. Ну, бери!

Полли больше не боялась: дядя был совсем не сумасшедший, а кольца и впрямь прелестны, – и, шагнув к столу, сказала:

– Смотрите-ка! Гудит и гудит, как будто сами кольца.

– Какая странная мысль! – заметил дядя и засмеялся.

Смех был вполне естественный, однако Дигори не понравилось слишком бодрое, чуть ли не алчное, выражение дядиных глаз, и он крикнул:

– Полли, не бери! Не трогай!

Но было поздно. Он ещё говорил, когда Полли коснулась одного кольца и сразу же, без звука, исчезла. Дигори с дядей остались одни.

Глава вторая. Дигори и его дядя

Случилось это так неожиданно и так походило на страшный сон, что Дигори вскрикнул. Дядя Эндрю зажал ему рот рукой, прошипел:

– Не смей! – и прибавил помягче: – Не шуми, твоя мама услышит. Зачем её пугать?

Дигори говорил потом, что его просто затошнило от такой подлой уловки, но, конечно, кричать он больше не стал.

– То-то, – сказал дядя. – Ничего не поделаешь, каждый бы удивился. Я и сам удивился вчера, когда исчезла свинка.

– Это вы и кричали? – спросил Дигори.

– Ах ты слышал? Ты что, следил за мной?

– Нет, – сердито сказал Дигори. – Объясните, что с Полли!

– Поздравь меня, мой мальчик, – сказал дядя Эндрю, потирая руки. – Опыт удался.

Девочка исчезла... сгинула... в этом мире её нет.

– Что вы с ней сделали?!

– Послал... э... в другое место.

– Не понимаю, – сказал Дигори.

Дядя Эндрю опустился в кресло.

– Что ж, я тебе объясню. Ты слышал когда-нибудь о мисс Лё Фэй?

– Она наша двоюродная бабушка? – припомнил Дигори.

– Не совсем, – сказал дядя Эндрю, – она моя крёстная. Вон её портрет, смотри.

Дигори посмотрел и увидел на выцветшей фотографии старую даму в чепце. Теперь он вспомнил, что такой же портрет видел ещё дома, в комодке, и спросил маму, кто это, и мама почему-то замаялась. Лицо было неприятное, но кто его знает, на этих старинных фотографиях...

– Кажется... кажется, она была... не совсем хорошая?

– Ну, – ответил дядя Эндрю, – это зависит от того, что называть хорошим. Люди узки, мой друг. Да, странности у неё были. Бывали и... чудачества. Иначе её не поместили бы...

– В сумасшедший дом?

– Нет, нет, нет! – Дядя был шокирован. – Ничего подобного! В тюрьму.

– Ой! А за что?

– Бедная женщина! – со вздохом проговорил дядя. – Не хватило благоразумия... Но не будем в это вдаваться. Ко мне она всегда была добра.

– Да при чём тут это! – воскликнул Дигори. – Где Полли?

– Всё в своё время, мой друг. Мисс Лё Фэй выпустили, и после этого она почти никого не хотела видеть. Я был из тех немногих, кого она ещё принимала. Видишь ли, её стали раздражать обычные, скучные люди. Собственно, они раздражают и меня. Кроме того, у нас с ней были общие интересы. За несколько дней до смерти она велела мне открыть тайничок в её шкафу и принести маленькую шкатулку. Как только я эту шкатулку тронул, сразу почувствовал – да, просто пальцами, – что в моих руках огромная тайна, ну а когда принёс, она отдала мне её и приказала, не открывая, сжечь сразу после её смерти с определёнными церемониями. Конечно, я этого не сделал.

– И очень плохо, – сказал Дигори.

– Плохо? – удивился дядя. – А, понимаю! По-твоему, надо выполнять обещания. Резонно, резонно, вот ты и выполняй. Но сам посуди: такие правила хороши для слуг, детей, женщин – вообще для людей, но не для великих учёных, мыслителей и мудрецов. Нет, Дигори. Те, кто причастен к тайной мудрости, свободны и от мещанских правил, и от мещанских радостей. Судьба наша, мой мальчик, возвышенна и необычна. Удел наш высок, мы одиноки...

Он вздохнул с такой благородной, такой таинственной печалью, что Дигори целую секунду сочувствовал ему, но тут вспомнил, какими были дядины глаза, когда он предлагал Полли кольцо, и подумал: «Ага, значит, он может делать всё, что ему угодно!..»

– Конечно, шкатулку я открыл не сразу, – продолжил дядя. – Я опасался, нет ли в ней чего-нибудь... нежелательного. Моя крёстная была чрезвычайно своеобразной дамой. Собственно, она последняя из смертных, в ком текла кровь фей. Сама она ещё застала двух таких женщин – герцогиню и подёнщицу. Ты, Дигори, беседуешь с последним человеком, у которого была фея-крёстная. Будет что вспомнить в старости, мой мальчик!

«Ведьма она, а не фея!» – подумал Дигори и снова спросил:

– А где же Полли?

– Какой ты нетерпеливый! – рассердился дядя. – Разве в этом дело? Сперва, конечно, я осмотрел шкатулку. Она была очень старинная. Я сразу понял, что это не Греция, не Египет, не Вавилон и не страна хеттов, даже не Китай. Она была древнее всех этих стран. Наконец, в один поистине великий день, я догадался, что сделана она в Атлантиде, то есть на много веков раньше, чем те каменные штуковины, которые выкапывают в Европе. Да, это вам не грубый топор! Ещё на заре времён в Атлантиде были дворцы, и храмы, и учёные.

Он подождал немного, но Дигори не восхищался, ибо дядя с каждой минутой нравился ему всё меньше, и заговорил снова.

– Тем временем я изучал тайные науки (вряд ли прилично рассказывать о них ребёнку). Пришлось познакомиться с... как бы это сказать... чертовски странными людьми и пройти через довольно гнусные испытания. От всего этого я и поседел раньше времени. Стать чародеем – это тебе не шутка! Я вконец испортил здоровье – правда, теперь мне лучше, – зато *узнал*.

Подслушать их было некому, но дядя подвинулся поближе и понизил голос:

– То, что было в шкатулке, не нашего мира, и попало оно к нам, когда наш мир только только начинался.

– Что же именно там было? – спросил Дигори, поневоле захваченный рассказом.

– Пыль, – ответил дядя Эндрю, – сухая пыль. Смотреть не на что. Но я-то посмотрел – не тронул, нет, но взглянул! Как-никак она из *другого мира*, не с другой планеты, вообще из другого, из другой природы, куда не попадёшь через пространство... только колдовством, да!

И дядя потёр руки так, что пальцы у него затрещали, словно фейерверк.

– Понятно, я знал, что пыль эта может перенести в другие миры, если слепишь из неё то, что надо. Но что же именно и как? Много опытов я проделал впустую. Морские свинки просто погибали или лопались...

– Какой ужас! – перебил его Дигори, у которого когда-то была морская свинка.

– При чём тут ужас? – удивился дядя Эндрю. – Свинки для того и созданы. Я их покупал на свои деньги. Так о чём же я? Да, наконец удалось слепить кольца, жёлтые кольца. Тут и началось самое трудное. Я был уверен, что они перенесут моих подопечных куда надо. Но как же я узнаю, что там? Как их вернуть сюда?

– Можно бы и о них подумать, – сказал Дигори. – Хорошенькое положеньеице, если они там застряли!

– Ты ненаучно на всё смотришь, – нетерпеливо возразил дядя Эндрю. – Неужели не можешь понять, что ставится опыт века? Я для того туда и посылаю, чтобы узнать, что там такое.

– Почему же тогда самому не отправиться?

Дигори в жизни не видел такого искреннего удивления.

– Кому, мне?! – воскликнул дядя. – Ты с ума сошёл! В мои годы, с моим здоровьем!.. Да это же страшно опасно! Что за глупость! Ты понимаешь, что говоришь? Да в этих мирах может случиться что угодно!

– А Полли теперь там... – проговорил Дигори, багровея от гнева. – Хоть вы мне и дядя, я прямо скажу: это... это подлость. Только трус пошлёт девочку вместо себя.

– Тихо! – крикнул дядя Эндрю, хлопнув рукой по столу. – Я не позволю так говорить со мной грязному мальчишке! Пойми, я великий учёный, чародей, я посвящён в тайные знания, я ставлю опыт. Конечно, мне нужны подопытные... э... существа. Что же, прикажешь свинку спрашивать? Наука требует жертв. Идти самому? Смешно! Не идёт же генерал в битву. Предположим, я погибну. Что будет тогда с делом моей жизни?

– Ох, хватит! – невежливо крикнул Дигори. – Как вернуть Полли?

– Я как раз собирался это объяснить, когда ты так грубо меня перебил, – ответил дядя Эндрю. – Для этого нужно зелёное кольцо.

– У Полли нет зелёного кольца, – возразил племянник.

– Вот именно, – кивнул дядя и жутко улыбнулся.

– Значит, она не вернётся! – крикнул Дигори. – Вы её убили!

– Почему же, вернуться она может, если кто-нибудь отнесёт ей это зелёное кольцо.

Тогда Дигори понял, в какую попал ловушку, и молча, очень бледный, уставился на дядю.

– Надеюсь, – достойно и громко промолвил тот, словно лучший из дядюшек давал добрый совет племяннику, – *надеюсь*, мой мальчик, ты не трус. Я был бы очень огорчён, если бы у кого-нибудь из нашей семьи было так мало рыцарства и чести, что он оставил бы... э-э... даму в беде.

– Ох, не могу! – снова крикнул Дигори. – Была бы у вас самого честь, вы бы и отнесли кольцо. Ладно, я понял. Только один-то из нашей семьи уж точно подлец. Это же всё подстроено!

– Конечно, – согласился дядя Эндрю, всё так же мерзко улыбаясь.

– Что ж, я пойду, только сперва скажу. Раньше я в сказки не верил, теперь верю. Так вот, в сказках злые чародеи добром не кончают.

Наконец-то дядю проняло – он так испугался, что, при всей его подлости, вы бы его, наверное, пожалели, – но, вымученно засмеявшись, он всё же сказал:

– Ох, дети, дети! Конечно, чего и ждать? Женское воспитание... Сказки, говоришь? Ничего, обо мне не беспокойся. Побеспокойся лучше о своей подружке. Она там давненько. Если эти миры опасны... да... Жалко было бы опоздать!

– Это вам-то? – гневно вскричал Дигори. – Ну ладно, больше не могу. Что мне делать?

– Прежде всего научись владеть собой, – назидательно сказал дядя. – Иначе станешь таким, как тётя Летти. А теперь слушай.

Он встал, надел перчатки и, подойдя к подносу, на котором лежали кольца, начал:

– Кольца действуют только в том случае, если коснутся кожи. Видишь, я беру их рукой в перчатке, и ничего не происходит. В кармане они безопасны, но коснись их случайно голой рукой – и исчезнешь. Там, в другом мире, случится то же самое, если тронешь зелёное кольцо. Оттуда ты исчезнешь, здесь появишься. Заметь, это всего лишь гипотеза, её предстоит проверить. Итак, я кладу тебе в карман два зелёных кольца – для неё и для тебя. В правый карман, не спутай. Зелёное – «зэ», правый – «пэ». Следовательно, «зэпэ», как в слове «запонка» или «запас». Жёлтое бери сам. На твоём месте я бы надел его, а то ещё потеряешь.

Дигори потянулся к кольцу, но вдруг спросил:

– А как же мама? Она спросит, где я.

– Чем скорее ты исчезнешь, – бодро ответил дядя, – тем скорее вернёшься.

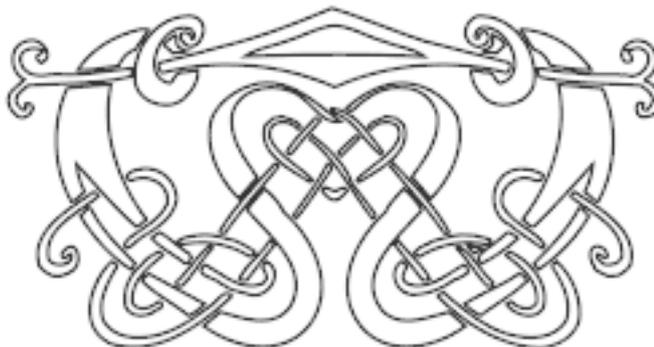
– А если не вернусь? – спросил Дигори.

Дядя Эндрю пожал плечами, подошёл к двери, отпер её, распахнул и сказал:

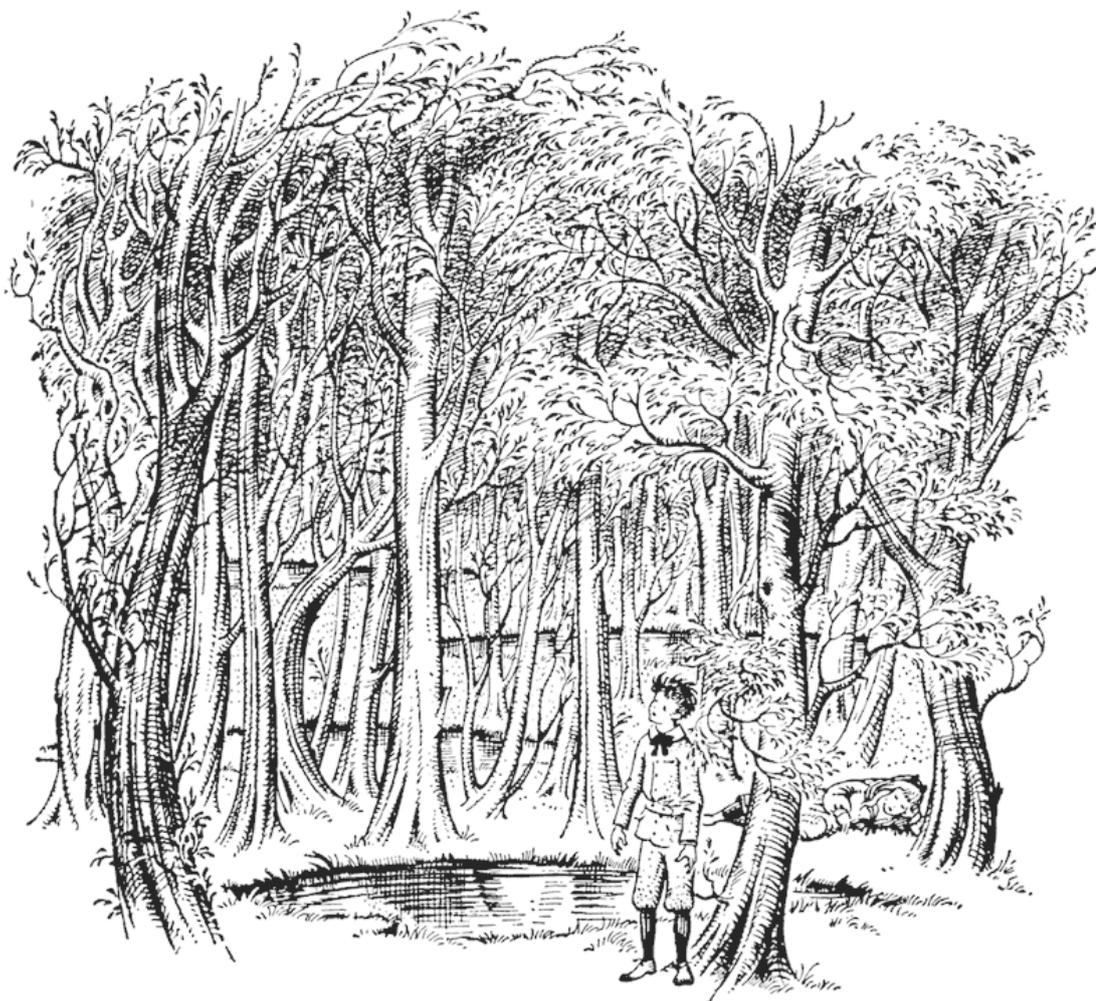
– Что же, прекрасно. Дело твоё. Иди обедай. Твоя подружка, не моя. Ну съедят её звери, ну утонет, ну умрёт с голоду или просто останется там, если хочешь. Только уж, будь любезен, загляни до чая к миссис Пламмер и объясни, что дочку она не увидит, потому что ты испугался.

– Ах, был бы я взрослым, – вздохнул Дигори, – вы бы у меня поплясали!

Потом застегнулся получше, глубоко вздохнул, взял кольцо и подумал – как думал в подобных случаях позже, – что другого выхода нет.

Глава третья. Лес между мирами

Дядя Эндрю и его кабинет немедленно исчезли. На минуту все смешалось, затем Дигори ощутил, что внизу, под ним, тьма, а сверху льётся нежный зелёный свет. Сам он ни на чём не стоял, и не сидел, и не лежал; ничто не касалось его, и он подумал: «Наверное, я в воде... Нет, я под водой». Он испугался и тут же головой вперёд вынырнул на мягкую траву, окаймлявшую маленький пруд.

Поднявшись на ноги, он не задыхался и не хватал воздух ртом, что странно, если ты только что был под водой. Одежда его была суха. Пруд – небольшой, скорее лужа, не больше десяти футов в диаметре – находился в лесной чаще. Деревья стояли почти рядом, и листьев на них было столько, что неба Дигори не видел. Сюда, вниз, падал только зелёный свет, но наверху, должно быть, сверкало солнце, ибо и пройдя сквозь листву, свет оставался тёплым и радостным. Тишина тут стояла невообразимая – ни птиц, ни насекомых, ни зверьков, ни ветра, – и казалось, что ты слышишь, как растут деревья. Прудов было много – Дигори видел штук десять, не меньше, – и деревья словно пили корнями воду. Несмотря на редкостную тишину, было ясно, что лес преисполнен жизни. Рассказывая о нём позднее, Дигори говорил: «Он был свежий, он просто дышал, ну... как пирог со сливами».

Удивительно, что, едва оглядевшись, Дигори забыл, почему он здесь. Во всяком случае, не думал ни о Полли, ни о дяде, ни даже о маме – и не боялся, не беспокоился, не испытывал

любопытства. Если бы его спросили: «Откуда ты взялся?» – он сказал бы, наверное: «Я был здесь всегда». Так он и чувствовал – словно был здесь всегда и не скучал, хотя ничего не случилось. Позже, рассказывая об этом, он говорил: «Там нет никаких событий – деревья растут, и больше ничего».

Дигори долго стоял и смотрел, пока не увидел, что неподалёку на траве лежит какая-то девочка. Глаза у неё были закрыты, но не совсем, словно бы она просыпалась. Он постоял ещё, глядя на неё; наконец она открыла глаза и, посмотрев на него, проговорила всё ещё сонным голосом:

– Кажется, я тебя где-то видела.

– И мне так кажется, – сказал Дигори. – Давно ты здесь?

– Всегда, – ответила девочка. – Ну... не знаю... очень давно.

– И я тоже.

– Нет-нет, – возразила девочка. – Ты только что вылез из прудика.

– Да, правда, – удивлённо проговорил Дигори. – Я и забыл.

Они довольно долго молчали, потом девочка сказала:

– Знаешь, наверное, мы правда виделись. Что-то я такое помню... что-то вижу... какое-то место. И мальчик с девочкой, совсем как мы... они где-то жили... что-то делали... Наверное, это сон.

– Я тоже видел сон, про мальчика и девочку, которые жили в соседних домах... и полезли куда-то. У девочки было грязное лицо...

– Нет, ты напутал: это у мальчика...

– Мальчика я не видел, – сказал Дигори и вдруг вскрикнул: – Ой, что это?

– Свинка, – ответила девочка.

И впрямь: в траве возилась морская свинка, перепоюсанная ленточкой, к которой было привязано сверкающее жёлтое кольцо.

– Смотри! – закричал Дигори. – Смотри, кольцо! И у тебя такое... И у меня.

Девочка очнулась и приподнялась. Они напряжённо глядели друг на друга, пытаясь припомнить что-то, и закричали наконец в два голоса:

– Мистер Кеттерли!

– Дядя Эндрю!

Теперь, когда узнали, кто они, дети стали всё вспоминать, и скоро вспомнили. Дигори рассказал, какой плохой его дядя.

– Что же нам делать? – спросила Полли. – Взять свинку и вернуться домой?

– Куда нам спешить!.. – сказал Дигори, зевая во весь рот.

– Нет, спешить надо, – сказала Полли. – Здесь слишком спокойно... сонно, понимаешь? Если мы сдадимся, то заснём и останемся тут навсегда.

– Здесь очень хорошо, – возразил Дигори.

– Да, но домой вернуться надо. – Полли встала на ноги и осторожно потянулась было к свинке, но передумала: – Лучше её не брать. Кому-кому, а ей тут хорошо. Дома твой дядя станет её мучить.

– Ещё бы, – согласился Дигори. – Что он с нами сделал, ты подумай! Кстати, а как вернуться домой?

– Нырнуть в этот пруд, – предложила Полли.

Они подошли к пруду, постояли, посмотрели на зелёную мирную воду, в которой отражались густые листья. Казалось, там и дна нет.

– Нам не в чем купаться, – сказала Полли.

– Глупости какие! – возразил Дигори. – Нырнём как есть. Ты вспомни: мы ведь не промокли.

– Ты плавать умеешь? – спросила Полли.

– Немножко. А ты?

– М-м... совсем плохо.

– Да не надо нам плавать, – успокоил её Дигори. – Только нырнём, и само пойдёт.

Нырять им не хотелось, но они не сказали об этом друг другу, а, взявшись за руки, отсчитали:

– Раз, два, три – плюх!

И прыгнули. Раздался всплеск. Они, конечно, зажмурились, но, открыв глаза, увидели, что стоят в той же мелкой луже, что и стояли. Пруд был неглубок, вода едва доходила до щиколоток. Они вышли на траву.

– В чём дело? – спросила Полли, испугавшись, но не слишком (испугаться в таком лесу невозможно).

– Знаю! – сказал Дигори. – Конечно, не получилось. На нас жёлтые кольца. Они переносят сюда, понимаешь? А домой – зелёные! Давай поменяем. Карманы у тебя есть? Так, хорошо. Положи жёлтое в левый. Зелёные – у меня. Держи, одно тебе.

Надев на палец зелёные кольца, они снова пошли к пруду, но Дигори воскликнул:

– Стоп!

– Что такое? – удивилась Полли.

– Мне пришла в голову мысль, очень хорошая. Куда ведут другие пруды?

– То есть как?

– Ну, к нам, в наш мир, мы вернулись бы через этот пруд. А через другие? Может, каждый ведёт в какой-нибудь мир?

– Я думала, мы уже в другом мире... Ты же сам говорил... и дядя Эндрю...

– Да ну его, дядю! Ни чёрта он не знает. Сам небось никуда не нырял. Ладно, ему кажется, что есть наш мир и второй, другой. А если их много?

– Значит, этот лесной – один из них?

– Нет, это вообще не мир, это... промежуточное место.

Полли не поняла, и он принялся объяснять:

– Нет, ты подумай! Наш проход не комната, но из него можно попасть в комнаты. Он и не часть дома, но можно попасть в любой дом. Так и этот лес. Он ни в каком мире, но из него можно попасть куда хочешь.

– Ну, даже если... – начала Полли, но Дигори продолжил, словно её и не слышал:

– Тогда всё ясно. Поэтому тут так тихо, сонно. Здесь ничего не случается. Как там, у нас. Люди едят в домах, и разговаривают, и что-то делают. Между стенками, над потолками, в нашем проходе событий нет, но оттуда можно попасть в любой дом. Наверное, отсюда мы попадём в любой мир. Давай нырнём в другой пруд.

– Лес между мирами, – замороженно проговорила Полли. – Какая красота!

– Куда же мы нырнём?

– Вот что, – сказала Полли, – никуда я нырять не буду, пока мы не узнаем, можно ли вообще вернуться.

– Ещё чего! – воскликнул Дигори. – Хочешь угодить прямо к дяде? Нет уж, спасибо.

– Нырнём тогда немножко, не до конца. Только проверим! Если всё пойдёт хорошо, сме- ним кольца и тут же вынырнем.

– А можно повернуть, когда ты там?

– Ну не сразу же мы здесь очутились. Значит, время у нас будет.

Дигори поупирался ещё, но сдаться ему пришлось, ибо Полли наотрез отказалась нырять в другие миры, если они не поставят этот опыт. Она была такой же смелой, как он (например, не боялась ос), но не такой любопытной. Дигори же был из тех, кому надо знать всё, и стал впоследствии тем самым профессором Кёрком, который участвует в других наших хрониках.

Поспорив как следует, они решили надеть зелёные кольца («Тут они безопасные, – сказал Дигори, – помни: как зелёный свет»), взяться за руки и прыгнуть. Если им покажется, что они возвращаются к дяде или просто в свой мир, Полли крикнет: «Меняй», – и они наденут жёлтые. Кричать «меняй» хотел Дигори, но Полли не согласилась.

Они надели кольца, взялись за руки и снова крикнули:

– Раз, два, три – плюх!

Теперь получилось. Трудно описать, что они чувствовали, очень уж всё было быстро. Сперва по чёрному небу пронеслись какие-то яркие огни (Дигори до сих пор считает, что это были звёзды, и клянётся, что видел Юпитер совсем близко, даже разглядел его луны), но тут же показались крыши, и трубы, и купол Святого Павла – словом, Лондон. Как ни странно, стены были прозрачные. Дети увидели дядю Эндрю, сперва расплывчато, потом – всё чётче, словно он попал в фокус. Прежде чем он совсем определился, Полли крикнула:

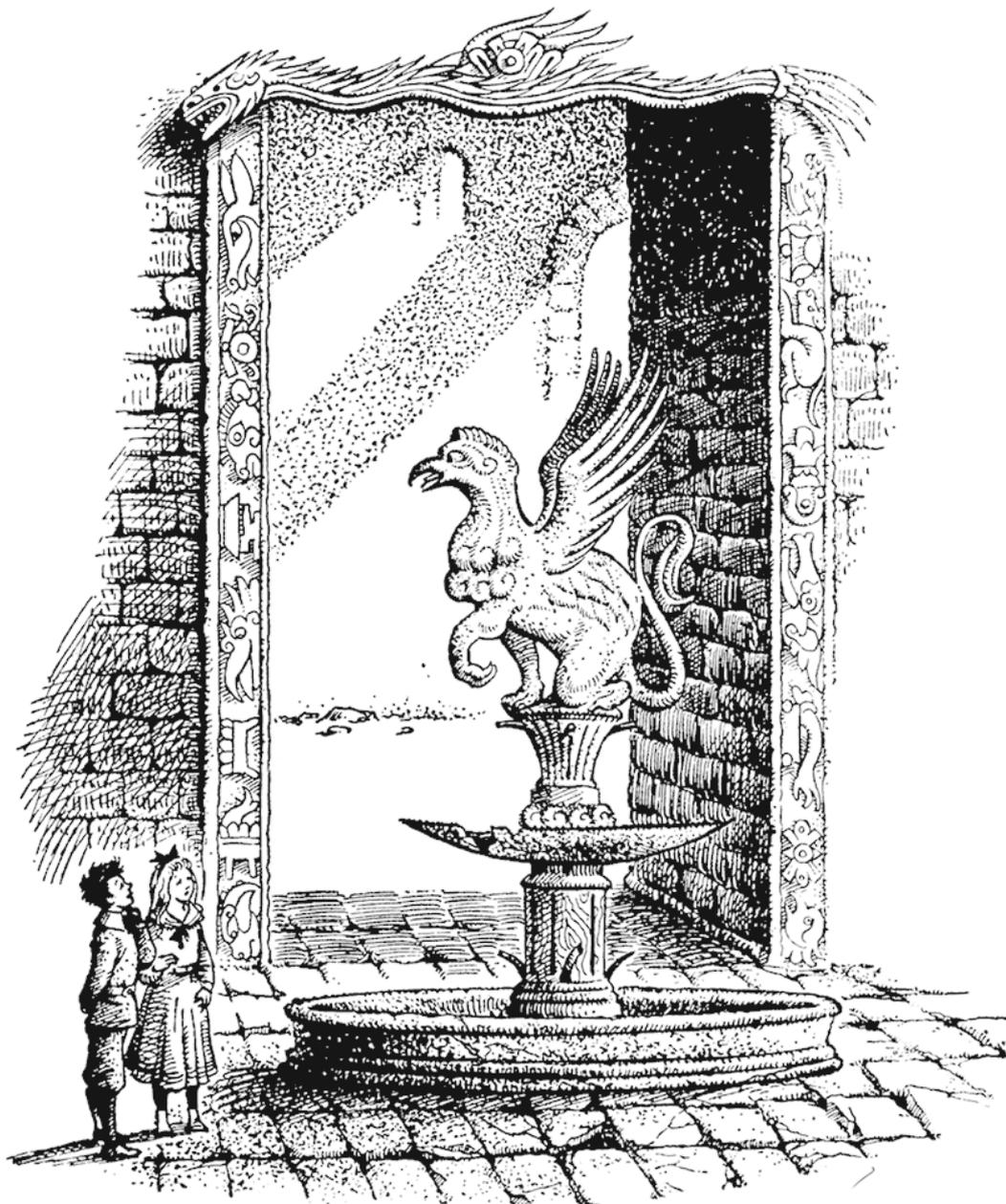
– Меняй!

И они поменяли кольца, и мир наш исчез как сон, и зелёный свет появился снова, и сгустился, и, наконец, дети высунули головы из пруда. Они выбрались на берег, вокруг был лес, такой же свежий и тихий. Заняло это всё меньше минуты.

– Ну вот! – сказал Дигори. – Действует. Какой выберем пруд?

– Постой, – предложила Полли, – давай отметим сперва этот, наш.

Они посмотрели друг на друга и побледнели, уразумев, какая им только что грозила опасность. Прудов было много, все одинаковые, и деревья одинаковые – словом, если пруд не отметить, один шанс на сто, что его потом найдёшь.

Дигори открыл дрожащей рукой перочинный ножик и вырезал у пруда полоску дёрна. Земля была яркая, густо-бурая, с красноватым оттенком – очень красиво рядом с зеленью – и приятно пахла. Полли тем временем сказала:

– Хорошо хоть кто-то из нас соображает...

– Ладно, не заводись, – буркнул Дигори. – Идём посмотрим другие пруды.

И Полли что-то ответила ему, и он ответил ей, ещё похлеще, и они препирались минут десять, но читать об этом было бы скучно. Лучше поглядим, как они стоят у другого пруда, держась за руки, и отсчитывают: «Раз, два, три – плюх!»

Опять ничего не вышло. Видно, это был просто пруд. В другой мир они не попали, только намочили ноги во второй раз за это утро (если было утро – в лесу между мирами всегда всё одинаково).

– Тьфу! – воскликнул Дигори. – В чём дело? Жёлтые кольца – вот они. Он же говорил: надо жёлтые, чтобы попасть в другой мир.

А дело было в том, что дядя Эндрю ничего не знал о промежуточном месте и потому напутал с кольцами. То, из чего они сделаны, было отсюда, из леса. Жёлтые кольца переносили в лес, их тянуло домой. Зелёные тянуло из дому, они и переносили в другие миры. Понимаете, многие чародеи сами не ведают, что творят, – так и дядя Эндрю. Конечно, Дигори не знал всего этого, да и позже толком не понял, но, обсудив всё получше, дети решили надеть зелёные кольца и посмотреть, что выйдет.

– Ну, давай, – сказала Полли, в глубине души не сомневаясь, что никакие кольца ничего не изменят у нового пруда и бояться нечего, разве что водой обрызгает.

Я не совсем уверен, что Дигори думал иначе. Во всяком случае, они надели зелёные кольца, и стали у воды, и взялись за руки гораздо бодрее, совсем не так торжественно, как в первый раз.

Дигори посчитал до трёх, крикнул «плюх!», и они прыгнули.

Глава четвёртая. Молот и колокол

Без всяких сомнений, на сей раз колдовство сработало. Они пролетели сквозь воду, сквозь тьму и увидели непонятные очертания предметов. Стало совсем светло.

Ноги их ощутили какую-то твёрдую поверхность. Потом всё стало в фокус, они смогли оглядеться, и Дигори воскликнул:

– Ну и местечко!

– Очень противное, – сказала Полли и вздрогнула.

Прежде всего они заметили, что здешний свет не похож ни на солнечный, ни на газовый, ни на свет свечей – вообще ни на что. Он был тусклый, невесёлый, багряно-бурый, очень ровный. Стояли дети на мостовой среди каких-то зданий – может быть, на мощёном дворе. Небо над ними было тёмно-синим, почти чёрным, и они не понимали, откуда идёт свет.

– То ли гроза сейчас будет, то ли затмение, – сказал Дигори. – Какая странная погода!

– Очень противная, – заметила Полли.

Говорили они почему-то шёпотом и всё ещё держались за руки.

Стены вокруг них были высокие, а в стенах зияло множество незастеклённых окон, чёрных, словно дыры. Пониже, будто входы в туннель, чернели арки. Было довольно холодно. Камень арок и стен был красновато-бурый – может, из-за странного света – и очень, очень старый; плоский камень мостовой был испещрён трещинами. В одной из арок чуть не до половины громоздился мусор. Дети медленно оглядывались, страшась увидеть кого-нибудь в проёме окна.

– Как ты думаешь, живёт тут кто? – шёпотом спросил Дигори.

– Нет, – сказала Полли. – Это... ну, это... руины. Слышишь, как тихо.

– Послушаем ещё, – предложил Дигори.

Они послушали, но услышали только биение собственных сердец. Тихо тут было, как в лесу, но совсем иначе. Тишина в лесу была добрая, приветливая: казалось, что сейчас услышишь, как растут деревья, – а здесь пустая, злая, холодная. Невозможно представить себе, чтобы тут что-нибудь росло.

– Идём домой, – предложила Полли.

– Да мы же ничего не видели, – возразил Дигори. – Давай хоть оглядимся.

– Нечего тут смотреть.

– А зачем волшебные кольца, если боишься смотреть другие миры?

– Это кто боится? – Полли выпустила его руку.

– Да ты вот – смотреть не хочешь...

– Куда ты пойдёшь, туда и я.

– А не понравится – исчезнем, – сказал Дигори. – Давай снимем зелёные кольца и положим в правый карман. Только помни: жёлтые в левом. Держи руку поближе к карману, но в карман не лезь, а то тронешь – и всё!

Они переложили кольца и направились к одной из арок. Вела она в дом, и они увидели с порога, что там не особенно темно. Войдя в большой, вроде бы пустой зал, они различили в другом конце соединённые арками колонны. За ними мерцал всё тот же усталый свет. Они вышли в другой двор, побольше. Стены там, совсем обветшалые, еле держались.

– Очень уж они ветхие, – сказала Полли, показывая на то место, где стена так накренилась, что того и гляди свалится во двор. Между двумя арками не хватало ещё одной колонны, там камень едва не падал, его ничто не держало. Здесь явно не было никого сотни, а то и тысячи, лет.

– Если стояли до сих пор, – сказал Дигори, – значит, не упадут. Главное, ступать тихо, а то от звука и свалятся, – знаешь, как лавина в горах.

Они взобрались по большим ступеням и прошли анфиладу комнат, таких огромных, что просто голова кружилась. Им то и дело казалось, что вот сейчас выйдут на воздух и увидят, что за земли окружают невиданный замок, но всякий раз они оказывались ещё в одном дворе. Наверное, когда здесь жили люди, место было очень красивым.

Так шли они из двора во двор, и только в одном из них увидели фонтан, но из пасти какого-то чудовища вода не текла да и в самом водоёме давно высохла. Растения на стенах тоже высохли, и не было живых тварей: ни пауков, ни букашек – никого и ничего, даже травы или мха.

Всё было так тоскливо и так одинаково, что Дигори собрался было надеть жёлтое кольцо и вернуться в уютный, зелёный, живой лес, когда перед ними предстали две высокие и, похоже, золотые двери. Одна была приоткрыта. Конечно, дети заглянули в неё и замерли, разинув рты. Наконец они увидели то, что увидеть стоит.

Сперва им показалось, что в зале полно народу, просто сотни людей, но все тихо сидят вдоль стен: конечно, они и сами стояли тихо, – но потом наконец решили, что у стен сидят не люди. Живой человек хоть раз бы пошевелился. Нет, это были, наверное, очень искусно сделанные восковые фигуры.

Теперь любопытство овладело Полли, ибо фигуры эти были одеты в поразительные наряды. Если наряды и вас интересуют, вы бы тоже подошли поближе. Они были такие яркие, что комната казалась не то что весёлой, но хотя бы роскошной, что ли, после тех, пыльных и пустых. Да и окон здесь было больше, и света. Что до нарядов, описать я их толком не могу; скажу лишь, что на голове у каждой фигуры сверкала корона, одежды же были самых разных цветов – алые, серебристые, густо-лиловые, ярко-зелёные, расшитые странными цветами и причудливыми зверями. И на коронах, и на одеждах, и на каждом открытом участке тела сверкали драгоценные камни: алмазы, рубины, изумруды.

– Почему платья не истлели? – спросила Полли.

– Заколдованы, – сказал Дигори. – Разве ты не чувствуешь? Тут всё заколдовано, я сразу понял.

– И какие дорогие... – добавила Полли.

Но Дигори больше интересовали сами фигуры, сами люди – и не зря. Сидели они на каменных тронах, у стен, а посередине было пусто, так что каждый мог обойти и пристально осмотреть всех.

– Какие хорошие... – сказал Дигори.

Полли кивнула. И впрямь, лица были очень приятные, словно эти мужчины и женщины не только красивы, но и добры – быть может, они принадлежали к какой-то лучшей, прекрасной расе, – однако, пройдя несколько шагов, дети заметили, что лица чем дальше, тем надменнее и важнее. К середине ряда они были и сильными, и гордыми, и даже счастливыми, но какими-то злыми, потом – просто жестокими, а ещё дальше – к тому же и безрадостными, словно обладатели их сделали или испытали что-то страшное. Самая последняя – дама удивительной красоты, в невиданно богатых одеждах – глядела так злобно и так гордо, что просто дух захватывало. Она была на удивление огромна (хотя и остальные отличались высоким ростом). Много позже, в старости, Дигори говорил, что никогда не видел таких красивых женщин. Правда, подруга его прибавляла, что никак не поймёт, в чём эта красота.

Дама, как я уже сказал, сидела последней, но и за ней стояли пустые кресла, словно ждали кого-то.

– Что бы всё это значило? – сказал Дигори. – Смотри, посередине стол, а на нём что-то лежит.

Собственно, это был не стол, а широкая низкая колонна, а на ней лежал золотой молоток и стояла золотая дужка, с которой свисал небольшой золотой колокол.

- Вот удивительно! – воскликнул Дигори.
- Тут что-то написано, – заметила Полли, наклонившись, чтобы разглядеть получше.
- И правда, но мы всё равно не поймём.
- Почему? Поймём, наверное.

Конечно, письмены были странные, но, как это ни удивительно, становились всё понятней. Буквы не изменялись, а понятней делались. Если бы Дигори вспомнил собственные слова,

то понял бы, что и здесь действует колдовство, но он ничего не помнил, его снедало любопытство и нетерпение. И скоро они узнали что хотели. На каменной колонне было написано (когда дети читали эти строчки в той комнате, они звучали как стихи):

*Выбирай, чужеземец:
если ты позвонишь в колокол –
не пеняй на то, что случится,
если не позвонишь – терзайся всю жизнь.*

– Не стану я звонить! – сказала Полли.

– Что ж, так и терзаться всю жизнь? – воскликнул Дигори. – Нет уж, спасибо! Теперь ничего не поделаешь. Сиди, значит, дома и гадай, что было бы. Так и с ума сойдёшь!

– Какой ты глупый! – попеняла ему Полли. – Зачем же терзаться? Нам и не важно, что бы случилось.

– Это же колдовство! – воскликнул Дигори. – Заколдуют, и будешь терзаться. Я уже терзаюсь, оно действует.

– А я нет, – довольно резко ответила Полли. – И тебе не верю. Ты притворяешься.

– Конечно, ты же девчонка, – сказал Дигори. – Девочкам ничего не интересно, кроме сплетен и всякой чепухи, кто в кого влюбился.

– Сейчас ты очень похож на своего дядю, – заметила Полли.

– При чём тут дядя? Мы говорили, что...

– Как это по-мужски! – проговорила Полли взрослым голосом и быстро прибавила: – А ты не отвечай «как это по-женски», не обезьянничай!

– Буду я называть женщиной такую малявку! – фыркнул Дигори.

– Это я малявка? – воскликнула Полли, рассердившись по-настоящему. – Что ж, не стану тебе мешать. С меня хватит. Очень гадкое место, а ты воображала и свинья!

– Стой! – закричал Дигори куда противнее, чем хотел бы, ибо увидел, что Полли вот-вот сунет руку в карман, где лежит жёлтое кольцо.

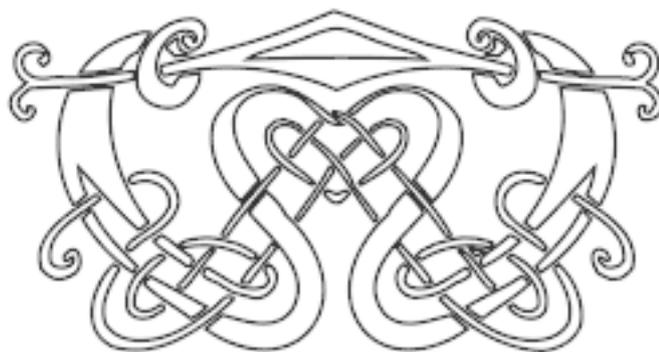
Оправдать его я не могу, могу только сказать, что потом он очень жалел о том, что сделал (жалели об этом и многие другие): крепко схватил Полли за руку, отодвинул локтем другую её руку, дотянулся до молотка и легко ударил в колокол. После этого он выпустил её, и они уставились друг на друга, не говоря ни слова и тяжело дыша. Полли собралась заплакать: не от страха и не от боли (Дигори чуть не сломал ей руку), а от злости – но не успела. Ровно через две секунды оба они забыли о своих ссорах – и вот почему.

Звон был очень нежный и не очень громкий, однако не прекращался и становился всё громче, и вскоре дети уже не могли говорить, потому что не слышали друг друга. Но они говорить не собирались, а стояли, разинув рты. Когда звон стал таким, что они не могли бы и кричать, сама мелодичность его уже казалась жуткой. И воздух в зале, и каменный пол под ногами сотрясала крупная дрожь. Тут послышался и другой звук, словно откуда-то шёл поезд, и третий – словно упало дерево. Наконец большие куски стены и четверть потолка рухнули с грохотом – то ли по колдовству, то ли потому, что именно этой ноты каменная кладка выдержать не могла. Стены пошатнулись, и колокол умолк. Облака пыли рассеялись. Стало тихо.

– Ну, доволен теперь? – проговорила Полли.

– Спасибо, хоть кончилось, – сказал Дигори.

Но ошибся.

Глава пятая. Страшное слово

Дети смотрели друг на друга поверх невысокой колонны, а колокол ещё подрагивал, хотя и не звонил. Вдруг в дальнем углу что-то зашумело. Они быстро обернулись и увидели, что одна из фигур, самая последняя, поднимается с места (как вы поняли, именно та, что Дигори счел красивой). Когда она встала, дети увидели, что она невиданно высока. Не только одежды и корона, но и сверкание глаз, изгиб губ говорили о том, что это великая властительница. Медленно оглядев зал, она увидела обломки, заметила детей, но удивления не выказала, а быстро, большими шагами подошла к пришельцам и спросила:

– Кто разбудил меня? Кто разрушил чары?

– Кажется, я, – ответил Дигори.

– Ты! – сказала королева и, положив ему на плечо белую красивую руку, сжала как клещами. – Ты? Да ты же простой мальчик! Сразу видно, что в тебе нет королевской крови. Как ты посмел сюда войти?

– Мы из другого мира, – объяснила Полли, – и попали к вам по волшебству. Ей казалось, что королеве пора заметить и её.

– Правда это? – спросила королева, не удостоив Полли даже взглядом и явно обращаясь к Дигори.

– Да, – ответил он.

Королева взяла его за подбородок, подняла голову и долго глядела ему в лицо. Дигори попробовал смотреть на неё, но потупился. Наконец она отпустила его и сказала:

– Ты не волшебник. Знака чародеев на твоём лице нет. Наверное, ты слуга какого-нибудь чародея. Колдовал он, а не ты.

– Колдовал мой дядя, – ответил Дигори.

Неподалёку что-то затрещало, загрохотало, обвалилось, и пол снова дрогнул.

– Тут оставаться нельзя, – совершенно спокойно сказала королева. – Дворец скоро рухнет. Идёмте. – И протянула одну руку Дигори, другую – Полли.

Та хотела было воспротивиться, но ничего сделать не могла. Говорила королева спокойно, двигалась – быстро, и не успела Полли опомниться, как очень большая и сильная ладонь схватила её за левую руку.

«Какая она противная, – подумала Полли. – И сильная какая, может руку сломать. И ведь левую держит, теперь я не достану жёлтое кольцо. Правую руку в левый карман незаметно не сунешь. Главное, чтобы она про кольца не узнала. Хоть бы Дигори не выдал! Ах, жаль, нельзя с ним поговорить!»

Королева повела их в длинный проход, а оттуда – в настоящий лабиринт залов, лестниц и двориков. Где-то рушились куски потолка или стен, и одна арка упала сразу после того, как они под ней прошли. Приходилось бежать рысцой, хотя сама королева лишь крупно шагала в полнейшем спокойствии. «Какая она смелая! – думал Дигори. – И сильная какая. Поистине королева! Надеюсь, она расскажет, где мы».

Пока они шли, королева и впрямь кое-что объяснила:

– Вот эта дверь – в подземелье, а по этому проходу водили на пытки. Тут пиршественный зал, где мой прадед перебил семьсот вельмож, прежде чем они приступили к ужину. У них были мятежные мысли.

Наконец они дошли до особенно просторного зала, и Дигори подумал, что это, как сказали бы мы, вестибюль. И точно, в другом его конце были высокие двери то ли из чёрного дерева, то ли из чёрного металла – в нашем мире такого нет. Засовы на них располагались слишком высоко даже для королевы, и Дигори подумал, как же выйти, но она отпустила его, подняла руку и, гордо выпрямившись, что-то проговорила (звучало это жутко). Двери дрогнули, словно шёлковые гардины, и обрушились с диким грохотом. На пороге осталась кучка пыли. Дигори присвистнул.

– Так ли могуч твой учитель и хозяин? – спросила королева и снова сжала его руку. – Ну, это я узнаю. А ты запомни: вот что я делаю с теми, кто стоит у меня на пути.

Яркий свет и холодный воздух хлынули им в лицо (именно воздух, не ветер). Дети стояли на высокой террасе, с которой открывался удивительный вид. Да и небо над ними было необычным, солнце светило как-то тускло, стояло слишком низко, было очень большое и вроде бы старше нашего, словно устало смотреть на мир и вот-вот умрёт. Слева, повыше, светила большая звезда, так что нельзя было понять, ночь это или день.

– Гляди на то, чего никто не увидит, – сказала королева. – Таким был Чарн, великий город, столица властелинов, чудо света, быть может – чудо всех миров. Есть такие владения у твоего дяди?

– Нет, – сказал Дигори, но ничего объяснить не успел, ибо королева продолжила:

– Теперь здесь царит молчание. Но я глядела на город, когда он был полон жизни. И сразу, в единый миг, по слову одной женщины, он умер.

– Кто эта женщина? – несмело спросил Дигори, и без того зная ответ.

– Я, – ответила королева. – Я, последняя владычица мира, королева Джадис.

Дети молча стояли рядом с ней и дрожали от холода.

– Виновата моя сестра, – сказала королева. – Она довела меня, будь проклята вовеки! Я хотела её пощадить, но она не сдавалась. Всё её гордыня! Мы спорили о праве на власть, но обещали друг другу не пускать в ход колдовство. Она всё предредила, когда попыталась навести на меня чары. Как будто не знала, что в этом я сильнее! Как будто думала, что я не воспользуюсь словом. Она всегда была слабой и глупой.

– Словом? – спросил Дигори. – Каким?

– Это тайна тайн. Прежние властелины были слишком мягки и глупы, чтобы её использовать, но я...

«Нет, какая гадина!» – подумала Полли.

– А как же люди? – спросил Дигори.

– Какие люди? – не поняла королева.

– Простые, которые здесь жили, – сказала Полли. – Они же вам ничего не сделали!

– Что за чушь! – воскликнула королева, не оборачиваясь к ней. – Они мои подданные.

– Не повезло им, однако, – тихо заметил Дигори.

– Я забыла, что ты и сам из таких. Тебе не понять государственных интересов. Запомни: то, что нельзя тебе, можно мне, ибо я великая владычица и на моих плечах судьба страны. Наш удел высок, мы одиноки.

Дигори вспомнил, что дядя произнёс те же самые слова; правда, сейчас они звучали убедительнее – должно быть, потому, что старик не так красив и величав.

– Что же вы сделали? – спросил Дигори.

– Я всех заколдовала. Ты видел: мои предки погружали в сон самих себя, когда уставали править, – вот и я, заколдовав всех, присоединилась к ним, чтобы спать, пока кто-нибудь не позвонит в колокол. Скажи, твой мир хоть немного веселее?

– По-моему, он гораздо лучше! – сказал Дигори.

– Что же, – промолвила королева, – идём туда!

Дети в ужасе переглянулись. Полли сразу невзлюбила её, Дигори же понял теперь, что при всей её красоте на Землю её лучше не брать, и, покраснев, пробормотал:

– Собственно, там... нет ничего интересного... Вам будет очень скучно... Смотреть не на что, знаете ли...

– Ничего, скоро там будет на что посмотреть.

– Нет-нет! – поспешно заверил Дигори. – Вам не разрешат у нас колдовать!

Королева презрительно усмехнулась.

– Глупый детёныш! Твой мир будет ползать у меня в ногах. Говори свои заклинания, и поскорей!

– Какой ужас! – шепнул Дигори растерянной Полли.

– Неужели ты боишься за своего дядю? – спросила королева. – Если он выкажет мне должное почтение, я сохраню ему жизнь и власть. Я не собираюсь бороться с ним. Наверное, он великий чародей, если сумел послать тебя сюда. Он король твоего мира?

– Нет, что вы! – возразил Дигори.

– Ты лжёшь, – сказала королева. – Все чародеи – короли. Разве может презренный люд овладеть тайнами? Хорошо, молчи, я и так всё знаю. Дядя твой – великий властитель и чародей вашего мира. Пользуясь своими чарами, он увидел в зеркале или в пруду отблеск моего лица и, пленённый моей красотой, создал магическое средство. Оно едва не погубило ваш мир, но ты попал сюда, преодолев пространства между мирами, чтобы умолить меня и отвести к нему. Отвечай, я угадала?

– Н-не совсем... – пробормотал Дигори, а Полли воскликнула:

– Совсем не угадали! Какая чепуха, честное слово!

– Это ещё что? – удивилась королева и ловко схватила Полли за волосы на самом затылке, где больнее всего, и при этом, конечно, выпустила её руку.

Крикнув друг другу: «Быстрее!» – дети схватили свои кольца. Надеть их не пришлось – зачарованный мир сразу исчез, откуда-то сверху забрезжил мягкий зелёный свет.

Глава шестая. Как начались несчастья дяди Эндрю

– Пустите! Пустите! – крикнула Полли.

– Я тебя и не трогаю! – сказал Дигори, удивившись, что она обращается к нему на «вы».

И головы их вынырнули из пруда в светлую тишь леса. После страшной и дряхлой страны, из которой они спаслись, он казался ещё более радостным и мирным. Если бы могли, снова забыли бы, кто они, и погрузились в сладостный полусон, слушая, как растут деревья, но им мешало немаловажное обстоятельство: выбравшись на траву, они обнаружили, что королева, или колдунья (зовите её как хотите), уцепилась за волосы Полли. Потому несчастная девочка и кричала: «Пустите!»

Дядя Эндрю не сказал им и не знал, что кольцо совсем не нужно надевать, можно даже его не трогать, а просто коснуться того, кто его надел. Получается вроде магнита: одно кольцо вытащит всё остальное, как намагниченная булавка – мелкие предметы.

Теперь, в лесу между мирами, королева изменилась – стала бледнее, настолько бледнее, что красота её поблекла. Дышала она с трудом, словно здешний воздух был ей противопоказан. Дети почти совсем не боялись её.

– Отпустите мои волосы! – воскликнула Полли. – Что вам нужно?

– Да, пустите её! – поддержал Дигори. – И немедленно!

Вдвоём они были сильнее, чем она (во всяком случае здесь), и им удалось вырвать волосы из её рук. Она отпрянула, задыхаясь; глаза её горели злобным страхом.

– Быстро! – сказала Полли. – Меняй кольцо и ныряй!

– Помогите! – закричала колдунья, но голос её был слаб. – Пощадите меня! Возьмите с собой! Не оставляйте в этом страшном месте! Я тут умру.

– Рады бы, – важно сказала Полли, – но государственные интересы не позволяют... Как у вас, когда вы убили тех людей. Быстрее, Дигори!

И они переменили кольца, но тут Дигори сказал:

– Ах ты, господи! Что же мы делаем? – Волей-неволей он немножко жалел королеву.

– Не дури, – ответила Полли. – Честное слово, она притворяется. Скорей!

И они ступили в пруд, ведущий домой («Хорошо, что мы его поместили», – подумала Полли), но Дигори почувствовал, что к уху его прикоснулось что-то холодное. Когда очертания нашего мира уже выплывали из мглы, он понял, что его держат за ухо двумя пальцами, и стал вырываться, брыкаться, но тщетно – по-видимому, колдунья вновь обрела свою силу. Наконец перед ними возник дядин кабинет и сам дядя, взирающий в изумлении на невиданное существо, которое Дигори доставил из другого мира.

Понять его можно. Королева вполне оправилась, и здесь, среди обычных земных вещей, вид её был поистине страшен. Дети тоже не могли оторвать от пришелицы глаз. Прежде всего поражал её рост – до сих пор дети не понимали, как она огромна. «Вроде бы и не человек», – подумал Дигори, и был прав, ибо в жилах властителей Чарна течёт и кровь великанов. Ещё сильнее поражала её красота, её гордыня и дикая ярость. Дядя кланялся, егозил, почти плясал перед ней, казался совсем ничтожным, однако Полли заметила, что они чем-то похожи. Похожи они были именно тем, чего не нашла королева в лице Дигори. Хоть одно хорошо: теперь дети не боялись дядю Эндрю, как не испугается червя тот, кто видел змею, коровы – тот, кто видел бешеного быка.

«Тоже мне чародей! – подумал Дигори. – Вот она – это я понимаю».

Дядя всё кланялся, угодливо потирая руки. Он хотел бы сказать что-нибудь учтивое, но не мог – во рту пересохло. Опыт оказался успешнее, чем ему хотелось; всё же дядя не ждал опасностей для *себя*. Столько лет колдовал, стольким вредил, но такого с ним не бывало.

Наконец колдунья заговорила негромко, но так, что задрожали стены:

– Какой чародей привёл меня в этот мир?

– Э... э... хм... мэ, – пролепетал дядя, – чрезвычайно польщён... премного обязан... почитаю за честь... э... э... э...

– Где чародей? – крикнула королева. – Отвечай, шут!

– Э... э... это я, мэ-э-эм. Надеюсь, вы простите этих мерзких детей. Поверьте, я ни сном ни духом...

– Ты чародей? – переспросила королева, сделала один огромный шаг, схватила старика за седые лохмы и откинула назад его голову.

Лицо его она изучала долго, как и лицо Дигори. Дядя моргал и нервно облизывал губы. Насмотревшись, она отпустила его, так что он стукнулся спиной о стену, и сказала:

– Так. Чародей... своего рода. Стой прямо, пёс! Помни, перед кем стоишь. Кто научил тебя колдовству? Королевской крови в тебе нет.

– Э... а... не то чтобы королевской... – забормотал дядя. – Но мы, Кеттерли, древнего рода... старый, знаете ли, род... из Дорсетшира...

– Хватит! – крикнула колдунья. – Я знаю, кто ты. Ты мелкий колдун-недоучка, и колдуешь ты по книгам. В сердце твоём и в крови нет колдовского дара. Там, у себя, я управилась с такими тысячу лет назад. Здесь – разрешу тебе служить мне.

– Пре-премного обязан... очень рад... верьте совести, – пролепетал дядя.

– Много болтаешь! Вот тебе первая служба. Вижу, тут большой город. Немедля раздобудь колесницу, или ковёр-самолёт, или объезженного дракона – словом, то, что годится для ваших королей и вельмож. Потом доставь меня туда, где я найду рабов, драгоценности и одежды, приличествующие моему сану. Завтра начну завоёвывать ваш мир.

– Я... э... а... закажу сейчас кеб, – выговорил дядя.

– Стой! – приказала колдунья, когда он направился к двери. – Не вздумай предать меня. Я вижу сквозь стены и сквозь череп. Если ты мне изменишь, я наведу такие чары, что, где бы ни присел, сядешь на раскалённое железо, где бы ни стал, станешь на лёд. Ступай!

Дядя вышел, очень похожий сейчас на поджавшую хвост побитую собаку.

Дети боялись, что королева обратит свой гнев на них, но она, по-видимому, забыла, что случилось в лесу. Я думаю (и Дигори тоже думает), что ум её просто не мог ни вместить, ни удержать такого мирного места, и, сколько вы её туда ни берите, как долго ни держите, она ничего о нём знать не будет. Сейчас она детей не замечала. Смотрите: там, у себя, она совсем не замечала Полли, потому что пользы ждала лишь от Дигори. Теперь, когда ей служил дядя Эндрю, она не замечала и мальчика. Должно быть, все колдуны такие. Им интересны только те, кого можно использовать; они очень практичны. Итак, в комнате царило молчание, и только королева сердито постукивала об пол ногой. Наконец она сказала как бы про себя:

– Что он там делает, старый дурень? Ах, кнут не захватила! – И кинулась из комнаты, не глядя на детей.

– Ой! – радостно выдохнула Полли. – Ну, я пошла, очень поздно. Может, я ещё загляну.

– Да-да, приходи скорее, – попросил Дигори. – Какой ужас, когда она тут! Надо что-то придумать.

– Пускай твой дядя думает, – сказала Полли. – Он же всё затеял.

– Только ты приходи, а? Не бросай меня, я сам не выкручусь!

– Я пойду сейчас по туннелю, – сказала Полли довольно холодно. – Так быстрее. А если ты хочешь, чтобы я вернулась, попроси прощения.

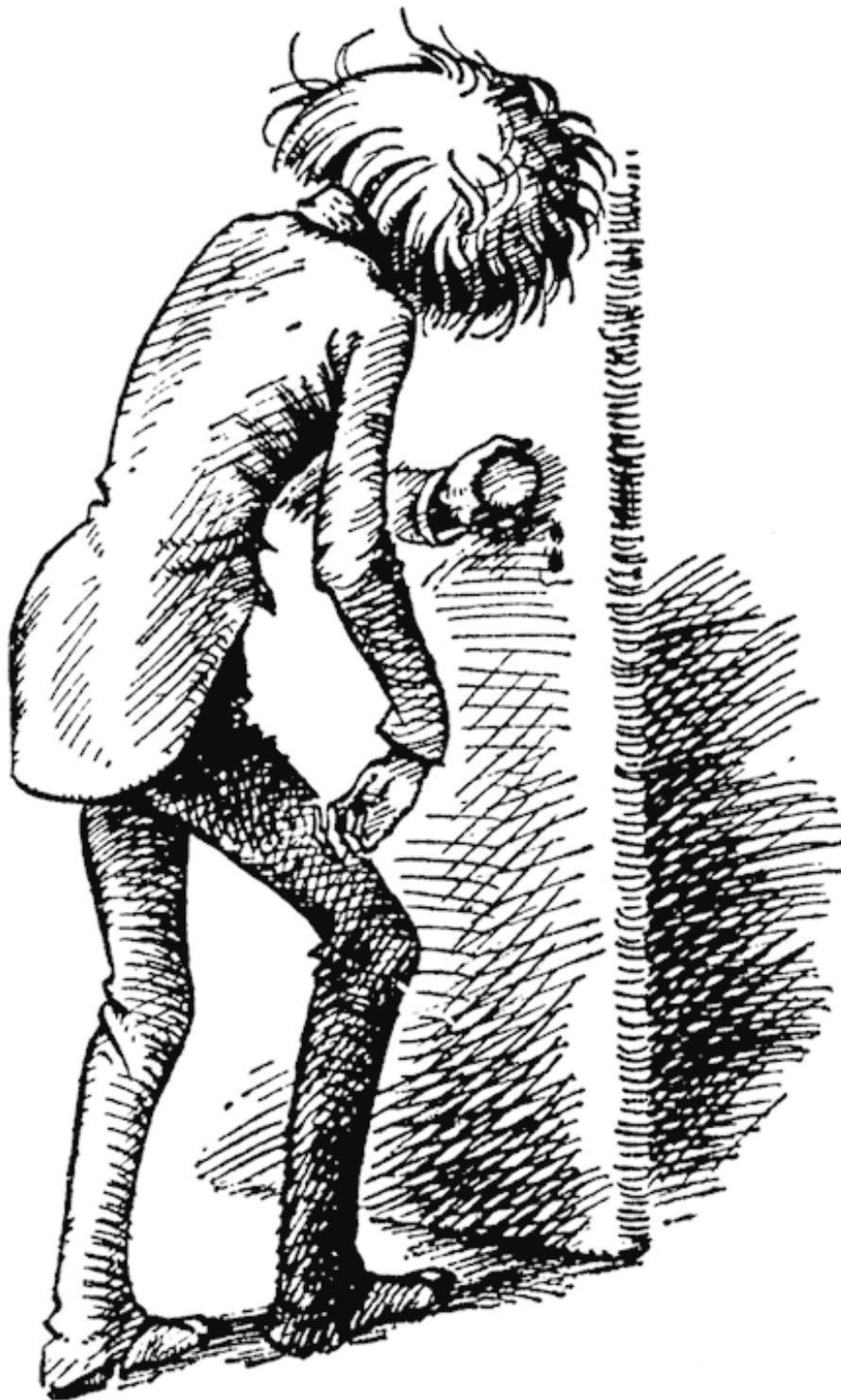
– Это как же? – удивился Дигори. – Только свяжись с девчонками... Да что я сделал?

– Ничего, – ехидно заметила Полли. – Так, чепуха, руки мне вывернул, как разбойник... и позвонил в этот колокол, как идиот... и в лесу дал ей себя схватить, когда мы ещё в пруд не прыгнули... а так – ничего!

– Вон что! – ещё сильнее удивился Дигори. – Ладно, я виноват. Вообще-то я правда жалею, что позвонил в этот колокол. Слышишь, я попросил прощения. Значит, ты приходи, не бросай меня. Хорош я буду, если ты не придёшь.

– А тебе-то что? Это же мистеру Кеттерли сидеть на железе и стоять на льду.

– Да не в том дело! Мама – вот что важно. Представь себе, что *эта* к ней ворвётся! Насмерть перепугает...

– Правда, правда! – совсем иным тоном сказала Полли. – Ну хорошо. Мир, мир навсегда, и так далее. Я приду... если смогу. А сейчас мне пора.

И она нырнула в проход, который казался теперь не загадочным, а самым что ни на есть будничным.

Мы же с вами вернёмся к дяде Эндрю.

Когда он шёл вниз с чердака, сердце у него билось как сумасшедшее, то и дело приходилось отирать лицо платком. Войдя к себе в спальню, он заперся на ключ и прежде всего полез

в комод, где прятал от тёти Летти бутылку и бокал. Выпив какого-то неприятного взрослого зелья, он перевёл дух.

«Нет, чёрт знает что! – повторял он про себя. – Какой кошмар! Я просто разбит! Это в мои-то годы!»

Потом он налил ещё и выпил и лишь тогда стал переодеваться.

Вы не видели таких одежд, а я их помню. Дядя надел высокий твёрдый сверкающий воротничок, в котором и головы не опустишь, белый жилет в цветных узорах, выпустив из кармашка золотую цепочку, достал свой лучший фрак, который носил только на свадьбы и похороны, и почистил лучший цилиндр. На комод стояли цветы (их ставила тётя), и он сунул один в петлицу, а в кармашек, расположенный повыше того, с цепочкой, положил носовой платок (теперь таких не купишь), покапав на него сначала мужскими духами. Потом, вставив в глаз монокль с чёрной лентой, дядя Эндрю подошёл, наконец, к зеркалу.

У детей, как вы знаете, одна глупость, у взрослых – другая. Дядя Эндрю был глуп в самом взрослом духе. Теперь, когда колдуньи рядом не было, он помнил не о её грозном виде, а о её красоте, и думал: «Да, скажу я вам, всем женщинам женщина! Перл природы!» Кроме того, он как-то забыл, что привели её дети, и очень гордился, что колдовством выманил такую красавицу.

– Эндрю, – сказал он своему отражению, – для своих лет ты совсем... э-э... Прекрасная внешность... Породистая...

Понимаете, он возомнил по глупости, что колдунья влюбится в него. Зелье на него повлияло или одежда, но он охорашивался всё больше. Он был тщеславен как павлин, потому и стал чародеем.

Наконец он отпер дверь, послал служанку за кебом (тогда у всех была масса слуг) и пошёл в гостиную. Там, как и следовало ожидать, тётя Летти у самого окна чинила матрас.

– Понимаешь, Летиция, душа моя, – беззаботно начал он, – мне надо выйти. Одолжи-ка мне фунтиков пять, будь добра.

– Нет, Эндрю, милый мой друг, – ответила тётя, глядя на матрас. – Я тебе много раз говорила, что денег не дам.

– Не будь такой мелочной, душенька, – сказал дядя. – Это очень важно. Без них я окажусь в глупейшем положении.

– Эндрю, мой дорогой, – сказала тётя, глядя ему в глаза, – как тебе не стыдно просить у меня денег?

За словами этими таилась скучная взрослая история. Впрочем, сообщим, что дядя «вёл дела дорогой Летти», сам не работал, тратил очень много на бренди и сигары и добился того, что она стала много беднее, чем тридцать лет назад.

– Душенька, – сказал дядя, – пойми, у меня непредвиденные расходы. Будь человеком... Мне надо принять одно... э... лицо...

– Это кого же? – спросила тётя.

– Очень важную гостью. Она, понимаешь ли, появилась... э... неожиданно...

– Что ты мелешь! – воскликнула тётя. – Никто не звонил в дверь.

Тут дверь распахнулась, и тётя не без удивления увидела огромную женщину в роскошных одеждах без рукавов. Глаза у великанши сверкали.

Глава седьмая. Что случилось перед домом

– Сколько мне ждать колесницу, раб? – прогрохотала колдунья.

Дядя Эндрю сжался. Теперь, при ней, он немедленно забыл, что думал перед зеркалом. Но тётя Летти поднялась (матрас она чинила, стоя на коленях), вышла на середину комнаты и холодно спросила:

– Разреши осведомиться, Эндрю: кто эта особа?

– Знат-т-т-ная ин-н-ностранка, – ответил тот. – Исключ-ч-чительно...

– Какой вздор! – сказала тётя и, обернувшись к колдунье, воскликнула: – Вон из моего дома, бесстыжая тварь! Не то вызову полицию.

Колдунью она приняла за циркачку, голые руки – не любила.

– Кто это? – брезгливо спросила королева. – На колени, несчастная, не то сотру в порошок!

– Прошу обходиться в моём доме без таких выражений! – запальчиво произнесла тётя.

Королева стала ещё выше (или дяде Эндрю показалось). Глаза её горели. Она подняла руку, как тогда, в своём королевстве, и произнесла *слово*... но ничего не случилось, только тётя, тоже брезгливо, заметила:

– Так... Она ещё и пьяна... Язык не слушается.

Наверное, колдунье стало очень страшно, когда поняла, что в нашем мире заклятье не действует, но она этого не показала. Нет, она кинулась вперёд, схватила тётю буквально за шкуру (должно быть, за какую-нибудь отделку на платье), подняла как можно выше и швырнула словно куклу. Пока тётя летела, служанка (которой выпало на редкость интересное утро) заглянула в дверь и сказала:

– Простите, сэр, карета приехала.

– Веди меня, раб! – приказала колдунья.

Дядя залепетал было:

– Вынужден протестовать... да... весьма прискорбно... – но, взглянув на королеву, мгновенно онемел и затрусил вслед за ней.

Дигори сбежал сверху как раз тогда, когда хлопнула входная дверь, и сказал:

– Ну вот. Теперь она бегает по Лондону. Да ещё с дядей. Что они натворят?

– Ой! – сказала служанка, которой выпало такое дивное утро. – Ой, мистер Дигори, мисс Кеттерли ушиблась!

И они побежали к тётке.

Если бы тётка упала на пол или даже на ковёр, то, мне кажется, переломала бы все кости, но, к счастью, приземлилась она на матрас. Женщина она была стойкая (такими тогда были почти все чьи-то тётки), а потому, понюхав нашатыря, отмахнулась: «Ах, не волнуйтесь вы по пустякам», – после чего начала действовать.

– Сарра, – велела она служанке (которой ещё не доводилось так радоваться), – бегите в полицию и сообщите, что в городе беснуется умалишённая особа. Обед моей сестре я отнесу сама.

Дигори помог ей отнести обед; потом они сами пообедали; потом он стал думать.

Итак, надо было как можно скорее вытащить колдунью из нашего мира. Мама её видеть не должна ни за что на свете. По городу ей ходить нельзя – чего-нибудь натворит. Дигори не знал, что ей не удалось испепелить тётку, но зато прекрасно помнил, как она испепелила дверь. Не знал он и того, что здесь, у нас, сила её не действует, зато знал, что она хочет завоевать весь мир. «Сейчас, – думал он, – она, наверное, стирает с лица земли Букингемский дворец или парламент, а уж полисмены едва ли не все стали маленькими кучками пепла. И поделаться ничего нельзя... Но ведь кольца вроде магнитов. Надо её только тронуть, и кольцо вытянет нас хотя бы в лес. Интересно, станет ли ей там опять плохо? Место на неё подействовало или она просто испугалась? Да, но где же её найти? Тётка меня на улицу не пустит – во всяком случае спросит, куда иду. И денег у меня нет – так, мелочь, на омнибус не хватит – а объехать надо весь город. И куда, собственно, ехать? Интересно, дядя ещё при ней?»

Оставалось сидеть дома и ждать и её, и дядю. Если они вернуться, надо побыстрее надеть кольцо и сразу же коснуться им колдуньи. Пускать её в дом нельзя – значит, надо стеречь у двери, как кот у мышиной норки.

Дигори пошёл в переднюю и, прижавшись носом к окошку, откуда были видны и крыльцо, и улица, так что пропустить никого не мог, подумал: «А где же теперь Полли?»

Думал он не меньше получаса, но вы себе голову не ломайте, я вам скажу. Полли опоздала к обеду и промочила к тому же ноги. На все расспросы она говорила, что гуляла с Дигори Кёрком, а ноги промочила в пруду. Когда её спросили, где этот пруд, она ответила: «В лесу», – когда её спросили, где лес, она сказала: «Не знаю». И мама решила, что она забрела в какой-нибудь дальний парк, где шлёпала по лужам. Естественно (для тех, конечно, времён), ей запретили гулять – особенно с «этим Кёрком», не дали сладкого и велели два часа не выходить из своей комнаты.

Значит, пока Дигори глядел на крыльцо, Полли сидела – точнее, лежала – у себя, и оба они думали о том, как медленно течёт время. Мне кажется, ей всё-таки было легче, чем ему: одно дело – ждать, пока пройдет два часа, другое – шептать: «Вот, вот!» – и узнавать снова и снова, что это не та, кого ты ждёшь, а чужой кеб или фургон булочника. Время от времени часы отбивали четверть, и большая муха жужжала в верхнем углу окошка. Дом был из тех, где после полудня очень тихо и почему-то пахнет бараниной.

Пока Дигори ждал, случилось одно происшествие, о котором я расскажу, потому что потом это будет важно. Знакомая дама принесла винограду для больной, и в приоткрытую дверь Дигори поневоле слышал её беседу с тёткой.

– Какая прелесть! – говорила тётя. – Если бы что-нибудь могло ей помочь, этот виноград помог бы. Ах, бедная, бедная Мейбл! Боюсь, ей помогли бы теперь только плоды из Края Вечной Молодости... В нашем мире уже ничто...

И обе заговорили тише.

Раньше Дигори подумал бы, что тётя просто говорит чепуху, как все взрослые: да и сейчас чуть так не подумал, – но вдруг понял, что он-то знает другие миры, кроме нашего. Быть может, где-то есть и Край Вечной Молодости. Всё может быть... И... и... Ну, вы сами знаете, как возникает почти безумная надежда и как вы боретесь с ней, чтобы не разочароваться снова. Именно это чувствовал Дигори, но боролся не так уж сильно, потому что ведь и впрямь знал другие миры. Уже случилось столько странного... Волшебное кольцо у него есть. Через лесные пруды можно попасть куда угодно. Перепробовать их все, а потом... *МАМА БУДЕТ ЗДОРОВА*. Он уже и ждать забыл, и чуть было не схватил кольцо, чтобы поскорей найти тот нужный мир,

как вдруг услышал громкий цокот копыт. «Что это? Пожарные? Где же пожар? Ой, они скачут к нам! Да это она сама!» (Не буду говорить, кого он имел в виду.)

Действительно, к дому нёсся кеб. На нём – не там, где сидит кучер, а прямо на крыше, – стояла Джадис, царица цариц и ужас Чарна. Глаза её горели, зубы сверкали, волосы хвостом кометы стлались за нею. Лошадь она хлестала без милости, и та, раздувая ноздри, неслась во весь опор. Пролетев в дюйме от фонарного столба, лошадь эта остановилась, встала на дыбы, а кеб стукнулся о столб и развалился на куски. Колдунья ловко перескочила лошади на спину, шепнула ей что-то, та снова встала на дыбы и заржала, как от боли. Дигори видел лишь оскал, да горящий взгляд, да гриву. Королева и тут удержалась, как самый заправский наездник.

Дигори охнуть не успел, как из-за поворота вылетел ещё один кеб, а из него выскочил толстый джентльмен во фраке и полицейский. Сзади ехал третий кеб с двумя полицейскими и штук двадцать велосипедов; сидевшие на них мальчишки (главным образом разносчики) орала и звонили вовсю. За ними бежала толпа. В домах захлопали окна, на каждом крыльце появилось по слуге или служанке. Кто пропустит такое зрелище!

Тем временем из развалин первого кеба вылез старичок, в котором Дигори признал своего дядю, хотя лица не увидел, ибо цилиндр его закрыл. Многие кинулись на помощь, в том числе и Дигори.

– Вот она, – закричал толстяк, указывая на королеву, – держите её, констебль! Камней взяла на тысячи фунтов... прямо с прилавка... Жемчуг у неё на шее... всё моё... Мало того, она меня побила!

- И точно! – обрадовался кто-то в толпе. – Ух, синячище! Ну и дамочка! Силы-то, силы!
- Приложите сырое мясо, хозяин, – посоветовал мальчик из мясной лавки.
- Ничего не пойму, – сказал самый главный полисмен.
- Да говорю же я... – снова начал толстяк, но кто-то крикнул:

– Вы старика не прозевайте! Это он её возил.

Старик, то есть дядя Эндрю, сумев наконец подняться, потирал ушибленные места.

– Извольте объяснить, что здесь творится, сэр, – сказал полицейский.

– Умфи-помфи-шомф, – сказал дядя сквозь цилиндр.

– Попрошу без шуток! – строго сказал полисмен. – Снимите шляпу!

Сделать это было нелегко, но, к счастью, появились ещё два полисмена и сдернули цилиндр, взявшись за поля.

– Спасибо, – слабым голосом сказал дядя. – Спасибо... Мне плохо... Если бы капельку бренди...

– Минутку, сэр! – сказал первый полицейский, извлекая большой блокнот и маленький карандаш. – Кто отвечает за эту особу? Вы?

– Эй, берегись! – закричали в толпе, и полисмен успел отскочить.

Лошадь чуть не лягнула его, и так сильно, что могла убить. Колдунья развернула её мордой к собравшимся и острым ножом рассекла построжки.

Дигори всё это время пытался подобраться к колдунье, но не мог – мешала толпа. Чтобы подойти с другой стороны, надо было протиснуться между копытами и перильцами палисадника. Если вы знаете лошадей, то поймёте, что мешала и лошадь. Дигори лошадей знал и выжидал, скрипя зубами.

Сквозь толпу пробился краснолицый, довольно молодой человек в котелке и обратился к полицейскому:

– Хозяин, это моя лошадка... и повозочка моя. Сейчас одни щепки останутся...

– По очереди! – сказал полисмен. – Я не могу слушать всех сразу!

– Да как же? – сказал кебмен (звали его Фрэнк). – Я свою лошадку знаю, у нее папаша в кавалерии служил. Если дамочка будет её мучить, она тут всех перебрыкает. Пустите-ка, я разберусь.

Полисмен обрадовался предлогу и отошёл от лошади подальше, а кебмен Фрэнк добродушно обратился к колдунье:

– Вот что, барышня, оставьте вы лучше лошадку! Вы же из приличных, к чему вам такой тарарам? Ступайте домой, попейте чайку, отдохните, всё и пройдёт. – Он протянул было руку к лошади, чтобы погладить: – А ты, Земляничка, стой, не рыпайся! Тише, тиш-ш... – но тут колдунья злобно выкрикнула:

– Пёс, убери руку! Перед тобой королева!

Глава восьмая. Битва у фонаря, и что было дальше

– Ух ты! – восхитились в толпе. – Прямо сама королева?

– Ура её величеству! – поддержал кто-то, и все заорали «ура!» Колдунья гордо вскинула голову, щёки её вспыхнули, но, услышав смех, поняла, что над ней потешаются. Лицо её изменилось, она переложив нож в левую руку и вдруг, без предупреждения, сделала поистине жуткое дело: легко, словно срывая травинку, отломив перекладину от фонарного столба. Магическую силу она утратила, но своя, обычная, осталась при ней, и сломать столб-другой ей было не труднее, чем палочку ячменного сахара. Народ быстро расступился. Потрясающая королева погнала лошадь вперёд.

«Сейчас или никогда!» – подумал Дигори и примерился, как бы половчей схватить колдунью за пятку. Когда он нырнул головой вперёд, раздались грохот и звон – колдунья опустила железный брусок на голову полицейскому, и тот упал как кегля.

– Быстрее! Их надо остановить! – услышал Дигори и, увидев за собой Полли (прибежала, как только истекли два часа), похвалил:

– Молодец! Держись за меня. Кольцо вынешь ты. Помни – жёлтое. Жди моей команды.

Тут свалился ещё один полисмен. Толпа зарокотала: «Да оттащите вы её!.. Нет, камнем, камнем!.. Вызовите солдат!» – но отступила подальше. Один Фрэнк – видимо, самый храбрый и самый добрый из собравшихся – по-прежнему пытался схватить лошадь, увертываясь от бруска.

Толпа гудела и ревела. Над головой Дигори просвистел камень. Колдунья звонко и вроде бы радостно выкрикнула:

– Подлые псы! Завоюю ваш мир, за всё ответите! Камня на камне не оставлю! Как в Чарне, как в Фелинде, как в Сораце, как в Брамандине!

Тут, изловчившись, Дигори схватил её за ногу. Она лягнула его прямо в зубы. Он разжал пальцы и закусил губу. Откуда-то доносился дрожащий дядин голос:

– Мадам... моя... э... дорогая... прошу вас... успокойтесь...

Дигори снова схватил колдунью за ногу, снова отлетел, снова схватил, вцепился крепко и крикнул:

– Полли!

Слава тебе, господи! Сердитые испуганные лица исчезли, сердитые испуганные крики умолкли (кроме дядиного). Где-то рядом, в полной темноте, дядя кричал:

– Что это, сон? Что это, смерть? Так нельзя! Это нечестно! Я, собственно, не чародей! Вы меня не поняли!.. Виновата моя крёстная!.. Протестую... При моём здоровье... Мы старого дорсетширского рода!.. – и что-то ещё.

«Тьфу! – подумал Дигори. – Его только не хватало! Да, пикничок...»

– Ты здесь, Полли? – Это он, конечно, уже сказал.

– Здесь, – ответила она, и они вынырнули в зелёное сияние леса. – Гляди-ка! И лошадь тут! И мистер Кеттерли! И кебмен! Ну и компания!..

Как только увидела лес, колдунья побледнела и склонилась лицом к лошадиной гриве. Несомненно, ей стало худо. Дядю и вовсе сотрясала мелкая дрожь. Но лошадь встряхнулась, радостно заржала и успокоилась – впервые с тех пор, как Дигори её увидел. Прижатые уши выпрямились, глаза уже не горели, а мирно сияли.

– Молодчина! – сказал Фрэнк и погладил её. – Понимаешь, что к чему! Так и держи, не горюй.

Лошадь Земляничка сделала самое разумное, что могла: ей очень хотелось пить (оно и понятно), и она направилась к ближайшей луже. Дигори ещё держал колдунью за ногу, а Полли – за руку; Фрэнк гладил лошадь; дрожащий дядя вцепился ему в рукав.

– Быстро! – скомандовала Полли и посмотрела на Дигори. – Зелёные!..

Так лошадь и не напилась, а очутившись в кромешной тьме, растерянно заржала. Дядя завизжал, и Дигори заметил:

– Однако!

– Почему так темно? – удивилась Полли. – Наверное, мы уже там.

– Где-нибудь мы да очутились. Во всяком случае, я на чём-то стою.

– И я, – сказала Полли. – Почему же так темно? Может, пруд не тот?

– Наверное, это Чарн, – предположил Дигори, – тут ночь.

– Это не Чарн, – сказала королева. – Это пустой мир. Здесь ничего нет.

И впрямь здесь не было ничего, даже звёзд. Стояла такая темень, что никто никого не видел, хоть вообще закрой глаза. Под ногами было что-то холодное, мокрое, вроде земли, но никак не трава. Воздух был сухой, морозный, неподвижный.

– О горе, горе! – вскричала колдунья. – Теперь мне конец. – Голос её, однако, был безжизненно спокоен.

– Не говорите так, моя дорогая!.. – залепетал дядя Эндрю. – Приободритесь. Э-э... любезный... у вас нет бутылочки?.. Мне бы капельку возбуждающего... э... средства...

– Ну-ну! – сказал ровный добрый голос. – Чего нам жаловаться? Кости целы, и то спасибо. Подумать только: как летели – и ничего, вот повезло-то! Если мы свалились в какой раскоп – может, копают станцию подземки, – придут и вытащат нас. Если мы умерли – очень даже может быть! – что ж, приходится смириться и с этим. И бояться тут нечего приличному человеку. В море оно и похуже. А пока нам что, споём-ка.

И он запел. Пел он не то деревенскую песню, не то благодарственный гимн жатве, что не совсем подходило к месту, где вряд ли вырос хоть один колос, но больше он ничего не вспомнил. Голос у него был сильный и приятный, дети стали подпевать и приободрились. Дядя и колдунья подпевать не стали.

Пока Дигори пел, кто-то тронул его за локоть, и по запаху бренди, сигар и духов он опознал дядю. Тот осторожно пытался оттащить его от других. Когда они отошли немного, шага на два, дядя зашептал прямо в ухо:

– Скорее, дорогой мой! Надевай кольцо!

Колдунья услышала и сказала:

– Только попробуй бежать, ничтожный глупец! Разве ты забыл, что я слышу мысли? Пускай мальчишка идёт, а ты... если предашь, я отомщу так, как не мстил никто ни в одном из миров.

– Что я, свинья? – сказал Дигори. – Я в таком месте Полли не оставлю... и кебмена тоже, и лошадку.

– Ты плохой и непослушный мальчик, – сказал дядя.

– Тише! – шикнул на них кебмен, и все прислушались.

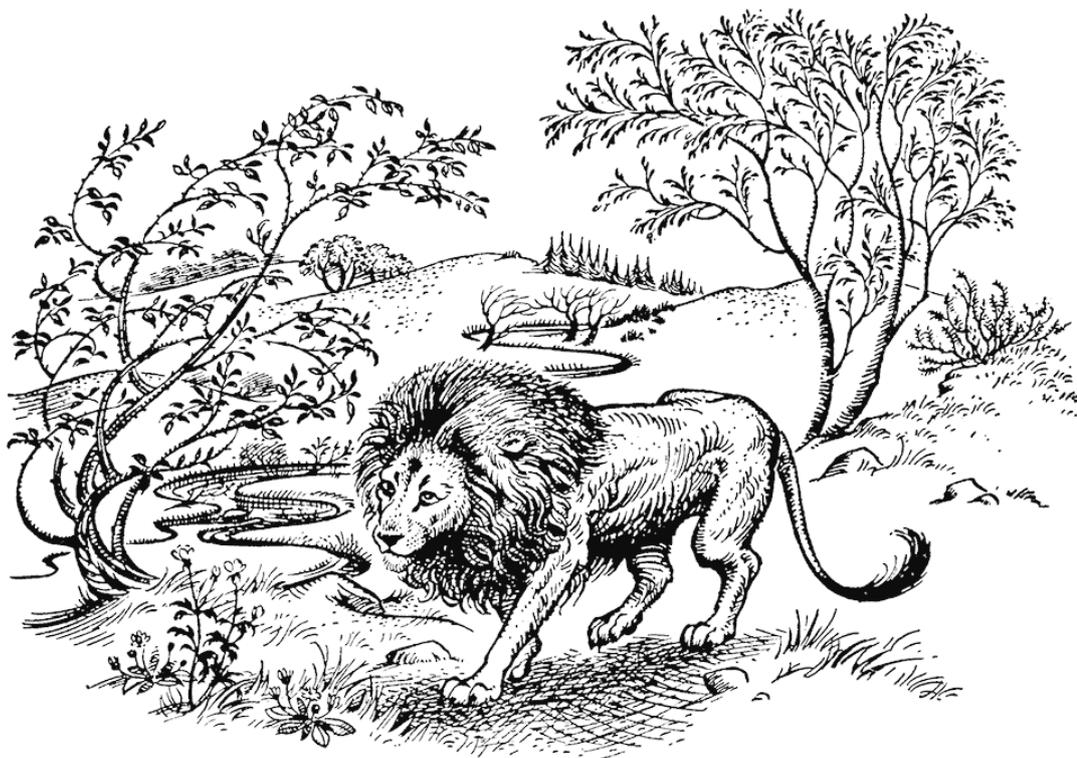
Далеко во тьме кто-то запел. Трудно было понять, где это, – казалось, пение идёт со всех сторон, даже снизу. Слов не было. Не было и мелодии. Был просто звук, невыразимо прекрасный – такой прекрасный, что Дигори едва мог его вынести. Понравился он и лошади: она заржала примерно так, как заржала бы, если бы после долгих лет нелёгкой городской работы её пустили на луг и она бы увидела, что к ней идёт знакомый и любимый человек с куском сахара в руке.

– Ох и красиво! – сказал кебмен.

И тут случилось два чуда сразу. Во-первых, голосу стало вторить несметное множество голосов – уже не густых, а звонких, серебристых, высоких. Во-вторых, темноту испещрили бесчисленные звёзды. Они появились не постепенно, как бывает летом, а сразу – только что была тьма, и вдруг засветились тысячи звёзд, созвездий и планет, намного более ярких, чем в нашем мире. Если бы чудеса эти случились при вас, вы, как Дигори, подумали бы, что поют звёзды и что к жизни их вызвал тот, кто запел первым.

– Вот это да! – удивился кебмен. – Знал бы, что такое бывает, лучше бы жил.

Первый голос звучал всё громче, всё радостней, другие голоса затихали. Начались прочие чудеса.

Далеко, у самого горизонта, небо посерело, и подул легчайший ветер. Голос всё пел, небо светлело, на нём возникали очертания холмов.

Вскоре стало так светло, что можно было увидеть друг друга. Дети и кебмен слушали разинув рты, и глаза их сияли, словно они пытались что-то вспомнить. Разинул рот и дядя, но не от радости – скорее, у него отвалилась челюсть. Колени его дрожали, плечи поникли – голос ему не нравился. Колдунья же выглядела так, словно понимает голос лучше всех, но ненавидит его. Она сжала губы, сжала кулаки; и впрямь, едва он раздался, она ощутила, что этот мир полон магии, которая сильнее её колдовства. Дядя залез бы в норку, лишь бы спрятаться от голоса; королева, напротив, уничтожила бы и этот мир, и любой другой, лишь бы голос умолк. Лошадь весело наострила уши и теперь вовсе не трудно было поверить, что отец её участвовал в битвах.

Белое небо на востоке стало розовым, потом золотым. Голос звучал всё громче, сотрясая воздух, а когда он достиг небывалой мощи, появился первый солнечный луч.

Такого солнца Дигори не видел: оно как будто смеялось от радости. Солнце Чарна казалось старше нашего, это – моложе. В ярком солнечном свете перед путниками лежала долина, по которой к востоку, прямо к солнцу, текла широкая река. К югу от неё были горы, к северу – холмы. Нигде – ни на них, ни в долине – ничего не росло: ни травы, ни кусты, ни деревья. Земля была разных цветов, один свежее и ярче другого. Они веселили сердце – пока пришельцы не увидели того, кто пел, и не забыли обо всём прочем.

Огромный лев стоял между путниками и солнцем, и золото его гривы затмевало золото лучей.

– Какой гнусный мир! – сказала королева. – Бежим! Колдуй скорее!

– Вполне согласен, мадам. Пренеприятное место. Никакой цивилизации. Будь я помоложе и с ружьём...

– Это *его* стрелять? – удивился кебмен. – Да вы что!

– Кто же посмеет? – сказала Полли.

– Колдуй, глупец! – крикнула королева.

– Простите, мадам, – сказал дядя, – минутку! Я ведь отвечаю за детей. Дигори, надевай кольцо! (Он всё ещё хотел сбежать без неё.)

– Ах *кольцо*? – повторила королева и кинулась к Дигори, но тот отступил, схватил Полли за руку и крикнул:

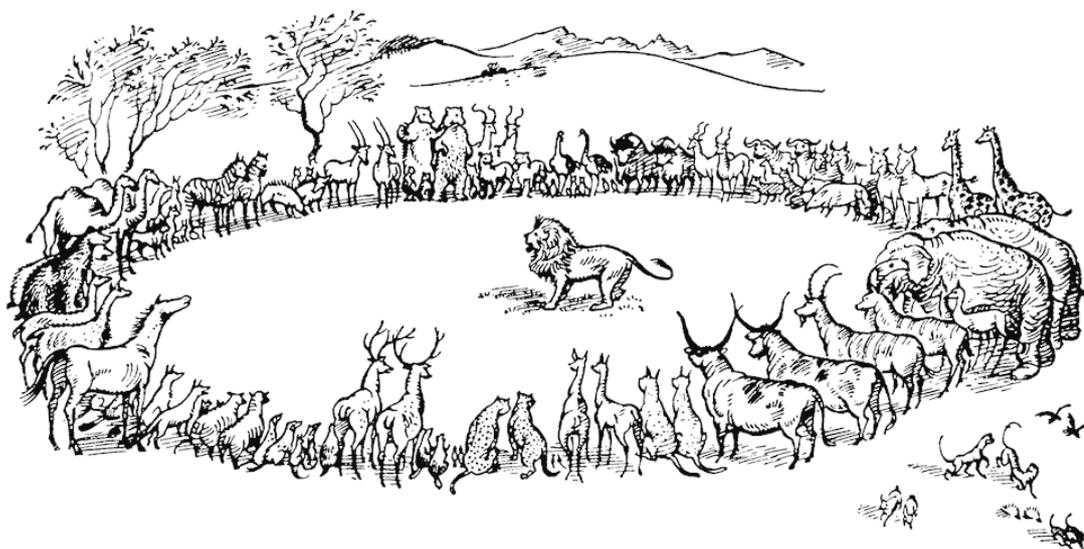
– Осторожно! Если кто-нибудь из вас ко мне шагнёт, мы оба исчезнем, и выбирайтесь как знаете. Да, у меня в кармане кольцо, мы с Полли можем вернуться домой. Эй, отойдите, сейчас кольцо надену! Мне очень жаль вас, – посмотрел он на Фрэнка, – и очень жаль лошадку, но чародеям будет вместе неплохо.

– Да тише вы, – сказал Фрэнк. – Давайте послушаем!

Ибо песня стала иной.

Глава девятая. Как была создана Нарния

Лев ходил взад и вперед по новому миру и пел новую песню. Она была и мягче, и торжественнее той, которой он создал звёзды и солнце, она струилась, и из-под лап его словно струились зелёные потоки.

Это росла трава. За несколько минут она покрыла подножие далёких гор, и только что созданный мир сразу стал ещё приветливей. Теперь в траве шелестел ветер. Вскоре на холмах появились пятна вереска, в долине – какие-то зелёные точки, поярче и потемнее. Когда точки эти – нет, уже палочки – возникли у ног Дигори, он разглядел на них короткие шипы, которые росли очень быстро. Сами палочки тоже тянулись вверх, и через минуту-другую Дигори узнал их – это были деревья.

Плохо было только то (говаривала позже Полли), что тебе не давали спокойно на всё смотреть. Вскрикнув: «Деревья!» – Дигори отскочил в сторону, ибо дядя Эндрю норовил залезть ему в карман, причём в правый, всё ещё полагая, что зелёные кольца переносят сюда, к нам. Но Дигори вообще не хотел, чтобы их украли.

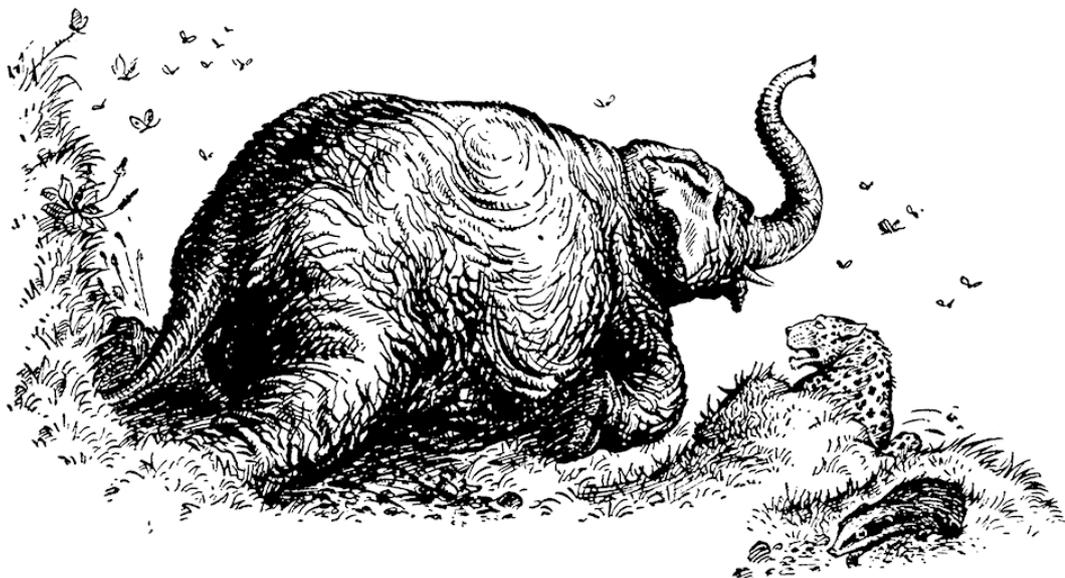

– Стой! – крикнула королева. – Отойди. Так, ещё. Если кто-нибудь подойдёт к детям ближе чем на десять шагов, я его убью. – И она взмахнула железкой. Почему-то никто не усомнился в том, что бросает она метко. – Не надейся, несчастный, уйти отсюда без меня! Как ты смел и помыслить?..

Дядин склочный нрав победил наконец его трусость, и он нахально поинтересовался:

– А что такого, мадам? Я в своём праве. Вы обращались со мной премерзко... просто стыдно вспомнить. Я пытался показать вам всё, что мог, и что же? Вы обокрали – да, обокрали! – почтенного ювелира... Мало того, вы меня вынудили заказать для вас до неприличия дорогие блюда, мне пришлось заложить часы (а, разрешите заметить, наша семья не привыкла к ломбардам – кроме кузена Эдварда, но он гвардеец). Пока мы ели эти кошмарные... гм... яства – мне ещё и сейчас худо, – ваши манеры и ваши речи привлекали недолжное внимание. Вы буквально опозорили меня! Теперь мне будет стыдно показаться в ресторане. Вы напали на полицейских. Вы обокрали...

– Да ладно, хозяин! – сказал Фрэнк. – Вы лучше посмотрите, какие чудеса!

Посмотреть было на что. Над ними уже шумел бук, а внизу, в прохладной свежей траве, пестрели лютики и ромашки. Подальше, у реки, склонилась ива, за рекой цвели сирень, шиповник и рододендрон. Дети и кебмен смотрели, лошадь – смотрела и жевала.

Лев ходил взад и вперёд величавой поступью; Полли немножко пугалась, что он – всё ближе, но больше радовалась, потому что начала улавливать связь между песней и новым творением. Перед тем как на холме возникла тёмная полоска елей, прозвучали одна за другой одинаковые низкие ноты. Когда звуки стали выше, легче и быстрее, Полли увидела, что долину испещрили первоцветы. Все это было так замечательно и дивно, что у неё не хватало времени на страх. Но Дигори и кебмен волновались всё больше, по мере того как приближался лев. Что до дяди Эндрю, он стучал зубами, но у него так дрожали колени, что убежать он не мог.

Вдруг колдунья смело шагнула навстречу льву. Он подходил всё ближе, мягко и тяжело ступая, он был уже ярдах в десяти, он пел. Колдунья подняла руку и швырнула в него железный брусок.

Никто – а уж тем более она – не промахнулся бы на таком расстоянии. Брусок ударил льва прямо меж глаз и упал в траву. Лев приближался – не медленнее и не быстрее, – словно ничего и не заметил. Ступал он бесшумно, но земля дрожала от его шагов.

Колдунья вскрикнула, кинулась прочь и скрылась за деревьями. Дядя тоже попытался бежать, но сразу, споткнувшись обо что-то, упал лицом в ручей. Дети не двигались – и не могли, и, наверное, не хотели. Лев, не глядя на них, прошёл мимо, едва не коснувшись гривой; они и боялись, что он обернётся, и хотели этого. Он обернулся. И прошествовал дальше.

Откашливаясь и отряхиваясь, дядя сказал:

– Ну, Дигори, от этой женщины мы избавились, эта зверюга прошла мимо, так что бери меня за руку и надевай кольцо.

– Дядя Эндрю, – предупредил Дигори, – если вы подойдёте ко мне, мы с Полли исчезнем.

– Делай, что тебе говорят! – крикнул дядя. – Какой, однако, непослушный мальчик.

– Нет, – сказал Дигори. – Мы останемся и посмотрим. Вы же интересуетесь другими мирами. Неужели вам не нравится этот?

– Нравится?! – возопил дядя. – Да ты на меня погляди! Лучший жилет, новый сюртук... – И впрямь, вид у него был жалкий – ведь чем наряднее вы оденетесь, тем заметнее будет, если вы вывалитесь из кеба и упадёте в воду. – Спорить не буду, местность занимательная. Будь я помоложе... Да, прислать бы сюда хорошего молодого охотника... Кое-что тут сделать можно.

Климат превосходный, воздух – лучше некуда. Прекрасный курорт, он бы даже пошёл мне на пользу, если бы... не обстоятельства. Ох, ружьё бы нам!

– Какое ружьё? – сказал кебмен. – Пойду-ка я лучше выкупаю лошадку. Вроде бы она, как я погляжу, умнее людей.

И он повёл её к реке, как конюх.

– Вы думаете, его можно застрелить? – спросил Дигори. – Она же бросила в него брусочек...

– При всех её недостатках, – оживился дядя и потёр руки, хрустнув суставами, – надо отдать ей должное: это было умно!

– Это было гадко! – сказала Полли. – Что он ей сделал?

– Эй, что это? – воскликнул Дигори. – Полли, посмотри!

Перед ними, неподалёку, стоял маленький фонарный столб. Точнее, он не просто стоял, а рос и утолщался на глазах.

Более того – фонарь светился, солнце затмевало его свет, но тень падала на землю.

– Удивительно, – сказал дядя. – Достоинно всяческого внимания! Здесь растёт буквально всё, даже фонарные столбы. Интересно, из какого семени?..

– Да из той железки! – перебил Дигори.

– Поразительно! – добавил дядя и ещё громче захрустел суставами. – Хо-хо! Они надо мной потешались! Моя сестрица считала меня сумасшедшим. И что же? Я выше Колумба. Какой там Колумб! Я открыл страну поистине неограниченных возможностей. Привезу сюда всякого лома, и тут совершенно без затрат появятся самые разные машины. Я отправлю их в Англию и стану миллионером. А климат? Построим курорт... Один санаторий приносит тысяч двадцать в год... Конечно, придётся кого-нибудь взять в долю, но как можно меньше народу. Первым делом надо избавиться от этого чудища.

– Вы такой же, как эта колдунья, – буркнула Полли. – Вам бы только убивать.

– А что до меня самого, – продолжал в упоении дядя, – я бы здесь буквально ожил. Как-никак мне пошёл седьмой десяток, об этом стоит подумать. Тут у них и не состаришься. Поразительно! Это страна вечной молодости!

– Ой! – крикнул Дигори. – Страна молодости! Неужели правда? – Конечно, он вспомнил тётин разговор с гостьей. – Дядя Эндрю, а может, тут что-нибудь такое есть... для мамы? Чтобы она вылечилась?

– О чём ты? – сказал дядя. – Это не аптека. Так вот, я говорил...

– Вам нет до неё дела!.. А я-то думал... Мне она мать, но и вам она сестра! Что же, ладно.

Спрошу самого льва. – И Дигори быстро отошёл.

Полли подождала немного и пошла за ним.

– Эй! Стоп! Ты с ума сошёл! – воскликнул дядя, но не дождался ответа и пошёл следом, ведь кольца-то были у них.

Через несколько минут Дигори остановился на опушке леса. Песня снова изменилась. Теперь, слушая её, хотелось плясать, или бегать, или лазать по деревьям, или просто кричать от радости. Она подействовала даже на дядю, и он пробормотал:

– Да, умная женщина... надо отдать ей должное... характер ужасный, но умная... да.

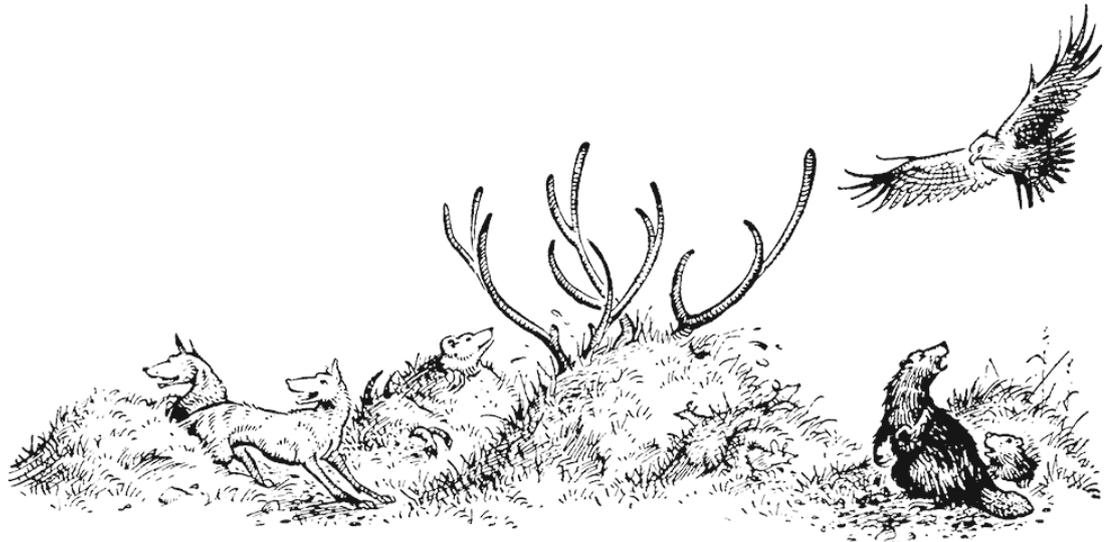
А сильнее всего подействовала песня на недавно созданный мир.

Можете ли вы представить себе, что покрытая травой земля пузырится, как вода в котле? Лучше не опишешь то, что происходило. Повсюду, куда ни взгляни, вспухали кочки. Размера они были разного: одни – как кротовая норка, другие – как бочка, а две – с домик величиной. Они росли и пухли, пока не лопнули, взметая землю, а из них вышли животные, точно такие, как в Англии. Вылезли кроты, выскочили собаки, отряхиваясь и лая; высунулись рогами вперёд олени (Дигори подумал сначала, что это деревья). Лягушки сразу поскакали к реке, громко квакая. Пантеры, леопарды и их сородичи присели, чтобы умыться, а потом встали на задние лапы, чтобы поточить о дерево когти. Птицы взлетели на ветви, запорхали бабочки. Пчёлы

разлетелись по своим цветам, не теряя попусту ни минуты. Удивительнее всего было, когда лопнул целый холм и на свет вылезла большая мудрая голова, а потом и ноги, с которых свисали мешковатые штаны, – это был слон. Песню льва почти заглушили мычание, криканье, блеяние, рёв, лай, мяуканье и щебет.

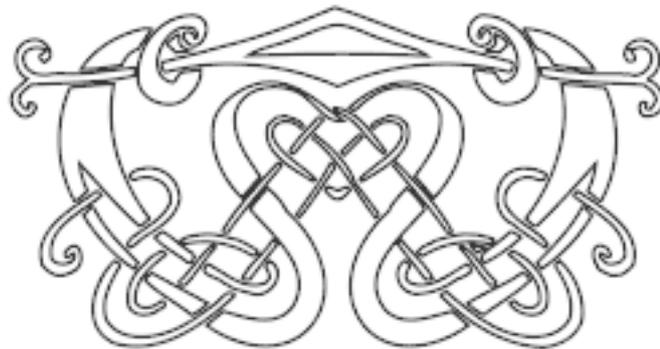

Дигори уже не слышал льва, но видел. Лев был так прекрасен, что он не мог оторвать от него глаз. Звери льва не боялись. Процокав копытами, мимо пробежала заметно помолодевшая лошадь. Лев уже не пел, а ходил перед своими созданиями туда и сюда и время от времени трогал кого-нибудь носом. Он тронул двух бобров, и двух леопардов, и двух оленей, то есть оленя и олениху, всякий раз самца и самку, и каждая пара шла за ним. Потом он остановился, и они встали кругом, немного поодаль. Стало очень тихо. Они глядели на него не шевелясь, только по-кошачьи поводили хвостами. Сердце у Дигори сильно билось: он знал – сейчас произойдёт что-то важное. О маме он не забыл, но даже ради неё не посмел бы прервать то, что перед ним совершалось.

Лев смотрел на свои создания не мигая, и под его взглядом они менялись. Те, кто поменьше – кроты, мыши, кролики, – заметно подросли. Самые большие стали меньше. Многие поднялись на задние лапы. Почти все стояли, склонив набок голову, словно старались что-то понять. Лев открыл пасть, но не запел и ничего не сказал, только дохнул на стоявших вокруг него. Из-за дневного синего неба послышалось пение звёзд. Сверху (или от льва?) сверкнула молния, не обжигая никого, и самый дивный голос, какой только слышали дети, произнёс:

– Нарния, Нарния, Нарния, встань! Потоки, обретите душу! Деревья, ходите! Звери, говорите! И все любите друг друга.

Глава десятая. Первая шутка и другие события

Конечно, говорил это лев. Дети давно почувствовали, что говорить он умеет, и всё-таки испугались и обрадовались.

Из-за деревьев появились боги и богини леса, фавны, сатиры и гномы. Из реки вышел речной бог со своими дочерьми, наядами. И все они – и божества, и звери – ответили на разные голоса:

– Радуйся, Аслан! Мы слышим и повинемся. Мы думаем. Мы говорим. Мы любим друг друга.

– Только мы мало знаем, – раздался немного гнусавый голос, и дети совсем удивились, ибо это сказала лошадь.

– Молодец, Земляничка! – сказала Полли. – Как я рада, что её выбрали.

И кебмен, стоявший теперь рядом с детьми, вскричал:

– Ну и ну! Да и то: лошадка что надо, я всегда говорил.

– Создания, обретшие речь, я поручаю вас друг другу, – продолжал могучий и радостный голос. – Я отдаю вам навеки землю Нарнии. Я отдаю вам леса, и плоды, и реки. Я отдаю вам звёзды и самого себя. Отдаю я и тех, кто остался бессловесным. Будьте добры к ним, но не поступайте своим даром и не возвращайтесь на их пути. От них я взял вас, к ним вы можете вернуться. Тогда вы станете много хуже, чем они.

– Нет, Аслан! Мы не вернёмся! Что ты, что ты! – зазвучало множество голосов, а галка крикнула чуть позже всех, и слова её прозвучали в полной тишине:

– Ты не бойся!

Вы знаете сами, что бывает, когда так случится в гостях. Она растерялась и спрятала голову под крыло, словно решила поспать, а прочие стали издавать странные звуки, которых здесь никто не слышал, и пытались сдержаться, но Аслан сказал:

– Смейтесь, это большое благо. Теперь, когда вы обрели и мысль, и слово, вам не надо всегда хранить серьёзность. Шутка, как и справедливость, рождается вместе с речью.

Смех зазвучал громче, а галка так раззадорилась, что вскочила Земляничке на голову прямо между ушами и крикнула, хлопая крыльями:

– Аслан! Аслан! Неужели я первая пошутила? Неужели про это будут всегда рассказывать?

– Маленький друг, – ответил ей лев, – не слова твои, ты сама – первая шутка.

И все опять засмеялись, а галка не обиделась, и смеялась со всеми так заливисто, что лошадь, шевельнув ушами, согнала её с головы, но галка вдруг поняла, на что ей крылья, и не упала.

– Мы основали Нарнию, – сказал Аслан. – Теперь наше дело – её беречь. Сейчас я позову на совет некоторых из вас. Идите сюда, ты, гном, и ты, речной бог, и ты, дуб, и ты, филин, и вы, оба ворона, и ты, слон. Нам надо потолковать, ибо миру этому пять часов от роду, но в него уже проникло зло.

Те, кого он назвал, приблизились к нему, и он ушёл с ними к востоку, а прочие спрашивали друг друга:

– Кто сюда проник? Лазло? Кто же это? Нет, не лазло, казло!.. Может быть, козлы? Да что ты!

– Вот что, – сказал Дигори, повернувшись к Полли. – Я должен пойти за ним... за львом. Только он даст мне то, что ей поможет.

– И я пойду, – сказал Фрэнк. – Понравился он мне. Да и с лошадкой поговорить надо.

Все трое смело пошли к совету зверей, во всяком случае – настолько смело, насколько это им удалось. Звери были так заняты беседой, что не сразу заметили их и услышали дядю Эндрю, который стоял довольно далеко и надсадно звал:

– Дигори! Вернись! Немедленно иди сюда, кому говорю!

Когда люди проходили мимо зверей, те замолкли и на них уставились.

– Это ещё кто такие? – спросил бобёр.

– Простите... – начал Дигори, но кролик перебил его:

– Наверное, салатные листья.

– Нет! – поспешила сказать Полли. – Нас нельзя есть, мы невкусные.

– Смотри-ка! – сказал крот. – Говорить умеют. Салат он речью не наделял.

– Может, они вторая шутка? – предположила галка.

Пантера перестала умываться и сказала:

– Ну, первая была лучше. Кто как, а я ничего смешного не вижу! – И, зевнув, принялась умываться опять.

– Пожалуйста, пропустите нас! – взмолился Дигори. – Я очень спешу. Мне нужен лев.

Тем временем Фрэнк пытался привлечь внимание Землянички и наконец преуспел:

– Лошадка! Ты-то меня знаешь, объясни им.

– О чём это он? – спросили её звери.

– Знаю... – нерешительно произнесла лошадь. – Я мало что знаю. Наверное, все мы ещё очень мало знаем. Но где-то я вас видела... Где-то я вроде бы жила... или видела сон, прежде чем Аслан разбудил нас. В этом сне вроде бы жили вы трое...

– Ты что, – удивился кебмен, – меня не признала? А кто тебя чистил? Кто кормил, а? Кто попону надевал, когда холодно? Ну, не ждал я от тебя!

– Минутку, минутку... – проговорила лошадь. – Дайте подумать. Да, ты привязывал ко мне сзади какой-то тяжёлый ящик и гнал куда-то, и я бежала, а ящик очень грохотал...

– Зарабатывали мы с тобой, – сказал кебмен. – Жить-то надо и тебе и мне. Без работы да без кнута ни стойла бы не было, ни корма, ни сена, ни овса. Любила ты овёс, если я мог его купить, тут ничего не скажешь.

– Овёс? – переспросила лошадь, прядая ушами. – Да, что-то такое помню. И ещё... Ты сидел сзади на ящике, а я тащила и тебя, и ящик. Бегала-то я.

– Ну, летом ладно: ты тянешь, я себе сижу, – сказал Фрэнк. – А зимой? Когда ноги как ледышки? Ты бегаешь, тебе что, а я? И нос замёрзнет, и щёки, и рукой не шевельнуть, вожжи не удержишь.

– Там было плохо, – сказала лошадь. – Камни, трава не растёт.

– То-то и оно! – обрадовался Фрэнк. – Плохо там было. Одно слово – город. Мостовые. Не люблю я их. Мы с тобой из деревни. Я там, у себя, в хоре пел. А пришлось, жить-то надо.

– Пожалуйста! – взмолился Дигори. – Пустите нас! Лев уходит, а мне очень нужно с ним поговорить.

– Понимаешь, лошадка, – сказал Фрэнк, – молодой человек хочет со львом поговорить, Асланом. Может, довезёшь его? Будь так добра! А то вон куда ваш лев ушёл. Мы уж с барышней дойдём.

– Довезти? – переспросила лошадь. – Ах, помню, помню! Ко мне садились на спину... Когда-то давно один из ваших, коротенький, часто это делал. Он мне всегда давал такие твёрдые белые кубики... Очень вкусные... лучше травы.

– А, сахар, – сказал Фрэнк.

– Пожалуйста! – снова взмолился Дигори. – Очень тебя прошу!

– Довезу, о чём говорить! – согласилась лошадь. – Только по одному. Садись.

– Молодец! – сказал Фрэнк и посадил Дигори.

Тот удобно уселся – ведь и прежде ездил на пони без седла – и сказал:

– Иди, Земляничка, пожалуйста!

– А у тебя нет сладкой белой штуки? – спросила лошадь.

– Сахару? – огорчился Дигори. – Нет, не захватил.

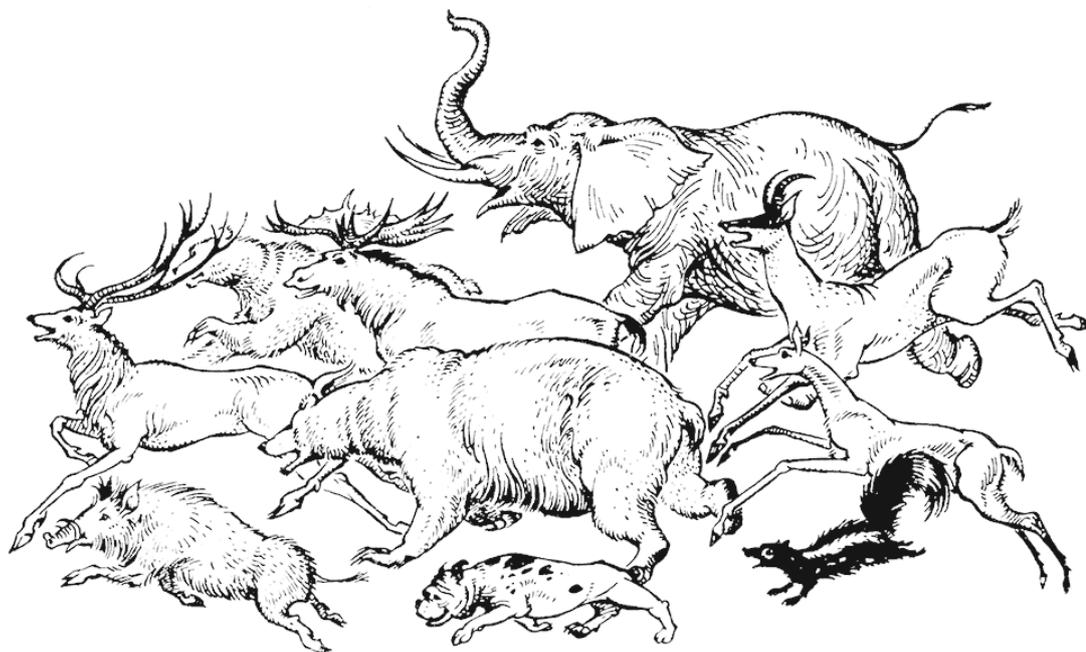
– Ну ничего, – сказала Земляничка, и они двинулись в путь.

Только тогда животные заметили ещё одно странное существо, тихо стоявшее в кустах в надежде, что его не увидят.

– Это кто такой? – спросил бульдог.

– Пойдём посмотрим! – крикнули другие.

И пока Земляничка бежала рысцой, а Полли и Фрэнк поспешали за нею, решив не дожидаться её возвращения, звери и птицы кинулись к кустам, лая, воя, рыча на все лады, с радостным любопытством.

Надо заметить, что дядя Эндрю воспринимал по-своему всё, что мы сейчас описали, совсем не так, как Фрэнк и дети. То, что ты видишь и слышишь, в некоторой степени зависит от того, каков ты сам.

Когда из земли появились звери, дядя чуть ли не юркнул в лес. Конечно, он за ними следил, и очень зорко, но занимало его не то, что они делают, а то, что они могут сделать ему. Как и колдунья, он был на удивление практичным. Он замечал лишь то, что его касалось, и просто не увидел, как лев отобрал и наделил речью по одной паре своих созданий. Он видел (или думал, что видит) множество диких зверей, бродивших вокруг, и удивлялся, почему это они не убегают от льва.

Когда великий миг настал и звери заговорили, он ничего не понял, и вот почему: в самом начале, когда лев запел, дядя смутно понял, что это песня, но она ему совсем не понравилась, ибо внушала мысли и чувства, которые он всегда отгонял. Потом, когда взошло солнце и он увидел, что поёт лев (просто лев, как он думал), стал изо всех сил убеждать себя, что это вообще не песня, львы не поют, а рычат – скажем, в зоологическом саду, там, в его мире. «Конечно, петь он не мог, – думал дядя. – Мне померещилось. Совсем нервы никуда... Разве кто-нибудь слышал, чтобы львы пели?» И чем дольше, чем прекраснее пел дивный лев, тем упорнее убеждал себя дядя Эндрю. Когда пытаешься стать глупее, чем ты есть, это нередко удаётся, и дядя Эндрю вскоре слышал рёв, больше ничего. Он больше и не смог бы ничего услышать. Когда лев возгласил: «Нарния, встань!» – слов он не разобрал, а когда ответили звери, услышал только кваканье, лай – что угодно; когда же они засмеялись – сами себе представьте, что ему послы-

шалось. Это было для дяди хуже всего. Такого жуткого, кроважадного рёва голодных и злых тварей он в жизни своей не слышал. И тут, в довершение ужаса, он увидел, как к этим зверюгам пошли люди, трое, и подумал: «Какая глупость! Звери съедят их, а заодно и кольца. Как же я вернусь? Эгоист этот Дигори, да и другие хороши... Не дорожат жизнью – их забота, но вспомнили бы обо мне! Ах что там! Кто обо мне вспомнит?»

Но тут он увидел, что звери идут к нему, и побежал во всю прыть. Должно быть, климат и впрямь омолодил его, ибо он не бегал так со школьных лет. Звери были рады новому развлечению и кричали:

– Эй, лови! Это лазло! Да, да! Ура! Хватай! Заходи спереди!

Через минуту-другую одни забежали спереди и перегородили ему путь, другие были сзади, и, поневоле остановившись, дядя озирался в ужасе. Куда ни взглянешь – звери. Над самой головой – огромные лосиные рога и слоновий хобот. Важные медведи и кабаны глядели на него, и равнодушные леопарды, и насмешливые пантеры (это ему казалось), а главное – все разинули пасти. Вообще-то они просто переводили дух, но он думал, что они хотят его сожрать.

Дядя Эндрю стоял и дрожал. Животных он никогда не любил, скорее боялся, а опыты совсем ожесточили его сердце. Сейчас он испытывал самую пылкую ненависть.

– Прости, – деловито сказал бульдог, – ты кто: камень, растение или зверь?

Но дядя Эндрю услышал: «Рр-р-рр!...»

Глава одиннадцатая. О зловключениях Дигори и его Дяди

Вы скажете, животные были очень глупы, не признав в дяде Эндрю такого же существа, как Фрэнк и дети. Но вспомните: они ничего не знали об одежде. Им казалось, что платье Полли, курточка Дигори, котелок Фрэнка то же самое, что перья или мех. Они бы и этих троих не признали одинаковыми, если бы те с ними не заговорили и если бы им не сказала об этом Земляничка. Дядя был выше детей и худосочнее кебмена. Носил он всё чёрное, кроме манишки (не слишком белой теперь), да и седое гнездо волос особенно отличало его от прочих людей. Как тут не растеряться? В довершение всего он не говорил, хотя и пытался.

Когда бульдог спросил, кто он, дядя, ничего не разобрав, лстиво пролепетал: «Собачка, собачечка...» – но звери его не поняли, как и он их. Оно и лучше, ибо какая собака, тем более говорящая, стерпит такие слова? Всё равно что называть, скажем, вас «мальчишек, мальчишечка».

Тогда дяде Эндрю стало дурно.

– Ну вот, – сказал кабан, – это дерево. Так я и думал. (Не забывайте: при них никогда никто не падал в обморок и вообще не падал.)

Бульдог обнюхал дядю, поднял голову и сказал:

– Это зверь. Точно зверь. Вроде тех троих.

– Наверяд ли, – сказал один из медведей. – Звери так не падают. Мы вот не падаем! Мы стоим. – Он встал на задние лапы, сделал шаг назад и повалился на спину.

– Третья шутка, третья шутка! – закричала галка в полном восторге.

– Нет, это дерево, – сказал другой медведь, – на нём пчелиное гнездо.

– Мне кажется, – заметил барсук, – он пытался заговорить.

– Это ветер шумел, – вставил кабан.

– Неужели ты думаешь, – сказала галка барсуку, – что это говорящее животное? Он же не говорил слов!

– Нет, всё-таки, – возразила слониха (слон, её муж, ушёл, как вы помните, с Асланом), – это животное. Вон тот сероватый тычок – вроде морды, эти дырки – глаза и рот, носа нет... хм... да... не буду придирчивой, нос мало у кого есть... – И она с понятной гордостью повела хоботом.

– Решительно возражаю! – сказал бульдог.

– Она права, – сказал тапир.

– Знаете, – вмешался осёл, – наверное, это неговорящее животное, но думает, что оно говорящее.

– Нельзя ли его поставить прямо? – спросила слониха и обвила дядю хоботом, чтобы приподнять. К несчастью, она не разобрала, где у него низ, где верх, и поставила на голову, так что из карманов его посыпались два полусоверена, три кроны и один шестипенсовик. Но дядя Эндрю снова свалился.

– Ну вот! – закричали другие звери. – Какое это животное, если оно не живое?

– А вы понюхайте! – не сдался бульдог.

– Нюхать – ещё не всё, – сказала слониха.

– Чему же верить, если не чутью? – удивился бульдог.

– Мозгам, наверное, – застенчиво предположила слониха.

– Решительно возражаю! – заявил бульдог.

– Во всяком случае, – продолжила слониха, – что-то с ним делать надо. Наверное, это лазло, и мы должны показать его Аслану. Как по-вашему, животное он или дерево?

– Дерево, дерево! – закричали многие.

– Что ж, – сказала слониха, – значит, посадим его в землю.

Кроты быстро выкопали ямку, и звери стали спорить, каким концом совать туда дядю. Одни говорили, что ноги – это ветки, а серая масса – корни, переплетённые в клубок. Другие утверждали, что корни – это два отростка, потому что грязные и длинные. В общем, сунули в яму вниз ногами. Когда землю утрамбовали, она доходила дяде Эндрю до бёдер.

– Какой-то он чахлый, – сказал осёл.

– Надо бы его полить, – добавила слониха. – Не обессудьте, но мой нос очень бы...

– Решительно возражаю! – вставил бульдог.

Однако умная слониха спокойно пошла к реке, набрала воды в хобот, вернулась и стала поливать дядю. И поливала, и поливала, пока вода не потекла потоком с фалд, словно он купался одетым. Наконец он пришёл в себя. На том мы его пока и оставим. Пусть поразмыслит о своих злодеяниях (если хватит разума), а мы вернёмся к более важным событиям.

Земляничка тем временем приблизилась к совету зверей. Дигори не посмел бы прервать их беседу, но Аслан сразу дал знак и звери расступились. Спрыгнув на землю, Дигори оказался прямо перед львом. Тот был больше и величественнее, красивее и страшнее, чем ему прежде казалось, и мальчик, не решаясь взглянуть ему в глаза, проговорил:

– Простите, мистер лев... мистер Аслан... сэръ. Не дадите ли... то есть нельзя мне... что-нибудь для мамы?.. Она больна.

Он надеялся, что лев скажет: «Можно», – и в то же время боялся, что лев скажет: «Нельзя», – но тот сказал совсем иное:

– Вот он. Вот мальчик, который это сделал. – И поглядел не на него, а на своих советников.

«Что же такое я сделал?» – подумал Дигори.

– Сын Адама, – сказал лев, – расскажи добрым зверям, почему в моей стране оказалась злая колдунья.

Дигори хотелось ответить иначе: мыслей десять мелькнуло в его мозгу, – но он тихо сказал:

– Это я привёл её, Аслан.

– Зачем?

– Хотел убрать её из моего мира.

– Как она очутилась в твоём мире?

– С помощью волшебства.

Лев молчал, а Дигори, понимая, что сказал не всё, продолжил:

– Это мой дядя виноват. Он загнал нас хитростью в другой мир, дал волшебные кольца... мне пришлось туда отправиться, потому что Полли он послал первой... и в одном месте, называется Чарн, мы встретили ведьму...

– Встретили? – переспросил Аслан, и голос его сейчас больше походил на рычание.

– Она проснулась... – Дигори побледнел и сознался: – Я её разбудил: хотел узнать, что будет, если позвонишь в колокол. Полли возражала, она не виновата... мы с ней даже подрались. Я знаю, что нельзя было. Наверное, меня заколдовала надпись...

– Ты так думаешь? – тихо спросил лев.

– Нет, не думаю. Я и тогда притворялся.

Лев долго молчал, а Дигори думал: «Ничего у меня теперь не выйдет. Ничего я для мамы не получу».

Когда лев заговорил снова, то обращался уже к зверям:

– Друзья, хоть мир этот и семи часов от роду, сын Адама уже занёс в него зло. – Звери, в том числе лошадь, воззрились на Дигори, и ему захотелось провалиться сквозь землю. – Но не падайте духом. Зло это не скоро породит другое зло, и я постараюсь, чтобы самое худшее

коснулось одного меня. Ещё сотни лет мир этот будет радостным и добрым. Но поскольку зло принёс сын Адама, дети Адама и помогут всё исправить. Подойдите ко мне!

Эти слова предназначались Полли и Фрэнку, подоспевшим к концу его речи. Полли держала Фрэнка за руку, не спуская глаз со льва. Кебмен же, взглянув на него, снял котелок, без которого никто его ещё не видел, и стал моложе и красивее.

– Я давно знаю тебя, сын мой, – сказал ему Аслан. – Знаешь ли ты меня?

– Нет, сэр, – ответил Фрэнк. – Встречать я вас не встречал, но что-то такое чувствую... вроде где-то видел.

– Хорошо, – сказал лев. – Ты чувствуешь вернее, чем помнишь, и узнаёшь меня лучше, чем знал. Нравится тебе этот край?

– Что говорить, неплохо у вас.

– Хочешь остаться здесь навсегда?

– Понимаете, сэр, я человек женатый. Была бы тут жена – другое дело. На что нам с ней город, мы оба деревенские.

Аслан тряхнул гривой, открыл пасть, издал один долгий звук – негромкий, но могучий, – и сердце у Полли затрепетало. Она знала: тот, кого лев позвал, услышит его где угодно и придёт во что бы то ни стало, сколько бы миров и столетий ни разделяло их, поэтому не очень удивилась, когда молодая женщина с честным милым лицом возникла ниоткуда и встала рядом с нею. Полли сразу поняла, что это и есть жена Фрэнка и что перенесли её сюда не мерзкие кольца – она прилетела быстро, просто и тихо, как птица летит в своё гнездо. По-видимому, она только что стирала, ибо на ней был фартук, а на руках, обнажённых до локтей, засыхала пена. Все это к ней очень шло. Успей она придеться (скажем, надеть свою шляпу с вишнями), было бы хуже.

Конечно, она думала, что видит сон, и потому не кинулась к мужу и не спросила, что это с ними, однако, взглянув на льва, усомнилась, сон ли это, хотя и не слишком испугалась. Она сделала книксен – деревенские девушки ещё умели тогда это делать, – потом подошла к мужу, взяла под руку и несмело огляделась.

– Дети мои, – сказал Аслан, пристально на них глядя, – вы будете первыми королём и королевой Нарнии.

Кебмен разинул рот, жена его покраснела.

– Правьте этими созданиями, и будьте к ним справедливы, и защищайте их от врагов. А враги будут, ибо в мир этот проникла злая колдунья.

Фрэнк прокашлялся и сказал:

– Прошу прощения, сэр, и спасибо вам большое и за неё, и за меня, но я такое дело не потяну. Учился мало.

– Скажи мне, – спросил лев, – сможешь ли ты справиться с плугом, с лопатой и вырастить здесь пищу?

– Да, сэр, это смогу, вроде учили... – сказал Фрэнк.

– Ты можешь быть честным и милостивым? Можешь помнить, что они не рабы, как их немые собратья в твоём мире, а говорящие звери и свободные граждане?

– Как же, сэр, – ответил кебмен. – Что-что, а их я не обижу.

– Ты можешь воспитать своих детей и внуков так, чтобы и они не обижали? – продолжил лев.

– Попробую, сэр. Попробуем, а, Нелли?

– Ты можешь не делить ни детей, ни зверей на любимых и нелюбимых? Можешь помешать одним подчинять или мучить других?

– О чём разговор! – вскричал Фрэнк. – В жизни такого не терпел и другим не позволю! – Голос его становился всё мягче и звонче – наверное, так, как сейчас, он говорил в юности, когда ещё не перенял городской хрипловатой скороговорки.

– А если в страну придут враги (помни, они придут!), будешь ли ты первым в бою, последним – в отступлении?

– Понимаете, сэр, – очень медленно сказал Фрэнк, – этого никто не знает, пока не проверит в деле. Может, я не из смелых. В жизни ни с кем не дрался, только на кулачках. Ну, ничего, постараюсь... то бишь надеюсь, что постараюсь... сделаю что могу.

– Что же, – сказал Аслан, – ты можешь всё, что требуется от короля. Я тебя короную. Ты, и дети твои, и внуки будете счастливо править Нарнией и Орландией, которая лежит к югу отсюда, за горами. А тебе, моя маленькая дочь, – обратился он к Полли, – я тоже очень рад. Скажи, ты простила своему другу то, что он сделал в пустынном дворце страшной страны Чарн?

– Да, Аслан, простила, – сказала Полли.

– Это хорошо, – кивнул Аслан. – Ну, сын Адама...

Глава двенадцатая. Приключения землянички

Дигори изо всех сил стиснул зубы. Ему стало совсем уж не по себе. Он надеялся, что в любом случае не струсит и вообще не опозорится.

– Ну, сын Адама, – сказал Аслан, – готов ли ты исправить зло, которое причинил моей милой стране в самый день её рождения?

– Что же я могу сделать? – спросил Дигори. – Королева убежала, и...

– Я спросил, готов ли ты, – повторил Аслан.

– Да, – ответил Дигори. Ему захотелось прибавить: «...если вы поможете маме», – но он вовремя понял, что со львом нельзя торговаться. Однако, отвечая «да», он думал о своей матери, и о своих надеждах, и об их крахе, и потому всё-таки прибавил, глотая слёзы, едва выговаривая слова: – Пожалуйста... вы не могли бы... как-нибудь помочь моей маме?

Тут, с горя, он в первый раз посмотрел не на тяжёлые лапы льва и не на огромные когти, а на лицо (ни он, ни мы не скажем «морда»), и несказанно удивился. Львиные глаза были полны сверкающих слёз, таких крупных, словно лев больше горюет о его маме, чем он сам.

– Сын мой, сынок, – сказал Аслан, – я знаю. Горе у нас большое. Только у тебя и у меня есть горе в этой стране. Будем же добры друг к другу. Сейчас мне приходится думать о сотнях грядущих лет. Колдунья, которую ты привёл, ещё вернется в Нарнию. Я хочу посадить здесь дерево: оно будет долго охранять страну, ибо злая королева не посмеет к нему приблизиться. Тогда утро Нарнии продлится много веков. Принеси мне зёрнышко этого дерева.

– Хорошо, – сказал Дигори, хотя и не знал, как это сделать.

Лев глубоко вздохнул, склонил голову, поцеловал мальчика и сказал:

– Дорогой мой сын, я покажу тебе, что делать. Повернись к западу и скажи, что там видишь.

– Я вижу очень большие горы. Я вижу, как река срывается вниз со скалы, за нею – лесистые склоны, а за ними – очень высокие горы, покрытые снегом, как Альпы на картинке. За ними же – небо.

– Ты хорошо видишь, – сказал Лев. – Нарния кончается там, где водопад коснулся долины, дальше на запад лежит другая, пустынная земля. Найди за горами ещё одну долину, и синее озеро, и белые горы. За озером – гора, на горе – сад, в саду – дерево. Сорви с него яблоко и принеси мне.

– Хорошо, Аслан, – сказал Дигори, хотя не понимал, как же перейдёт через горы. Говорить об этом он не хотел, чтобы лев не подумал, будто он отказывается. – Только я надеюсь, ты не очень спешишь: быстро я не управлюсь – идти далеко.

– Я помогу тебе, сын Адама, – сказал лев и повернулся к лошади, которая смиренно стояла рядом, склонив набок голову, словно не всё понимала, и отгоняла хвостом мух. – Друг мой лошадь, хотела бы ты обрести крылья?

Видели бы вы, как она тряхнула гривой, и топнула копытом, и раздула ноздри!

– Если ты хочешь, Аслан... Тебе виднее, я не очень умная.

– Стань матерью крылатых коней, – прорычал Аслан так, что дрогнула земля. – Зовись отныне Стрелой!

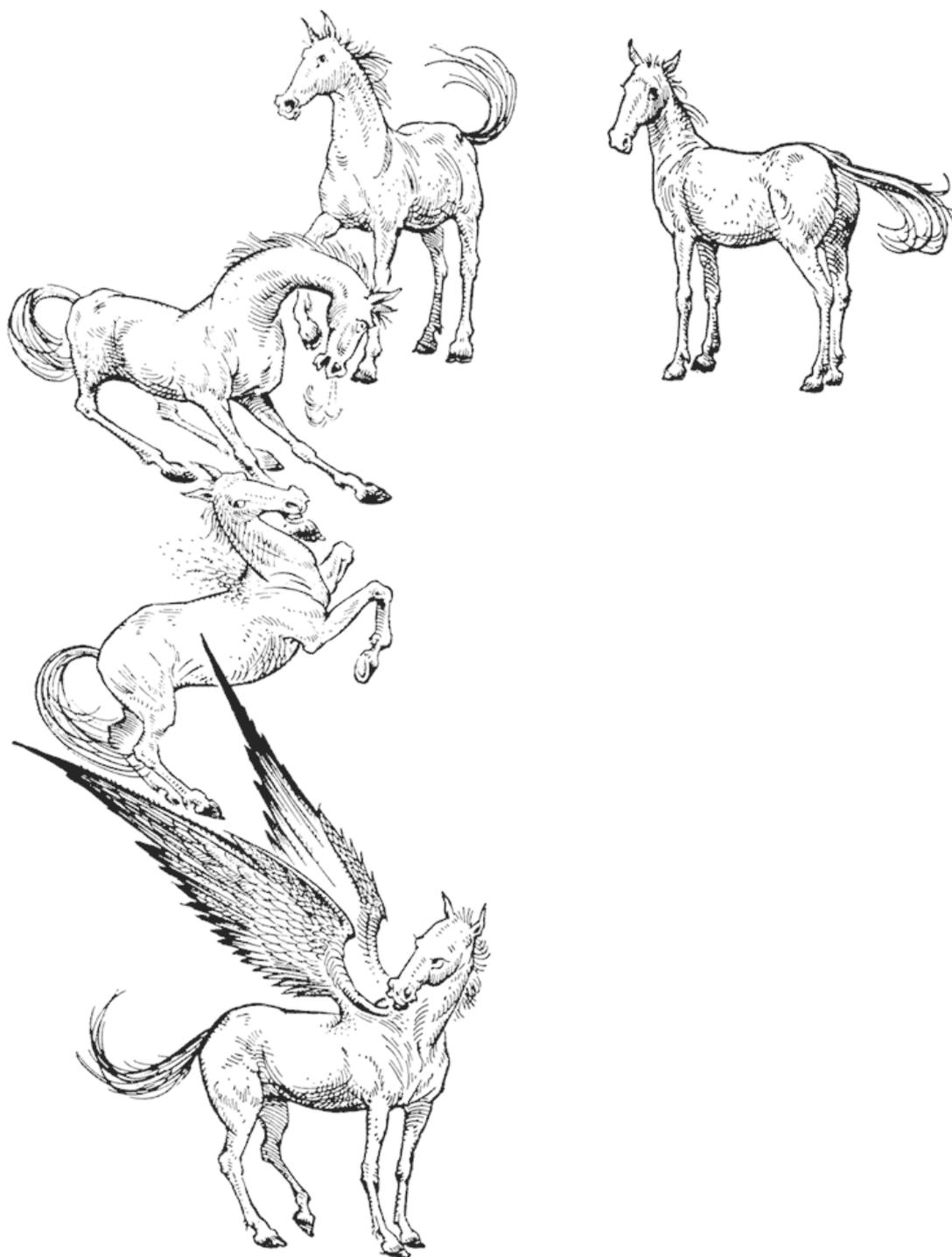
И, как прежде звери из-под земли, за её спиной появились крылья. С каждой секундой они становились всё больше – больше, чем у орла; больше, чем у лебедя; больше, чем у ангела на витраже. Перья отливали бронзой и медью. Лошадь взмахнула крыльями и поднялась в воздух футов на двадцать. Прodelав красивые курбеты над Дигори и Асланом, она описала большой круг и осторожно опустилась на землю, глядя застенчиво, удивлённо, но всё же – с немалой радостью.

– Хорошо летать, Стрела? – спросил лев.

– Очень хорошо, Аслан, – ответила лошадь.

– Донесёшь ли ты Адамова сына до дерева и сада?

– Сразу? Сейчас? – вскричала Земляничка, или Стрела, как мы теперь должны её называть. – Ура! Садись, мальчик! Я возила таких, как ты, давно, в зелёных лугах.

– О чём вы шепчетесь, дочери Евы? – спросил Аслан Полли и жену Фрэнка, которые уже успели подружиться.

– Простите, сэр, – сказала королева Елена (так мы теперь должны называть Нелли), – маленькая мисс тоже хочет поехать, если вы не возражаете.

– Не меня спрашивайте, Стрелу, – сказал лев.

– Мне что, сэр, – ответила лошадь. – Они лёгонькие. Вот если бы слон попросился...

Слон ни о чём не просил, и король Нарнии посадил детей: Дигори – быстро и весело, Полли – нежно и бережно, словно она фарфоровая, – и сказал:

– Ну вот, Земляничка! Нет, что это я, – Стрела!

– Не лети слишком высоко, – сказал Аслан. – Не пытайся подняться выше снежных вершин. Держись таких мест, где зелено. Они есть везде. Что же, благословляю тебя!

– Ой, Стрела! – сказал Дигори и потрепал лошадь по холке. – Вот это приключение! Держись за меня крепче, Полли!

И тут же всё упало куда-то вниз и завертелось, ибо лошадь, словно тяжёлый голубь, покружилась немного над долиной, прежде чем вылететь в путь. Глядя вниз, Полли едва различала короля с королевой, и даже сам Аслан казался ярким золотым пятном на зелёном поле. Потом в лицо ей подул ветер, и лошадиные крылья стали мерно вздыматься и падать справа и слева от неё.

Многоцветный край полей и скал, вереска и деревьев лежал внизу, и река ртутной лентой вилась сквозь него. Справа, к северу, зеленели холмы, за ними тянулись болота; слева, к югу, темнели горы, покрытые хвойным лесом, а между горами в голубой дымке виднелся какой-то дальний край.

– Наверное, там и есть Орландия, – предположила Полли.

– Ты посмотри вперёд! – воскликнул Дигори.

Впереди, прямо перед ними, встали стеной скалы и засверкало солнце в водах реки, родившейся на западных плоскогорьях, а отсюда, с этих круч, срывавшейся в самую Нарнию. Лошадь летела так высоко, что грохота они не слышали, но скалы были ещё выше, чем они.

– Придётся их обогнуть, – сказала Стрела. – Держитесь крепче!

И она стала кружить, поднимаясь с каждым витком.

– Ой, обернись! Погляди назад! – воскликнула Полли.

Сзади лежала долина Нарнии, длинная, до самого моря, до восточного окоёма. Теперь, с такой высоты, виднелся только маленький гребень гор за болотами к северу, а к югу – равнины вроде песчаных площадок.

– Хорошо бы нам кто-нибудь объяснил, где что, – сказал Дигори.

– Наверное, тут никого нет, – сказала Полли. – То есть нет ни зверей, ни людей, и ничего не случается. Этот мир создан только сегодня.

– Люди тут будут, – сказал Дигори. – И у них, понимаешь, будет история.

– Спасибо, хоть сейчас нету... – сказала Полли. – Зубрить не надо. Битвы и даты, всякое такое...

Обогнув справа самые высокие скалы и поднявшись совсем высоко, они уже не видели Нарнию – под ними лежали крутые склоны и тёмные леса по берегам реки. Солнце теперь слепило их, и видели они плохо, пока оно не исчезло в горниле неба, в расплавленном золоте, за острым пиком, очерченным так чётко, словно вырезанный из картона.

– Холодно тут, – заметила Полли.

– И крылья у меня болят, – добавила Стрела. – А долины всё нет, нет и озера. Не спуститься ли нам на ночь, не присмотреть ли хорошее местечко? До темноты всё равно не доберёмся туда, куда послал нас Аслан.

– Да, – согласился Дигори, – и поесть бы надо.

Стрела стала спускаться. Воздух теплел, и после часов тишины, нарушаемой лишь хлопанием крыльев, приятно было слушать простые привычные звуки – журчание воды, струящейся меж камней, потрескивание веток. Тёплый запах прогретой земли, травы и цветов поднимался снизу. Наконец Стрела приземлилась, и Дигори, спрыгнув с неё, подал руку Полли. Оба они с удовольствием размяли ноги.

Долина лежала в самом сердце гор. Снежные вершины нависали над ними, с одной стороны – светло-алые от солнца.

– Есть хочется, – сказал Дигори.

– Ну что ж, идите ешьте, – предложила Стрела, прожевав траву, – не стесняйтесь, тут всем хватит.

– Мы траву не едим, – вздохнул Дигори.

– М-м... м-да, – проговорила лошадь, опять набив рот, так что трава свисала по обе стороны губ как усы, – прямо и не жнаю, что делать. А трава какая хорошая...

Полли и Дигори растерянно взглянули друг на друга.

– Может, кто-нибудь накормит и нас, – сказал Дигори.

– Аслан бы накормил, – кивнула лошадь, – если бы вы попросили.

– Разве он сам не знает? – спросила Полли.

– Жнает, как не жнать, – сказала Стрела, ещё не всё прожевав. – Только мне кажется, он любит, штобы его прощили.

– Что же нам делать? – растерянно спросил Дигори.

– Не жнаю, – сказала Стрела. – Разве что траву попробовать... Может, понравится.

– Не говори глупости! – топнула ногой Полли. – Люди траву не едят. Не едите же вы отбивные.

– Не говори ты про отбивные! – воскликнул Дигори. – И без того худо. Лучше надень кольцо, зайди домой и принеси чего-нибудь поесть. Я не могу: ещё задержат, – я ведь обещал Аслану.

Полли ответила, что не покинет их; Дигори сказал, что это благородно, и она вспомнила:

– У меня же тянучки остались. Всё лучше, чем голодать.

– Куда лучше! – сказал Дигори. – Только вынимай осторожно, кольца не задень.

Это ей удалось – правда, не без труда, – но ещё труднее было отодрать тянучки от фантика, или, вернее, фантик от тянучек, – так они слиплись. Кое-кто из взрослых (сами жнаете, как они всё усложняют) обошёл бы без еды, только бы не есть тянучки с бумагой. Всего конфет было девять, и Дигори решил, что по четыре штуки можно съесть, а одну посадить в землю.

– Из фонаря же выросло дерево – значит, тут может вырасти и конфетное дерево.

И они выкопали ямку и сунули туда конфету, а другие съели, стараясь растянуть удовольствие. Что ни говори, ужин был скудный, хотя и с бумагой.

Стрела тем временем поужинала на славу и легла. Дети притулились к ней, и она укрыла их крыльями. Им стало тепло и уютно; появились новые звёзды нового мира, а дети всё говорили – о том, как надеялся Дигори вылечить маму, и о том, что его вместо этого послали за яблоком, и о признаках, по которым они узнают то самое место: синее озеро, зелёная гора, прекрасный сад. Беседа шла всё медленнее, дети уже засыпали, как вдруг Полли присела и проговорила:

– Ой, слышите?

Дигори, как ни старался, не услышал ничего и решил, что это ветер в деревьях, но лошадь тихо сказала:

– Накажи меня Аслан, а что-то там есть!

И, вскочив на ноги с шумом и грохотом, она принялась обнюхивать траву. Дети тоже встали, искали долго (Полли померещилась высокая тёмная фигура), ничего не нашли и опять притулились (если уместно такое слово) у лошади под крыльями. Они заснули сразу, а она долго прядала ушами во мраке и вздрагивала, словно сгоняя муху, потом все же заснула.

Глава тринадцатая. Неожиданная встреча

– Проснись, Дигори! – воскликнула Полли. – Проснись, Стрела! Выросло конфетное дерево. А погода какая!..

Низкие лучи солнца пронзали лес, трава была седой от росы, серебрилась паутина. Прямо за лошадю и детьми тёмное небольшое деревце с белёсыми шуршащими листьями гнулось под тяжестью густо-коричневых, похожих на финики плодов.

– Ура! – закричал Дигори. – Только я сперва окунусь.

И он ринулся к реке сквозь цветущие заросли. Доводилось ли вам купаться в горной речке, которая несётся через багряные, сизые и жёлтые камни, а солнце сверкает на мелких водопадах? Там хорошо, как в море, даже лучше. Конечно, вытереться или обсохнуть Дигори не мог, оделся прямо так. Когда он вернулся, к реке пошла Полли и тоже выкупалась (так она сказала, но зная, что плавать она не умеет, мы думаем, она просто вымылась как следует), а Стрела вошла в воду по колена, напилась и заржала, потряхивая гривой.

Только тогда дети принялись собирать плоды конфетного дерева. Вкус был не совсем такой, как у настоящей тянучки: всё же плоды сочнее, – но похожий и очень хороший. Стрела попробовала, похвалила, но заметила, что на завтрак предпочитает траву. Потом дети не без труда взобрались лошади на спину, и она поднялась в воздух.

Лететь было ещё лучше, чем вчера, – и потому, что все отдохнули, и потому, что солнце всходило сзади, а всё красивее, когда свет сзади вас. Ах, как хорошо они летели! Куда ни взгляни, сверкали высокие горы. Долины зеленели ярко, реки, сбегавшие с гор, были синие, словно под тобой, внизу, огромные изумруды и сапфиры. Вскоре дети почували какой-то запах и стали спрашивать друг друга:

– А что это?

– Нет, правда пахнет?

– Откуда, с какой стороны?

Запах был просто дивный: нежный, сладостный, словно где-то росли прекраснейшие в мире цветы или плоды.

– Это из долины, где озеро, – сказала лошадь.

– Да, – подтвердил и Дигори, – смотрите! За озером – горы, а вода какая синяя...

– То самое место! – воскликнули все трое.

Стрела стала спускаться большими кругами, воздух теплел, запах усиливался, и просто плакать хотелось – так он был прекрасен, и когда лошадиные копыта коснулись земли, кругом были не скалы и не горы, а густая трава. То был пологий склон. Дети прокатились немного вниз по высокой траве и встали, переводя дух.

Оказались они почти у вершины – ну на четверть пути ниже – и решили сразу взобраться на самый верх. Там, наверху, стояла живая зелёная изгородь, а за нею росли деревья. Через изгородь свисали ветви, и, когда пробежал ветер, листья на них серебрились, даже отливали голубым. Довольно долго дети шли вдоль стены, обошли чуть не всю вершину, пока, наконец, не увидели золотые ворота, обращённые на восток.

Наверное, Полли и Стрела думали тоже войти в них, но сразу же отказались от этой мысли. Так и чувствовалось, что сад этот чей-то и ходить туда без спроса нельзя. Словом, Дигори подошёл к воротам один и увидел на золоте серебряные строки:

*Ты, что пришёл к воротам золотым,
Сорви мой плод, отдай его другим.
Но если для себя его сорвёшь,
Страсть утолишь и муку обретёшь.*

«Отдай его другим, – повторил Дигори. – Что ж, именно для того я и прибыл. Значит, есть его мне самому нельзя. Но как открыть ворота? Не лезть же через изгородь!» Он тронул ворота рукой, и они беззвучно открылись.

В саду стояла тишина, лишь слабо журчал фонтан. Пахло так же дивно, всё было прекрасно здесь, но совсем не весело.

Дерево он узнал сразу – и потому, что оно стояло посреди сада, и потому, что яблоки ярко сверкали, бросая отсвет на затенённую землю. Подойдя к нему, он сорвал серебристый плод и, прежде чем положить в карман куртки, понюхал его.

Лучше бы он этого не делал! Больше всего на свете ему захотелось сорвать ещё один, для себя, и он подумал: «Может, надпись не приказ, а совет? И вообще: я же сорвал яблоко для других; какая разница, что я сделаю с остальными?»

Размышляя об этом, он ненароком взглянул сквозь ветви на верхушку дерева. Там, над его головой, прикорнула прекраснейшая птица. Я говорю «прикорнула», потому что она то ли спала, то ли нет: один её глаз был закрыт не совсем плотно. Казалась она побольше орла, грудка её отливала золотом, хвост – пурпуром, на голове алел хохолок.

– В таких местах, – говорил Дигори позже, рассказывая обо всём этом, – надо держать ухо востро. Мало ли кто за тобой следит!..

Однако, я думаю, он бы и сам не сорвал яблоко. Должно быть, всякие прописи (скажем, «не укради») вбивали тогда мальчикам в голову крепче, чем теперь. Хотя кто знает...

Он повернулся, чтобы идти обратно, огляделся напоследок и замер от ужаса, увидев, что здесь не один: неподалёку от него стояла колдунья. Она как раз отшвырнула сердцевину только что съеденного яблока. Губы её были выпачканы соком, почему-то очень тёмным; это было страшновато, и Дигори смутно начал понимать строку о страсти и муке – колдунья казалась ещё сильнее и надменнее, чем прежде, торжествовала, и всё же лицо её было белым как соль.

Мысли эти мелькнули в его мозгу, и он уже летел к воротам, а колдунья гналась за ним. Как только он выбежал, ворота закрылись сами собой. Но не успел он добежать до друзей и крикнуть: «Полли, Стрела, скорей!» – как колдунья, перемахнув через стену, нагнала его.

– Стой! – крикнул он, повернувшись к ней лицом. – Стой, а то мы исчезнем. Не подходи.

– Глупый мальчишка, – засмеялась она, – зачем ты от меня бежишь? Я тебе зла не желаю. Подожди, послушай меня, иначе пожалеешь. От меня ты узнаешь то, что даст тебе счастье на всю жизнь.

– Не хочу, спасибо, – сказал Дигори... и остался.

– Я знаю, что тебе нужно: слышала вчера вашу беседу, я всё слышу. Ну что ж, яблоко ты сорвал, оно у тебя в кармане. Ты не тронешь его, отнесёшь льву, он его съест и обретёт счастье и силу. Простак ты, простак! Да это же плод вечной молодости, яблоко жизни. Я съела его, и теперь никогда не умру, даже не состарюсь. Съешь его сам, съешь сам, и мы будем жить вечно и станем править любым миром, если хочешь – твоим.

– Нет, спасибо, – сказал Дигори. – Навряд ли мне захочется жить, когда умрут все, кого я знаю. Поживу сколько надо, умру и пойду на небо.

– А как же твоя мама? Ты говорил, что очень любишь её.

– При чём тут она? – сказал Дигори.

– Да неужели ты не понимаешь, глупец, что яблоко исцелит её? Оно у тебя, мы одни, лев далеко. Вернись домой, дай матери откусить от яблока, и через пять минут она поправится. Ей станет легче, она заснёт без боли, без лекарств – по-думай об этом! Наутро все удивятся, увидев её здоровой. Всё станет у вас хорошо, вернётся счастье, и сам ты будешь таким, как другие мальчишки.

– Ой! – задохнулся Дигори, словно ему стало больно, и приложил ладонь ко лбу. Теперь он знал, что перед ним самый страшный выбор.

– Что сделал для тебя этот лев? – не унималась колдунья. – Почему ты служишь ему? Подумай, что сказала бы твоя мать, если бы узнала, что ты мог её спасти – и не спас. Отец твой умрёт от горя, а ты предпочитаешь служить какому-то дикому зверю в диком краю...

– Он... он не дикий зверь, – еле выговорил Дигори. – Он... я сам не знаю...

– Он хуже зверя, – сказала колдунья. – Смотри, что он сделал с тобой. Смотри, каким ты стал по его вине. Таким становится всякий, кто его слушает. Жестокий, безжалостный мальчишка! Мать умирает, а ты...

– Перестань! – еле слышно проговорил несчастный Дигори. – Что же я, не понимаю? Но... я дал слово.

– Ты сам не знал, что говоришь, – сказала колдунья.

– Мама, – с трудом проговорил Дигори, – не хотела бы, чтобы я... Она учила меня держать слово... и не красть... и вообще... Если бы она была здесь, то сама сказала бы мне, что яблоко брать не надо.

– Зачем же ей знать? – почти пропела колдунья (трудно было представить себе, что её голос может звучать так сладко). – Не говори ни ей, ни папе. Никто в твоём мире ничего не узнает. И девочку с собой не бери.

Тут колдунья и сделала непоправимый промах. Конечно, Дигори знал, что Полли может вернуться сама, но колдунья этого не знала. А сама мысль, чтобы бросить Полли здесь, была такой мерзкой, что все другие слова колдуньи сразу же показались подлыми и фальшивыми. Как ни худо было Дигори, он сказал громко и чётко:

– Тебе-то что? Какое тебе дело до моей мамы? Что тебе нужно?

– Молодец, Диги! – услышал он голос Полли. – Скорей, бежим!

Понимаете, она молчала всё время, ведь это не у неё умирала мать.

– Бежим! – повторил Дигори, помогая ей влезть на спину Стреле, и вскочил туда вслед за нею.

Лошадь расправила крылья.

– Что же, бегите, глупцы! – крикнула колдунья. – Ты ещё припомнишь меня, несчастный, когда будешь умирать! Ты вспомнишь, как отверг плод вечной юности! Другого яблока тебе не даст никто.

Они едва расслышали сверху её слова, а она, не тратя попусту времени, направилась по склону горы куда-то на север.

Встали они очень рано, в саду пробыли недолго, и Полли со Стрелой решили, что будут в Нарнии засветло. На обратном пути Дигори молчал, и они не решались с ним заговорить. Он сильно мучился, порой – корил себя, но, вспомнив слёзы Аслана, понимал, что иначе поступить не мог.

Стрела летела целый день всё на восток, вдоль реки, между высокими горами, над лесистыми холмами, над водопадом, ниже, ниже, туда, где тень скалы покрыла леса Нарнии. Когда закат обагрил небо за ними, все трое увидели внизу много самых разных существ. Различив среди них ярко-золотое пятно, Стрела стала спускаться и, наконец, встав на ноги, сложила крылья. Дети спрыгнули на землю, и Дигори увидел, что звери, сатиры, нимфы, гномы расступились перед ним. Тогда, направившись прямо ко льву, он протянул ему яблоко и сказал:

– Вот оно, Аслан.

Глава четырнадцатая. Как посадили дивное дерево

– Хорошо, – сказал Аслан, и земля содрогнулась от его голоса, и Дигори понял, что жители Нарнии слышали и будут передавать их слова своим детям век за веком, быть может – всегда, но не зазнался, ибо не думал об этом, стоя перед Асланом. Теперь он мог выдержать львиный взор. О себе он забыл и ни о чём не печалился.

– Хорошо, сын Адама, – повторил лев. – Ради этого плода ты жаждал, и алкал, и плакал. Лишь ты вправе посадить дерево, которое защитит Нарнию. Брось яблоко у реки, где мягкая почва.

Дигори повиновался. Было так тихо, что вы бы услышали, как мягко упало яблоко на землю.

– И бросил ты хорошо, – сказал Аслан. – Теперь пойдём на коронацию короля Франциска Нарнийского и королевы Елены.

Тут дети заметили Фрэнка и Нелли в роскошных одеяниях. Четыре гнома держали шлейф королевской мантии, четыре нимфы – шлейф платья королевы. Он был без котелка, она – без чепчика. Королева распустила волосы (что несказанно её украсило), но не одеяния и не причёска так сильно изменили королевскую чету. Лица их стали иными, особенно у короля. Хитрость, недоверчивость, сварливость лондонского кебмена исчезли, словно их и не было, и всем открылись его отвага и доброта. Наверное, помог сам воздух Нарнии, или беседы со львом, или что ещё.

– Ну и ну! – шепнула Полли Стрела. – Мой хозяин изменился не меньше меня самой. Теперь он и впрямь хозяин!

– Да, – сказала Полли. – Ой, ты мне ухо щекочешь!..

– Посмотрим, – сказал Аслан, – что выросло на *этих* деревьях. Напутали, теперь – распутайте.

И Дигори увидел клубок или клетку, точнее – большой, как клетка, клубок переплетённых ветвей. Два слона пустили в дело хоботы, три гнома – топоры, быстро всё расчистили, и зрителям явилось золотое деревце, серебряное и ещё какое-то, непонятное, но очень грязное.

– Ух ты! – сказал Дигори. – Да это же не дерево, а дядя!

Чтобы все объяснить, отступим немного назад. Как вы помните, звери пытались посадить дядю в землю и полить. От воды он очнулся, увидел толпу зверей и страшно взвыл; с него текли потоки, а земля, осевшая до щиколоток, хлюпала, превратившись в грязь. Вообще-то это было хорошо, потому что все, даже кабан, поняли, что он живой, и выкопали его. Но бежать он не смог, слон схватил его хоботом – помните, звери считали, что надо поддержать его, пока не придёт Аслан. И вот они сплели вокруг него клубок из веток, а потом набросали туда еды.

Осёл нарвал чертополоха, но дядя его есть не пожелал. Белка стала метать ему орехи, но дядя прикрыл голову руками и радости не выказал. Птички услужливо роняли сверху отборных червей, но тщетно. Особенно постарался медведь – не съел пчелиное гнездо, которое нашёл в лесу, и благородно отдал его дяде. Пчёлы ещё не все улетели, и, когда добрый зверь сунул клейкий ком в просвет между ветками, дядя дёрнулся, поскользнулся и сел на землю, вернее – на репы.

– А всё-таки, – заметил барсук, – мёду он поел.

И впрямь: медведь дотянулся лапой до узника и ткнул улей ему в лицо. Звери искренне привязались к своему странному питомцу и надеялись, что лев разрешит им его держать. Самые умные утверждали, что некоторые звуки, которые он издаёт, что-то значат. Назвали его Бренди, ибо это сочетание слогов дядя повторял часто и довольно чётко.

На ночь его оставили в клетке-клубке: Аслан был занят. У дяди накопилось много орехов, яблок, груш, бананов, но всё же он провёл неприятную ночь.

– Подведите его ко мне, – сказал Аслан.

Один из слонов поднял дядю Эндрю и положил у самых лап льва. Дядя не шевелился от страха.

– Аслан, – попросила Полли, – успокой его, пожалуйста! И... и спугни, чтобы он больше сюда не являлся.

– Ты думаешь, он захочет? – спросил Аслан.

– Возможно, не сам, – сказала Полли, – пошлёт кого-нибудь. Он так обрадовался, что из железки вырос фонарь, и решил...

– Он ошибся, моя дорогая, – успокоил девочку Аслан. – Здесь всё растёт эти несколько дней, пока моя песнь висит в воздухе, но она умолкнет. Я не могу сказать ему об этом и не могу его утешить – он слишком плохой. Ему не услышать меня. Если я заговорю с ним, он услышит только рёв и рычание. О, сыны Адамовы, как умело защищаетесь вы от всего, что вам ко благу! Что ж, я дам ему то единственное, что он способен принять.

Он печально опустил большую голову, подул в испуганное лицо чародея и сказал:

– Спи, спи, отгородись на несколько часов от бед, которые ты вызвал.

И дядя Эндрю тут же закрыл глаза, дыхание его стало ровным.

– Положите его в стороне, – сказал Аслан. – А теперь, гномы, покажите, на что вы способны. Сделайте короны для короля и королевы.

Гномы бросились толпой к золотому деревцу и вмиг оборвали все листья, даже обломали ветки (не все!). Теперь Дигори и Полли увидели, что дерево и впрямь золотое, из настоящего, чистого, а значит – мягкого, золота. Конечно, оно выросло из золотых монет, выпавших из дядиных карманов, точно так же как серебряное выросло из серебряных. Невесть откуда гномы притащили хворост, молоточки, наковальню, меха – и через минуту-другую огонь ревел, меха пытели, золото гнулось под весёлый перестук. Гномы знали своё кузнечное дело! Два крота (любители копать) положили на траву кучу драгоценных камней. И вот под умелыми пальцами маленьких кузнецов засверкали короны – не уродливые и не тяжёлые, как у нынешних монархов, а лёгкие, тонкие, красивые, словно обруч феи. Корона короля была усыпана рубинами, корона королевы – изумрудами.

Когда их охладили в реке, король и королева опустились на колени перед львом, и он короновал их, а потом сказал:

– Встаньте, Франциск и Елена, отец и мать великих королей Нарнии, Орландии и Островов! Правьте справедливо и милостиво. Будьте отважны. Благословение моё – навсегда с вами.

Поднялся радостный крик, слоны трубили, птицы хлопали крыльями, а королевская чета стояла торжественно и смущённо, и чем смущённее были они, тем благороднее. Дигори ещё кричал «ура!», когда услышал глубокий голос:

– Смотрите!

Толпа повернулась, и все издали удивлённый, радостный вздох. Немного поодаль стояло прекраснейшее в мире дерево. Оно выросло тихо и быстро, словно подняли флаг на флагштоке, пока длилась коронация. Ветки его осеняли светом, а не тенью, ибо были усыпаны сверкающими, как звёзды, серебристыми яблоками. Но прекраснее всего был запах, и, вдыхая его, никто уже не мог ни о чём другом думать.

– Сын Адама, – сказал лев, – ты хорошо сделал своё дело. А вам, обитатели Нарнии, я поручаю другое: оберегайте эту яблоню, как она оберегает вас. Колдунья бежала далеко на север. Там она будет жить, укрепляясь в тёмной силе, но пока дерево живо, она не придёт в Нарнию. Запах его, дарующий нам жизнь, здоровье и радость, для неё – ужас, отчаяние и смерть.

Все смотрели на дерево, а лев, сверкнув золотой гривой, повернулся к Дигори и Полли, заметив, что они о чём-то шепчутся, и спросил:

– Что с вами, дети?

– Ой, Аслан, прости меня!.. – начал Дигори, густо краснея. – Я забыл сказать: *она* съела яблоко... – Он замялся, и Полли договорила за него, потому что гораздо меньше боялась показаться глупой.

– Вот мы и подумали, Аслан, что тут какая-то ошибка. Колдунья не испугалась запаха.

– Почему ты так решила, дочь Евы? – спросил лев.

– Она же съела яблоко! – сказала Полли.

– Дорогая моя, потому она и боится дерева. Так бывает со всеми, кто сорвёт плод не вовремя и не вовремя вкусит. Плод хорош, но благо приносит только тогда, когда ты вправе его съесть.

– Вот как... – сказала Полли. – Значит, он ей не поможет? Она не будет жить вечно?

– Будет, – сказал лев, печально качая головой. – Она получила то, что хотела: неистощимую силу и бесконечную жизнь, как богиня. Но для злых сердцем долгота дней – лишь долгота бед, и она уже поняла это. Каждый получает то, что хочет, но не каждый этому рад.

– Я... я и сам чуть не съел яблоко, – признался Дигори. – Тогда бы и я...

– Да, сын мой, – сказал Аслан. – Яблоко непременно даёт бессмертие и силу, но оно не идёт на пользу тому, кто сорвал его по *своей* воле. Если бы кто-нибудь посадил здесь то семя не по моему велению, а сам, дерево охраняло бы Нарнию, но как? Нарния просто стала бы жестокой и сильной державой вроде Чарна, а не доброй страной, какой я её создал. Колдунья хотела, чтобы ты ещё в одном нарушил мою волю, помнишь?

– Помню, – сказал Дигори. – Она подбивала меня взять яблоко для мамы.

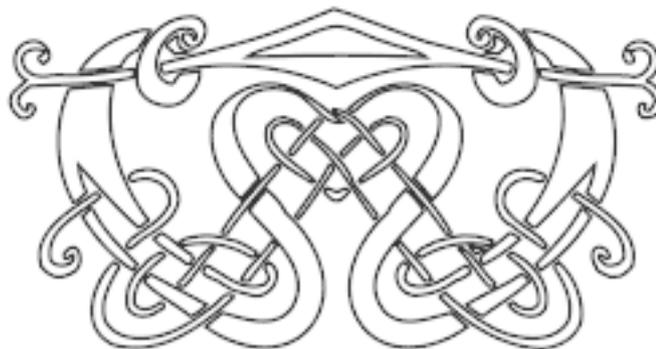
– Оно бы вылечило твою маму, – сказал лев, – но пришёл бы день, когда и ты, и она пожалели бы об этом.

Дигори молча плакал, утратив последнюю надежду, но знал, что лев говорит правду: на свете есть кое-что страшнее смерти. Он плакал, пока не услышал тихий голос:

– Так было бы, сын мой, если бы ты поддался и сорвал яблоко. Теперь будет не так. В твоём мире нельзя жить вечно, но здоровым быть можно. Иди сюда. Сорви яблоко для мамы.

Дигори понял не сразу, а когда понял, медленно, словно во сне, подошёл к дереву. Король и королева закричали «ура!», а гномы и звери подхватили крик, когда он сорвал яблоко и положил в карман. Потом он вернулся ко льву и спросил, забыв сказать «спасибо»:

– Можно, я пойду домой?

Глава пятнадцатая. Как кончилась эта повесть и с чего начались остальные

– Когда я с вами, колея не надо, – сказал глубокий голос.

Дети заморгали, оглянулись и поняли, что опять оказались в лесу между мирами. Дядя спал на траве, Аслан стоял над ним.

– Пора вам в ваш мир, – сказал лев. – Только сперва я покажу вам кое-что, а вы запомните. Они посмотрели и увидели ямку в траве, сухую, без воды.

– Прошлый раз, – продолжал лев, – это был пруд, через который вы попали в Чарн, где умирало солнце. Теперь пруда нет, нет и Чарна, словно и не было. Пусть помнят об этом потомки Адама и Евы.

– Хорошо, Аслан, – сказали дети, а Полли спросила:

– Мы ведь ещё не такие плохие, как они?

– Ещё не такие, дочь Евы, – сказал лев, – но с каждым столетием всё хуже. Очень может быть, что самые плохие из вас узнают тайну, опасную, как то заклятие. Скоро, очень скоро, раньше, чем вы состаритесь, в великих странах вашего мира будут править тираны, которым так же безразличны радость, милость и правда, как злой королеве. От вас и от подобных вам зависит, долго ли они пробудут и много ли натворят. Это предупреждение. А теперь – повеление: как можно скорее отнимите у дяди кольца и закопайте поглубже, чтобы никто их больше не трогал.

Дети смотрели на льва, и вдруг лицо его стало сверкающим золотым диском, или золотым морем, в которое они погрузились, ощутив при этом такое блаженство и такую силу, что им показалось, будто они ещё не знали счастья и мудрости, никогда не были хорошими и даже вообще не жили. Память об этом мгновении осталась с ними навек, и, пока они были вместе, одна мысль о дивном блаженстве смывала страх, раздражение и горечь; мало того: им казалось, что блаженство это – рядом, за дверью или за углом, и вот-вот вернётся. А сейчас, почти сразу, все трое оказались в шумном и душном Лондоне. Дядя, естественно, проснулся.

Стояли они перед домом Кеттерли, и всё было точно так же, только исчезли кебмен, лошадь и колдунья. У фонарного столба не хватало железки; на мостовой лежал разбитый кеб; толпа ещё не разошлась. Все занимались главным образом оглушённым полисменом, и то и дело слышалось: «Вроде очнулся!..» – или: «Ну как, получше?» – или: «Сейчас придёт «Скорая помощь»».

«Вот это да! – подумал Дигори. – Здесь не прошло и секунды».

Многие удивлялись, где же великанша и лошадь. Детей не заметил никто – ни тогда, ни теперь. Дядю Эндрю никто бы и не мог узнать в таких лохмотьях и в меду. К счастью, дверь была открыта, служанка стояла на пороге (вот уж день так день!), и дети быстро втащили дядю в дом, так что никто ничего и не спросил.

Дядя кинулся вверх по лестнице, и они испугались, не хочет ли он спрятать оставшиеся кольца, но беспокоиться было не о чем: он спешил подкрепиться. Из своей спальни он вышел в халате и затрусил в ванную.

– Ты добудешь все кольца, Полли? – спросил Дигори. – Я хочу сразу пойти к маме.

– Добуду, – ответила Полли. – Скоро увидимся. – И побежала на чердак.

Дигори перевёл дух и тихо вошёл в мамину спальню. Среди подушек, как и много раз прежде, белело её исхудавшее лицо, от одного взгляда на которое вы бы заплакали. Дигори вынул из кармана яблоко жизни.

Как и колдунья, здесь, в нашем мире, оно выглядело иначе, чем в том, своём. Вокруг было много красок – цветы на обоях, занавески, голубая мамина кофточка, – но сейчас всё это казалось бесцветным. Даже солнечный свет казался тусклым. Яблоко отбрасывало зайчики на потолок. Ни на что другое и смотреть не хотелось. О запахе я говорить не буду – словно открыли окно в небо.

– Какое чудо! – воскликнула мама.

– Съешь его, очень тебя прошу! – сказал Дигори.

– Не знаю, разрешит ли доктор... Нет, конечно, оно не повредит мне...

Дигори порезал яблоко на кусочки и дал их маме один за другим. Когда всё доела, она улыбнулась, и голова её снова упала на подушки. Она впервые заснула без этих гнусных таблеток, а Дигори знал, что ни о чём она не мечтала так сильно. Лицо у неё стало немножко другое. Он нежно её поцеловал и тихо вышел, а сердцевину яблока взял с собой. До самого вечера, глядя на обычные, будничные вещи, он то и дело терял надежду, но вспоминал Аслана – и обретал её.

Вечером он зарыл сердцевину яблока в саду.

Наутро пришёл доктор и после осмотра вышел с тётей Летти в гостиную.

– Мисс Кеттерли, это самый поразительный случай в моей практике. Это... это чудо какое-то! Мальчику я бы ещё не говорил: не надо возбуждать надежду слишком рано, – однако, на мой взгляд...

И Дигори перестал его слышать, а попозже вышел в сад и просвистел условный сигнал (вечером Полли прийти не смогла).

– Ну что? – спросила Полли, выглядывая из-за стены. – Как мама?

– Кажется... кажется, хорошо. Ты прости, я ещё не хочу об этом говорить. А как кольца?

– Вот они. Не бойся, я в перчатках. Давай их закопаем.

– Давай. Я отметил место, где закопал сердцевину яблока.

Полли перелезла через стену, и они пошли туда, но, оказывается, отмечать было не нужно: что-то уже росло из земли – не так быстро, как в Нарнии, но росло. Рядом, поближе, Полли и Дигори закопали все кольца, в том числе – свои.

Через неделю уже не было сомнений, что миссис Кёрк выздоравливает. Ещё через две она вышла в сад. А через месяц всё в доме изменилось: занавеси раздвинули, окна открыли настежь, тётя Летти стряпала для сестры всё, что та хотела, повсюду стояли цветы, рояль настроили, мама снова пела и так забавлялась с Дигори и Полли, что тётя сказала: «Знаешь, Мейбл, ты у нас младше всех!»

Беда не приходит одна, не приходит одна и радость. Месяца через полтора они получили письмо от папы из Индии. Умер его двоюродный дед, старый лорд Кёрк, и оставил папе приличное наследство. Теперь ему не надо было служить, он мог навсегда вернуться в Англию. Большое поместье, о котором Дигори слышал с детства: со всеми конюшнями, теплицами, парком, виноградниками, лесами и даже горами (правда, уже за оградой) – стало теперь их домом. Казалось бы, чего ещё? Но всё-таки я сообщу вам несколько необходимых сведений.

Полли проводила в поместье все праздники и каникулы, научилась доить коров, ездить верхом, плавать и лазать по горам. В Нарнии же звери жили радостно и мирно, и никто не тревожил их много сотен лет. Радостно жили и король Франциск с королевой Еленой и детьми, причём младший сын стал королём Орландии. Сыновья их женились на нимфах и дриадах, дочери выходили замуж за лесных и речных божков. Фонарь светил день и ночь, и когда много лет спустя другая девочка в снежную ночь пришла из нашего мира в Нарнию, то почти сразу увидела его. А случилось это вот почему.

Дерево, которое посадил в саду Дигори, хорошо разрослось, но здесь, на нашей земле, далеко от Аслана и от живо-творящего воздуха Нарнии, яблоки на нём уже не смогли бы исцелять умирающих. Они были совсем обычные, хотя и самые красивые в Англии. Однако дерево не забыло, откуда взялось. Иногда оно трепетало без ветра, потому что ветер дул в Нарнии: английское дерево вторило нарнийскому. А может быть, в нём все ещё осталась волшебная сила. Когда Дигори вырос и стал знаменитым учёным, путешественником, профессором и лондонский дом принадлежал ему, дерево сломала буря. Сжечь его как дрова он не смог и заказал из него шкаф, который перевёз потом в поместье. Сам он не знал, что шкаф волшебный, но другие это открыли, и так начались те путешествия в Нарнию, о которых вы можете прочитать в других книжках.

Переезжая в поместье, семья Кёрк взяла дядю Эндрю с собой, потому что отец сказал: «Поможем ему, бедняге, да и Летти пора отдохнуть».

Чародейство дядя оставил и вообще очень изменился: перестал быть таким себялюбцем, – но очень любил увести гостя в бильярдную и рассказать о даме королевского рода, которой показывал некогда Лондон. «Чертовский темперамент, я вам скажу, – прибавлял он в заключение. – Но какая женщина, мой дорогой, какая женщина!»

Лев, колдунья и платяной шкаф

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮСИ БАРФИЛД

Милая Люси!

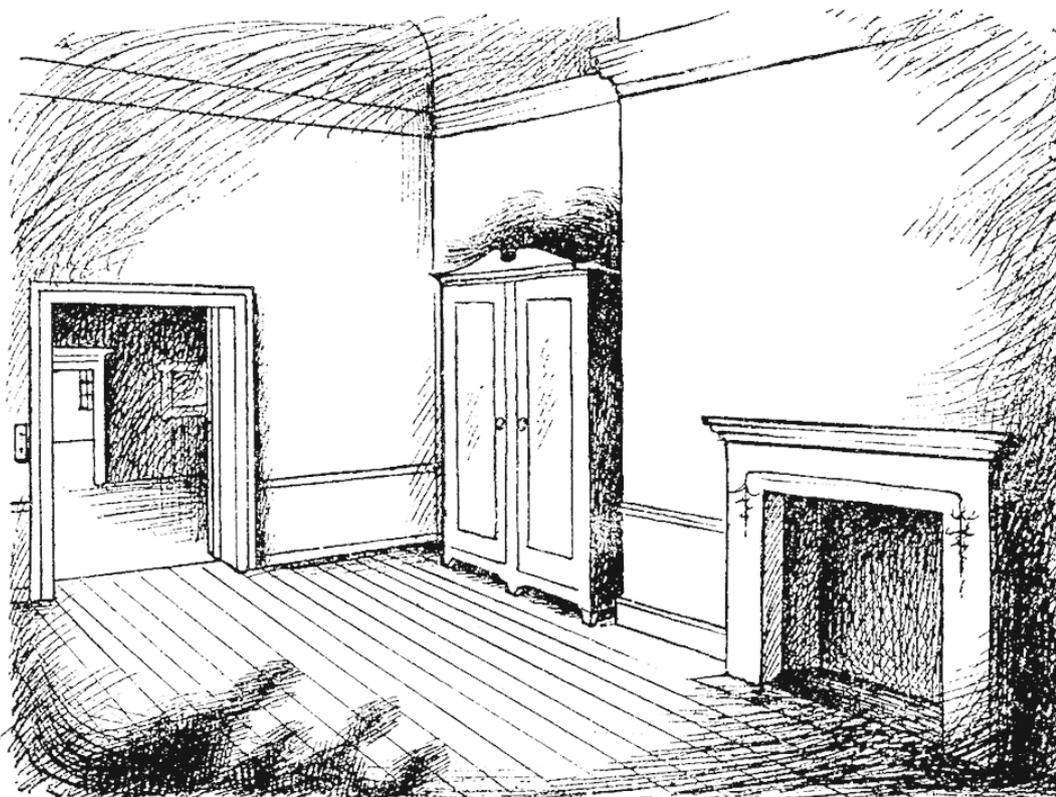
Я написал эту историю для тебя, но когда принимался за неё, ещё не понимал, что девочки растут быстрее, чем пишутся книги.

И вот теперь ты уже слишком большая для сказок, а к тому времени, когда эту сказку напечатают и выпустят в свет, станешь ещё старше. Но поверь: наступит время, когда ты вновь начнёшь читать сказки. Тогда снимешь эту книжечку с верхней полки, встряхнёшь с неё пыль, а потом скажешь мне, что думаешь о ней. Возможно, к тому времени я так состарюсь, что не услышу и не пойму ни слова, но и тогда по-прежнему буду любящим тебя крёстным.

Клайв С. Льюис

Глава первая. Люси заглядывает в платяной шкаф

Жили-были на свете четверо детей, братья и сёстры Певенси: Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. В этой повести рассказывается о том, что приключилось с ними во время войны, когда их вывезли из Лондона, чтобы уберечь от воздушных налётов. Детей отправили к старику профессору, который жил в самом центре Англии, в десяти милях от ближайшей почты. У него никогда не было жены, и он жил в очень большом доме с экономкой по имени миссис Макриди и тремя служанками – Айви, Маргарет и Бетти (но они почти совсем не принимали участия в нашей истории). Профессор был старый-престарый, со взлохмаченными седыми волосами и взлохмаченной седой бородой чуть не до самых глаз. Вскоре ребята его полюбили, но в первый вечер, когда вышел им навстречу к парадным дверям, он показался им очень чудным. Люси (самая младшая) даже немного его испугалась, а Эдмунд (следующий за Люси по возрасту) с трудом удержался от смеха – ему пришлось сделать вид, что сморкается.

Когда они в тот вечер пожелали профессору спокойной ночи и поднялись наверх, в спальни, мальчики зашли в комнату девочек, чтобы поболтать обо всём, что увидели за день.

– Нам здорово повезло, это факт, – сказал Питер. – Ну и заживём мы здесь! Сможем делать всё, что душе угодно. Этот дедуля и слова нам не скажет.

– По-моему, он просто прелесть, – добавила Сьюзен.

– Замолчи! – воскликнул Эдмунд, который, когда уставал, всегда был не в духе, хотя и делал вид, что нисколько не устал. – Перестань так говорить.

– Как – так? – уточнила Сьюзен. – И вообще тебе пора спать.

– Воображаешь, что ты мама, – проворчал Эдмунд. – Кто ты такая, чтобы указывать мне? Тебе самой пора спать.

– Лучше нам всем лечь, – предложила Люси. – Если нас услышат, нам попадёт.

– Не попадёт, – сказал Питер. – Говорю вам, это такой дом, где никто не станет смотреть, чем мы заняты. Да нас и не услышат. Отсюда до столовой не меньше десяти минут ходу по всяким лестницам и коридорам.

– Что это за шум? – спросила вдруг Люси.

Она ещё никогда не бывала в таком громадном доме, и при мысли о длиннющих коридорах с рядами дверей в пустые комнаты ей стало не по себе.

– Просто птица, глупая, – буркнул Эдмунд.

– Это сова, – добавил Питер. – Тут должно водиться видимо-невидимо всяких птиц. Ну, я ложусь. Послушайте, давайте завтра пойдём на разведку. В таких местах, как здесь, можно много чего найти. Вы видели горы, когда мы ехали сюда? А лес? Тут, верно, и орлы водятся. И олени! А уж ястребы точно.

– И барсуки, – сказала Люси.

– И лисицы, – сказал Эдмунд.

– И кролики, – сказала Сьюзен.

Но когда наступило утро, оказалось, что идёт дождь, да такой сильный, что из окна не было видно ни гор, ни леса; даже ручья в саду, и того не было видно.

– Ясное дело, без дождя нам не обойтись! – сказал Эдмунд.

Они только что позавтракали вместе с профессором и поднялись наверх, в комнату, которую он им выделил для игр, – длинную, низкую, с двумя окнами в одной стене и двумя – в другой, напротив.

– Перестань ворчать, Эд, – сказала Сьюзен. – Спорю на что хочешь, через час прояснится. А пока тут есть приёмник и куча книг. Чем плохо?

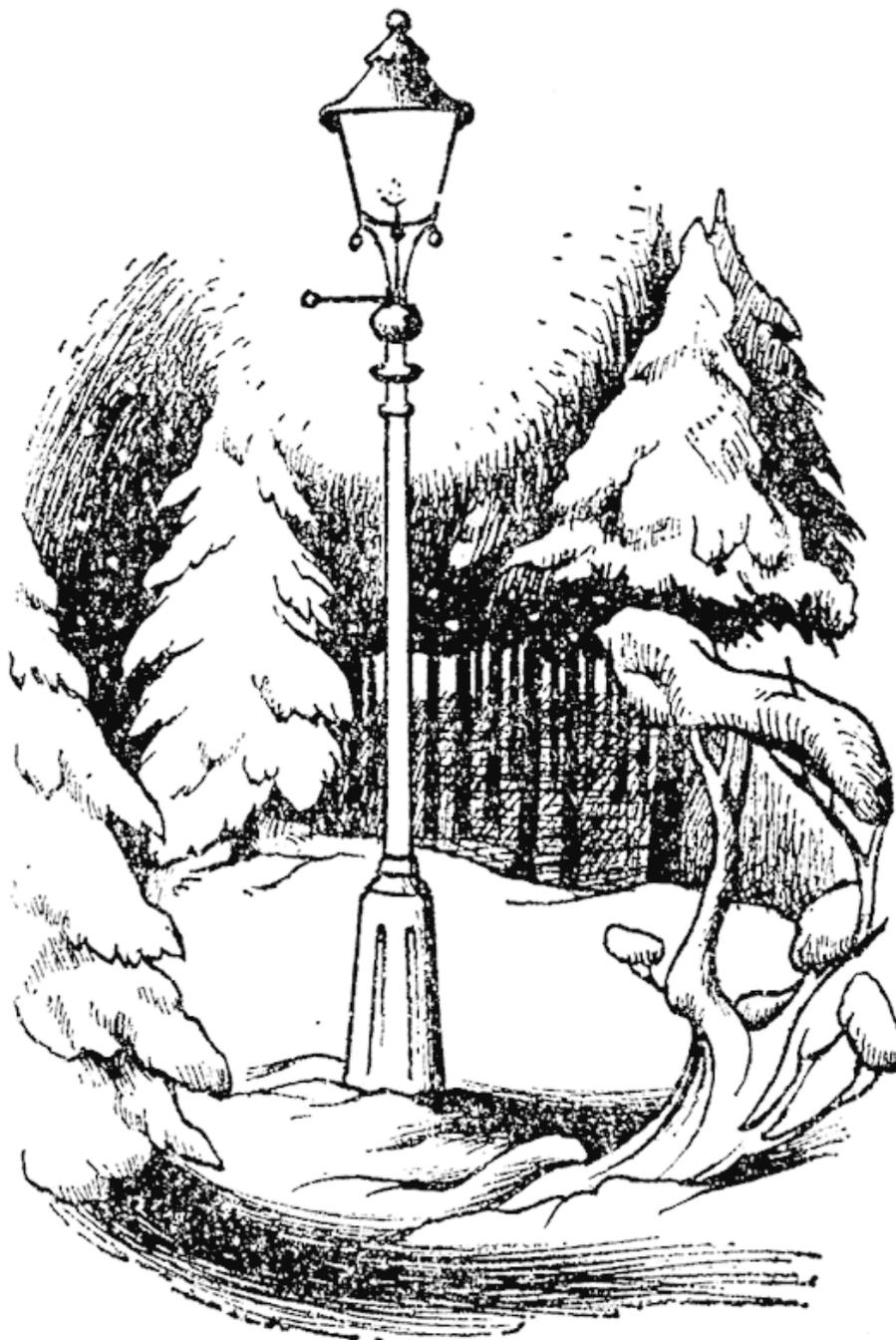
– Ну нет, – сказал Питер, – это занятие не для меня. Я пойду на разведку по дому.

Все согласились, что лучше игры не придумаешь. Так вот и начались их приключения. Дом оказался огромным, и в нём было полно самых удивительных уголков. Вначале двери, которые они приоткрывали, вели, как и следовало ожидать, в пустые спальни для гостей, но вскоре ребята попали в длинную-предлинную, увешанную картинами комнату, где стояли рыцарские доспехи; за ней шла комната с зелёными портьерами, в углу которой они увидели арфу; потом, спустившись на три ступеньки и поднявшись на пять, они очутились в небольшом зале с дверью на балкон; за залом шла анфилада комнат, все стены которых были уставлены шкафами с книгами, очень старыми, в тяжёлых кожаных переплётках. А потом ребята заглянули в комнату, где стоял большой платяной шкаф. Вы, конечно, видели такие платяные шкафы с зеркальными дверцами. Больше в комнате ничего не было, кроме высохшей синей мухи на подоконнике.

– Пусто, – сказал Питер, и они друг за другом вышли из комнаты... все, кроме Люси.

Она решила попробовать, не откроется ли дверца шкафа, хотя была уверена, что он заперт. К её удивлению, дверца сразу же распахнулась, и оттуда выпали два шарика нафталина.

Люси заглянула внутрь. Там висело несколько длинных меховых шуб. Больше всего на свете Люси любила гладить мех. Она тут же влезла в шкаф и принялась тереться о мех лицом; дверцу она, конечно, оставила открытой – ведь она знала: нет ничего глупей, чем запереть саму себя в шкафу. Люси забралась поглубже и увидела, что за первым рядом шуб висит второй. В шкафу было темно, и, боясь удариться обо что-нибудь носом, она вытянула перед собой руки. Девочка сделала шаг, ещё один и ещё. Она ждала, что вот-вот упрётся кончиками пальцев в заднюю стенку, но пальцы по-прежнему уходили в пустоту.

«Ну и огромный шкафище! – подумала Люси, раздвигая пушистые шубы и пробираясь всё дальше и дальше. Тут под ногой у неё что-то хрустнуло. – Интересно, что это такое? Ещё один нафталиновый шарик?» Люси нагнулась и принялась шарить рукой, но вместо гладкого деревянного пола её рука коснулась чего-то мягкого, рассыпающегося и очень-очень холодного.

– Как странно, – сказала она и сделала ещё два шага вперёд.

В следующую секунду она почувствовала, что её лицо и руки упираются не в мягкие складки меха, а во что-то твёрдое, шершавое и даже колючее.

– Прямо как ветки дерева! – воскликнула Люси.

И тут она заметила впереди свет, но не там, где должна быть стенка шкафа, а далеко-далеко. Сверху падало что-то мягкое и холодное. Ещё через мгновение она увидела, что стоит посреди леса, под ногами у неё снег, а с ночного неба падают снежные хлопья.

Люси немного испугалась, но любопытство оказалось сильнее, чем страх. Она оглянулась через плечо: позади, между тёмными стволами деревьев, видна была раскрытая дверца шкафа и сквозь неё – комната, из которой она попала сюда (вы, конечно, помните, что Люси оставила дверцу открытой). Там, за шкафом, по-прежнему был день.

«Я всегда смогу вернуться, если что-нибудь пойдёт не так», – подумала Люси и двинулась вперёд. «Хруп-хруп», – хрустел снег под её ногами. Минут через десять она подошла к тому месту, откуда исходил свет. Перед ней был... фонарный столб. Люси вытаращила глаза. Почему среди леса стоит фонарь? И что ей делать дальше? И тут она услышала лёгкое поскрипывание шагов. Шаги приближались. Прошло несколько секунд, и из-за деревьев показалось и вступило в круг света от фонаря очень странное существо.

Ростом оно было чуть повыше Люси и держало над головой зонтик, белый от снега. Верхняя часть его тела была человеческой, а ноги, покрытые чёрной блестящей шерстью, козлиные, с копытцами внизу. У него имелся и хвост, но Люси сперва этого не заметила, потому что он был аккуратно перекинут через руку – ту, в которой это существо держало зонтик, – чтобы не волочился по снегу. Шею его закрывал толстый красный шарф, под цвет красноватой кожи. У существа было странное, но очень славное личико с короткой острой бородкой и кудрявые волосы, а по обе стороны лба из волос выглядывали рожки. В одной руке, как я уже сказал, оно держало зонтик, в другой – несколько свёртков в оберточной бумаге. Свёртки, снег кругом – казалось, оно идёт из магазина с рождественскими покупками. Это был фавн. При виде Люси он вздрогнул от неожиданности, так что свёртки попадали на снег, и воскликнул:

– Батюшки!

Глава вторая. Что Люси нашла по ту сторону дворца

– Здравствуйте, – сказала Люси, но фавн был очень занят – подбирал свои свёртки – и ничего ей не ответил.

Только собрав все до единого, он поклонился Люси:

– Здравствуйте, здравствуйте. Простите... Я не хочу быть чересчур любопытным... но я не ошибаюсь, вы дочь Евы?

– Меня зовут Люси, – сказала она, не совсем понимая, что фавн имеет в виду.

– Но вы... простите меня... вы... как это называется... девочка?

– Конечно, я девочка, – сказала Люси.

– Другими словами, вы настоящий человеческий человек?

– Конечно, я человек, – соглашалась Люси, по-прежнему недоумевая.

– Разумеется, разумеется, – проговорил фавн. – Как глупо с моей стороны! Но я ни разу ещё не встречал сына Адама или дочь Евы. Я в восторге. То есть... – Тут он замолк, словно чуть было не сказал нечаянно то, чего не следовало, но вовремя об этом вспомнил, а потом повторил: – В восторге, в восторге! Разрешите представиться. Меня зовут мистер Тумнус.

– Очень рада познакомиться, мистер Тумнус.

– Разрешите осведомиться, о Люси, дочь Евы, как вы попали в Нарнию?

– В Нарнию? Что это?

– Нарния – это страна, – сказал фавн, – где мы с вами сейчас находимся; все пространство между фонарным столбом и огромным замком Кэр-Параваль на Восточном море. А вы... пришли из диких Западных лесов?

– Я... я пришла через платяной шкаф из пустой комнаты...

– Ах, – сказал мистер Тумнус печально, – если бы я как следует учил географию в детстве, то, несомненно, всё знал бы об этих неведомых странах. Теперь уже поздно.

– Но это вовсе не страна, – сказала Люси, едва удерживаясь от смеха. – Это в нескольких шагах отсюда... по крайней мере... не знаю. Там сейчас лето.

– Ну а здесь, в Нарнии, зима, – сказал мистер Тумнус, – и тянется она уже целую вечность. И мы оба простудимся, если будем стоять и беседовать тут, на снегу. Дочь Евы из далёкой

страны Пустаякомната, где царит вечное лето в светлом городе Платянойшкаф, не хотите ли зайти ко мне на чашечку чаю?

– Большое спасибо, мистер Тумнус, – сказала Люси, – но мне, пожалуй, пора домой.

– Я живу в двух шагах отсюда, – не отступал фавн, – и у меня очень тепло... горит камин... и есть поджаренный хлеб... и сардины... и пирог.

– Ну хорошо, только мне нельзя задерживаться надолго.

– Если вы возьмёте меня под руку, о дочь Евы, – сказал мистер Тумнус, – я смогу держать зонтик над нами обоими. Нам сюда. Ну что же, пошли.

И Люси пустилась в путь по лесу под руку с фавном, словно была знакома с ним всю жизнь.

Вскоре почва у них под ногами стала неровная, тут и там торчали большие камни; путники то поднимались на холм, то спускались с холма. На дне небольшой лощины мистер Тумнус вдруг свернул в сторону, словно собирался пройти прямо сквозь скалу, но, подойдя к ней вплотную, Люси увидела, что они стоят у входа в пещеру. Когда они вошли, Люси даже зажмурилась – так ярко пылали дрова в камине. Мистер Тумнус нагнулся и, взяв начищенными щипцами головню, зажёл лампу.

– Ну, теперь скоро, – сказал он и в тот же миг поставил на огонь чайник.

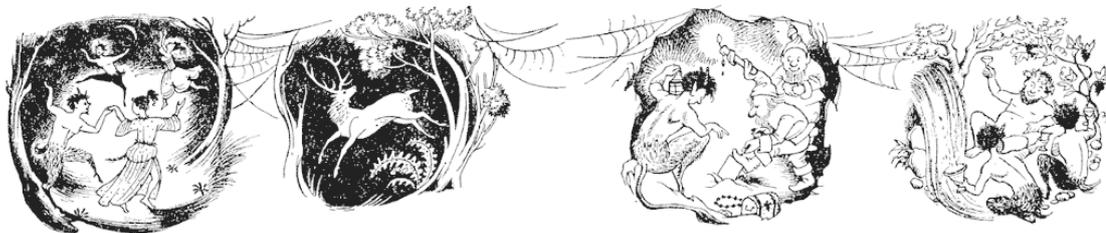
Люси не случилось ещё видеть такого уютного местечка. Они находились в маленькой, сухой, чистой пещерке со стенами из красноватого камня. На полу лежал ковер, стояли два креслица («Одно для меня, другое – для друга», – сказал мистер Тумнус), стол и кухонный буфет, над камином висел портрет старого фавна с седой бородкой. В углу была дверь («Наверно, в спальню мистера Тумнуса», – подумала Люси), рядом – полка с книгами. Пока мистер Тумнус накрывал на стол, Люси читала названия: «Жизнь и письма силена», «Нимфы и их обычаи», «Исследование распространённых легенд», «Является ли человек мифом».

– Милости просим, дочь Евы, – сказал фавн.

Чего только не было на столе! И яйца всмятку – по одному на каждого, – и поджаренный хлеб, и сардины, и масло, и облитый сахарной глазурью пирог. А когда Люси устала есть, фавн начал рассказывать о жизни в лесу. Ну и удивительные это были истории! Он рассказывал о полуночных плясках, когда наяды, живущие в колодцах, и дриады, живущие на деревьях, выходят, чтобы танцевать с фавнами; об охоте на белого, как молоко, оленя, который исполняет все твои желания, если тебе удаётся его поймать; о пиратах и поисках сокровищ вместе с гномами в пещерах и копиях глубоко под землёй; о лете, когда лес стоит зелёный и к ним приезжает в гости на своём толстом осле какой-нибудь силен, а иногда сам Вакх, и тогда в реках вместо воды течёт вино и в лесу неделя за неделей длится праздник.

– Только теперь у нас всегда зима, – печально завершил мистер Тумнус свой рассказ.

И чтобы приободриться, фавн вынул из футляра, который лежал на шкафчике, странную маленькую флейту, на вид – сделанную из соломы, и принялся играть. Люси сразу захотелось рассмеяться и заплакать, пуститься в пляс и уснуть – всё в одно и то же время.

Прошёл, видно, не один час, пока она очнулась и сказала:

– Ах, мистер Тумнус... мне так неприятно вас прерывать... и музыка ваша очень нравится... но, право же, мне пора домой. Я ведь зашла всего на несколько минут.

– Теперь поздно об этом говорить, – промолвил фавн, опуская флейту и грустно покачивая головой.

– Поздно? – переспросила Люси и вскочила с места. Ей стало страшно. – Что вы этим хотите сказать? Мне нужно немедленно идти домой. Там все, наверное, беспокоятся. – Но тут же воскликнула: – Мистер Тумнус! Что с вами?

Карие глаза фавна наполнились слезами, слёзы покатались у него по щекам, закапали с кончика носа, и, наконец, он закрыл лицо руками и заплакал в голос.

– Мистер Тумнус! Мистер Тумнус! – страшно расстроившись, воскликнула Люси. – Не надо, не плачьте! Что случилось? Вам нехорошо? Миленький мистер Тумнус, скажите, пожалуйста, скажите, что с вами?

Но фавн продолжал рыдать так, словно у него разрывалось сердце. И даже когда Люси подошла к нему, обняла и дала свой носовой платок, не успокоился – только взял и стал выти-

рать нос и глаза, выжимая его на пол обеими руками, когда становился слишком мокрым. Вскоре Люси оказалась в большой луже.

– Мистер Тумнус! – громко закричала Люси прямо в ухо фавну и потрясла его. – Пожалуйста, перестаньте. Сейчас же перестаньте. Как вам не стыдно, такой большой фавн! Ну почему, почему вы плачете?

– А-а-а! – ревел мистер Тумнус. – Это потому, что я очень плохой фавн.

– Я вовсе так не думаю, – сказала Люси. – Напротив, вы очень хороший фавн. Вы самый милый фавн из всех, кого я знаю.

– А-а, вы бы так не говорили, если бы... – всхлипнул мистер Тумнус. – Нет, я плохой фавн. Такого плохого фавна не было на всём белом свете.

– Да что вы такое натворили? – никак не могла уяснить Люси.

– Мой батюшка... это его портрет там, над камином... он бы ни за что так не поступил...

– Как – так?

– Как я, – сказал фавн. – Пошёл на службу к Белой колдунье – вот что я сделал. Я на жалованье у Белой колдуньи.

– Белой колдуньи? Кто она такая?

– Она? Она та самая, у кого вся Нарния под башмаком. Та самая, из-за которой у нас вечная зима. Вечная зима, а Рождества всё нет и нет. Только подумайте!

– Ужасно! – согласилась Люси. – Но вам-то она за что платит?

– Вот тут и есть самое плохое, – сказал мистер Тумнус с глубоким вздохом. – Я похищаю детей, вот за что. Взгляните на меня, дочь Евы. Можно ли поверить, что я способен, повстречав в лесу бедного ни в чём не повинного ребёнка, который не причинил мне никакого зла, притвориться, будто дружески к нему расположен, пригласить к себе в пещеру и усыпить своей флейтой – всё ради того, чтобы отдать несчастного в руки Белой колдуньи?

– Нет, – сказала Люси. – Я уверена, что вы не способны на такие поступки.

– Но я так поступаю, – горестно вздохнул фавн.

– Ну что ж, – отозвалась Люси, помедлив (ей не хотелось лгать и вместе с тем проявлять суровость), – что ж, это нехорошо с вашей стороны. Но вы, я вижу, сожалеете о своём поступке и, я уверена, больше никогда так не сделаете.

– О, дочь Евы, неужели вы не понимаете? Я не когда-то раньше так поступал. Я делаю это сейчас, в этот самый миг.

– Что вы хотите сказать?! – вскричала Люси и побелела как полотно.

– Вы тот самый ребёнок, – проговорил мистер Тумнус. – Белая колдунья мне приказала, если я вдруг увижу в лесу сына Адама или дочь Евы, поймать их и передать ей. А вы – первая, кого я встретил. Я притворился вашим другом, позвал к себе выпить чаю, и всё это время ждал, пока вы заснёте, чтобы сказать о находке ей.

– Ах, но вы же не скажете ей обо мне, мистер Тумнус! – воскликнула Люси. – Ведь правда не скажете? Не надо, пожалуйста, не надо!

– А если я ей не скажу, – подхватил фавн, вновь принимаясь плакать, – она непременно об этом узнает и велит отрубить мне хвост, отпилить рожки и выщипать бороду. Она взмахнёт волшебной палочкой – и мои хорошенькие раздвоенные копытца превратятся в копытища, как у лошади. А если она особенно разозлится, то обратит меня в камень, я сделаюсь статуей фавна и буду стоять в её страшном замке до тех пор, пока все четыре трона в Кэр-Паравале не окажутся заняты. А кто ведаёт, когда это случится и случится ли вообще.

– Мне очень жаль, мистер Тумнус, – сказала Люси, – но, пожалуйста, отпустите меня домой.

– Разумеется, отпущу, – пообещал фавн. – Разумеется, я должен это сделать. Теперь мне это ясно. Я не знал, что такое «люди», пока не повстречал вас. Конечно, я не могу выдать вас колдунье теперь, когда с вами познакомился. Но нам надо скорее уходить. Я провожу вас до фонарного столба. Вы ведь найдёте оттуда дорогу в свою страну?

– Конечно, найду, – сказала Люси.

– Надо идти как можно тише, – предупредил мистер Тумнус. – Лес полон её шпионов. Некоторые деревья, и те на её стороне.

Они даже не убрали со стола. Мистер Тумнус снова раскрыл зонтик, взял Люси под руку, и они вышли из пещеры наружу. Путь обратно был совсем не похож на путь в пещеру фавна: не обмениваясь ни словом, они крались под деревьями чуть не бегом. Мистер Тумнус выбирал самые тёмные местечки. Наконец они добрались до фонарного столба, и Люси вздохнула с облегчением.

– Вы знаете отсюда дорогу, о, дочь Евы? – спросил мистер Тумнус.

Люси взглядела в темноту и увидела вдаль, между стволами деревьев, светлое пятно.

– Да, я вижу открытую дверцу платяного шкафа.

– Тогда бегите скорее домой! И... вы... вы можете простить меня за то, что я собирался сделать?

– Ну конечно же, – сказала Люси, горячо, от всего сердца пожимая ему руку. – Надеюсь, у вас не будет из-за меня больших неприятностей.

– Счастливого пути, дочь Евы. Можно я оставлю ваш платок себе на память?

– Пожалуйста, – сказала Люси и со всех ног помчалась к далёкому пятну дневного света.

Вскоре она почувствовала, что руки её раздвигают не колючие ветки деревьев, а мягкие меховые шубы, что под ногами у неё не скрипучий снег, а деревянные планки, и вдруг – хлоп! – она очутилась в той самой пустой комнате, где начались её приключения. Она крепко прикрыла дверцу шкафа и оглянулась вокруг, всё ещё не в силах перевести дыхание. По-прежнему шёл дождь, в коридоре слышались голоса сестры и братьев, и Люси воскликнула:

– Это я! Я здесь. Я вернулась. Всё в порядке.

Глава третья. Эдмунд и платяной шкаф

Люси выбежала из пустой комнаты в коридор, где были все остальные, и повторила:

– Всё в порядке. Я вернулась.

– О чём ты говоришь? – спросила Сьюзен. – Ничего не понимаю.

– Как о чём? – удивилась Люси. – Разве вы не беспокоились, куда я пропала?

– Так ты пряталась, да? – сказал Питер. – Бедняжка Лу спряталась, и никто этого не заметил! В следующий раз прячься подальше, если хочешь, чтобы тебя начали искать.

– Но меня не было несколько часов, – сказала Люси.

Ребята вытаращили друг на друга глаза.

– Свихнулась! – проговорил Эдмунд, постукав себя пальцем по лбу. – Совсем свихнулась.

– Что ты хочешь сказать, Лу? – спросил Питер.

– То, что сказала, – ответила Люси. – Я влезла в шкаф сразу после завтрака, так что меня здесь не было. Ещё я пила чай в гостях и чуть было не попала в плен к колдунье.

– Не болтай глупости, Люси, – сказала Сьюзен. – Мы только что вышли из этой комнаты, а ты была там с нами вместе.

– Да она не болтает, – сказал Питер, – а просто придумала всё для интереса. Правда, Лу? А почему бы и нет?

– Нет, Питер, – возразила Люси. – Я ничего не сочинила. Это волшебный шкаф. Там внутри лес и идёт снег. И там есть фавн и колдунья, и страна называется Нарния. Пойди посмотри.

Ребята не знали, что и подумать, но Люси была в таком возбуждении, что они вернулись вместе с ней в пустую комнату. Она подбежала к шкафу, распахнула дверцу и крикнула:

– Скорей залезайте сюда и посмотрите своими глазами!

– Ну и глупышка! – рассмеялась Сьюзен, засовывая голову в шкаф и раздвигая шубы. – Обыкновенный платяной шкаф. Погляди, вот его задняя стенка.

И тут все остальные заглянули внутрь, и раздвинули шубы, и увидели – да Люси и сама ничего другого сейчас не видела – обыкновенный платяной шкаф. За шубами не было ни леса, ни снега – только задняя стенка и крючки на ней. Питер влез в шкаф, постучал по стене костяшками пальцев, чтобы убедиться, что она сплошная, и проговорил, вылезая:

– Хорошо ты нас разыграла, Люси. Выдумка что надо, ничего не скажешь. Мы чуть было не поверили тебе.

– Но я ничего не выдумала! – возразила девочка. – Честное слово. Минуту назад здесь всё было по-другому. Правда было, на самом деле.

– Хватит, Лу, – сказал Питер. – Не перегибай палку. Ты хорошо над нами подшутила, и хватит.

Люси вспыхнула, попыталась было что-то сказать, хотя толком не знала что, и разревелась.

Следующие несколько дней были печальными для Люси. Ей ничего не стоило помириться с остальными: надо было только согласиться, что она выдумала всё для смеха, – но Люси была очень правдивая девочка, а сейчас твёрдо знала, что права, поэтому никак не могла заставить себя отказаться от своих слов. А её сестра и братья считали, что это ложь, причём глупая ложь, и Люси было очень обидно. Двое старших хотя бы не трогали её, но Эдмунд иногда бывал порядочным злокой, и на этот раз показал себя во всей красе. Он дразнил Люси и приставал к ней, без конца спрашивая, не открыла ли она каких-нибудь стран в других платяных шкафах. И что обиднее – если бы не ссора, она могла бы чудесно провести эти дни. Стояла прекрасная погода, ребята весь день были на воздухе: купались, ловили рыбу, лазали по деревьям и валялись на траве, – но Люси всё было не мило. Так продолжалось до первого дождливого дня.

Когда после обеда увидели, что погода вряд ли изменится к лучшему, ребята решили играть в прятки. Водила Сьюзен, и как только все разбежались в разные стороны, Люси пошла в пустую комнату, где стоял платяной шкаф. Она не собиралась там прятаться: знала, что, если её найдут, остальные снова станут вспоминать эту злосчастную историю, – но ей очень хотелось ещё разок заглянуть в шкаф, потому что к этому времени она и сама стала думать, уж не приснилось ли ей всё это: и фавн, и Нарния.

Дом был такой большой и запутанный, в нём было столько укромных уголков, что она вполне могла глянуть одним глазком в шкаф, а потом спрятаться в другом месте. Но не успела Люси войти в комнату, как снаружи послышались шаги. Ей оставалось лишь быстренько забраться в шкаф и притворить за собой дверцу. Однако она оставила небольшую щёлочку, поскольку знала, что запереть себя в шкафу очень глупо, даже если он простой, а не волшебный.

Так вот, шаги, которые она слышала, принадлежали Эдмунду. Войдя в комнату, он успел заметить, что Люси скрылась в шкафу, и тоже решил туда залезть. Не потому, что там так уж удобно прятаться, а потому, что ему хотелось ещё раз подразнить Люси её выдуманной страной. Он распахнул дверцу. Перед ним висели меховые шубы, пахло нафталином, внутри

было тихо и тепло. Где же Люси? «Она думает, что это Сьюзен и сейчас её поймают, – сказал себе Эдмунд, – вот и притаилась у задней стенки». Он прыгнул в шкаф и захлопнул за собой дверцу, забыв, что делать так очень глупо, затем принялся шарить между шубами. Он ждал, что сразу же схватит Люси, и очень удивился, не найдя её. Он решил открыть дверцу шкафа, чтобы было светлей, но и дверцу найти тоже не смог. Это ему не понравилось, да ещё как! Он заметался в разные стороны и закричал:

– Люси, Лу! Где ты? Я знаю, что ты здесь!

Но никто не ответил, и Эдмунду показалось, что голос его звучит очень странно – как на открытом воздухе, а не в шкафу. Он заметил также, что ему почему-то стало очень холодно, и тут увидел светлое пятно.

– Уф! – с облегчением вздохнул Эдмунд. – Верно, дверца растворилась сама собой.

Он забыл про Люси и двинулся по направлению к свету, думая, что это открытая дверца шкафа, но вместо того, чтобы выйти из шкафа и оказаться в пустой комнате, он, к своему удивлению, обнаружил, что выходит из-под густых елей на поляну среди дремучего леса.

Под ногами поскрипывал сухой снег, снег лежал и на еловых лапах. Над головой у него было светло-голубое небо – так занимается ясный зимний день. Прямо перед ним между стволами деревьев, красное и огромное, вставало солнце. Было тихо-тихо, словно он единственное здесь живое существо. На деревьях не видно было ни птиц, ни белок, во все стороны, на сколько доставал глаз, уходил тёмный лес. Эдмунда стала бить дрожь.

Тут только он вспомнил, что искал Люси. Он вспомнил также, как дразнил её «выдуманной» страной, а страна оказалась настоящей. Он подумал, что сестра где-нибудь неподалеку, и крикнул:

– Люси! Люси! Я тоже здесь. Это Эдмунд.

«Злится на меня за всё, что я ей наговорил в последние дни», – подумал Эдмунд. И пусть ему не очень-то хотелось признаваться, что был не прав, находиться одному в этом холодном, безмолвном лесу было страшновато, поэтому он снова закричал:

– Лу! Послушай, Лу... Прости, что я тебе не верил. Я вижу, что ты говорила правду. Ну выходи же. Давай мириться.

По-прежнему никакого ответа.

«Девчонка остаётся девчонкой», – сказал себе Эдмунд. – Дуется на меня и не желает слушать извинения». Он ещё раз огляделся, и ему совсем тут не понравилось. Он уже почти решил возвращаться домой, как вдруг услышал далёкий перезвон бубенчиков и прислушался. Звук приближался, и скоро на поляну выбежали два северных оленя, запряжённых в сани.

Олени были величиной с шотландских пони, с белой-пребелой, белее снега, шерстью и ветвистыми позолоченными рогами, и когда на рога попадал луч солнца, они вспыхивали, словно охваченные пламенем. На упряжи из ярко-красной кожи висело множество колокольчиков. На санях, с вожжами в руках, сидел толстый гном ростом чуть больше трёх футов. На нём была шуба из шкуры белого медведя, на голове – красный колпак с золотой кисточкой, свисавшей на длинном шнурке. Огромная борода ковром укутывала гному колени. А за ним, на высоком сиденье, восседала фигура, ничем не похожая на него. Это была важная дама, выше всех женщин, которых знал Эдмунд, тоже закутанная в белый мех, на голове у неё сверкала золотая корона, в руке – длинная золотая палочка. Лицо у неё тоже было белое – не просто бледное, а белое как снег, как бумага, как сахарная глазурь на пироге, а рот – ярко-красный. Красивое лицо, но надменное, холодное и суровое.

Великолепное это было зрелище, когда сани во весь опор неслись по направлению к Эдмунду: звенели колокольчики, гном щёлкал хлыстом, по обеим сторонам взлетал сверкающий снег.

– Стой! – приказала дама.

Гном так натянул вожжи, что олени чуть не присели на задние ноги, а затем стали как вкопанные, грызя удила и тяжело дыша. В морозном воздухе пар вырывался у них из ноздрей словно клубы дыма.

– А это ещё что такое? – воскликнула дама, пристально глядя на мальчика.

– Я... я... меня зовут Эдмунд, – пробормотал он, запинаясь. Ему не понравилось, как она на него смотрит.

Дама нахмурилась и сурово спросила, сверля Эдмунда взглядом:

– Кто так обращается к королеве?

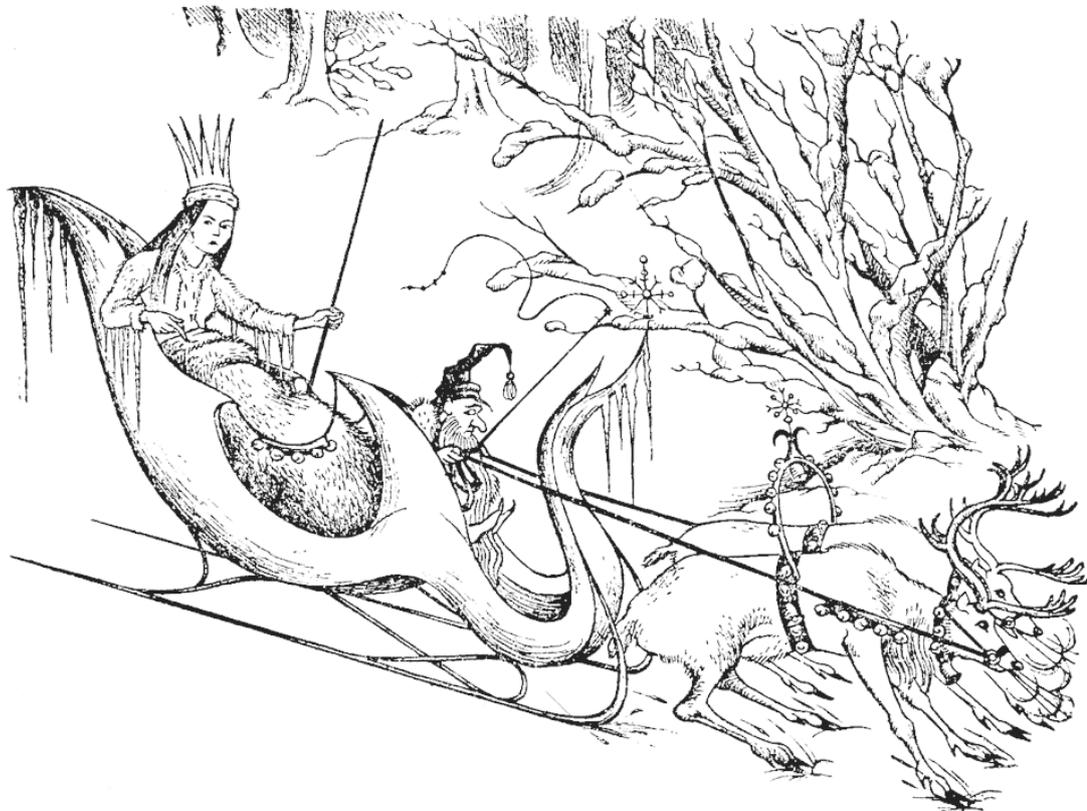
– Простите, ваше величество, – едва слышно пролепетал Эдмунд, – я не знал...

– Не знать королеву Нарнии! – возмутилась дама. – Ну ничего, скоро узнаешь! Ещё раз спрашиваю: что ты такое?

– Прошу прощения, ваше величество, но я вас не совсем понимаю. Не «что», а «кто» – школьник... учусь в школе, а сейчас у нас каникулы.

Глава четвёртая. Рахат-лукум

– Какой ты породы? – снова спросила колдунья. – Ты что, переросший карлик, который обрезал бороду?

– Нет, ваше величество. У меня ещё нет бороды.

Я мальчик.

– Мальчик! – воскликнула колдунья. – Хочешь сказать, что ты сын Адама?

Эдмунд стоял не двигаясь и молчал. К этому времени в голове у него был такой ералаш, что он не понял вопроса.

– Я вижу, что ты олух, кем бы ты ни был ещё, – промолвила королева. – Отвечай мне наконец, пока у меня не лопнуло терпение. Ты человек?

– Да, ваше величество, – пролепетал Эдмунд.

– А как ты, скажи на милость, попал в мои владения?

– Простите, ваше величество, я прошёл сквозь платяной шкаф.

– Платяной шкаф? Что ты имеешь в виду?

– Я... я отворил дверцу и... и очутился здесь, ваше величество.

– Ха! – сказала королева скорее самой себе, чем ему. – Дверцу! Дверь из мира людей! Я слышала о подобных вещах. Это может всё погубить. Но он всего один и с ним не трудно управиться.

С этими словами колдунья привстала с сиденья и взглянула Эдмунду прямо в лицо. Глаза её сверкали. Она подняла волшебную палочку. Эдмунд был уверен, что она собирается сделать с ним что-то ужасное, но не мог и шевельнуться.

И тут, когда мальчик окончательно решил, что пропал, она, видимо, передумала и проговорила совсем другим тоном:

– Бедное моё дитя! Ты, наверное, замёрз. Иди сюда, садись рядом со мной в сани. Я закутаю тебя в плащ, и мы потолкуем.

Эдмунду это решение пришлось не совсем по вкусу, но возражать он не решился, поэтому взобрался в сани и сел у её ног, а колдунья накинула на него полу плаща и, хорошенько подоткнув мех со всех сторон, спросила:

– Не хочешь ли выпить чего-нибудь горяченького?

– Да, пожалуйста, ваше величество, – едва выдавил Эдмунд, пытаясь унять стук зубов.

Откуда-то из складок плаща колдунья вынула небольшую бутылочку, сделанную из жёлтого металла, похожего на медь. Вытянув руку, она капнула из бутылочки одну каплю на снег возле саней. Эдмунд видел, как капля сверкнула в воздухе, подобно бриллианту, а в следующую секунду коснулась снега, послышалось шипение, и перед ним откуда ни возьмись возник покрытый драгоценными камнями кубок с неведомой жидкостью, от которой шёл пар. Карлик тут же схватил его и подал Эдмунду с поклоном и улыбочкой – не очень-то приятной, по правде говоря. Как только Эдмунд принялся отхлёбывать это сладкое, пенящееся, густое питьё, ему стало гораздо лучше: он никогда не пробовал ничего похожего, – сразу же согрелся с ног до головы.

– Скучно пить и не есть, – сказала королева. – Чего бы тебе хотелось больше всего, сын Адама?

– Рахат-лукума, если можно, ваше величество.

Королева вновь капнула на снег одну каплю из медного флакона – и в тот же миг капля превратилась в круглую коробку, перевязанную зелёной шёлковой лентой. Когда Эдмунд её открыл, она оказалась полна великолепного рахат-лукума. Каждый кусочек был насквозь прозрачный и очень сладкий. Эдмунду в жизни ещё не доводилось отведывать такого вкусного рахат-лукума. Он уже совсем согрелся и чувствовал себя превосходно.

Пока он лакомился, колдунья задавала ему вопрос за вопросом. Сперва Эдмунд старался не забывать, что невежливо говорить с полным ртом, но скоро думал только об одном: как бы

запахать в рот побольше рахат-лукума, – и чем больше ел, тем больше ему хотелось, и ни разу не пришло в голову задуматься, почему колдунья расспрашивает его с таким любопытством. Она заставила его рассказать, что у него есть брат и две сестры, и что одна из сестёр уже побывала в Нарнии и встретила тут фавна, и что никто, кроме его самого, его брата и сестёр, ничего о Нарнии не знает. Особенно заинтересовало её то, что их четверо, и она снова и снова к этому возвращалась:

– Ты уверен, что вас четверо? Два сына Адама и две дочери Евы – не больше и не меньше?

И Эдмунд, набив рот рахат-лукумом, снова и снова отвечал:

– Да, я уже вам говорил.

Он забывал добавлять «ваше величество», но она, судя по всему, уже не обращала на это внимания.

Когда с рахат-лукумом было покончено, Эдмунд во все глаза уставился на пустую коробку – вдруг колдунья спросит, не хочет ли он ещё. Возможно, она догадывалась, о чём он думает, поскольку знала – а он-то нет, – что это волшебный рахат-лукум и тому, кто хоть раз его попробует, хочется ещё и ещё, и если ему позволить, будет есть до тех пор, пока не лопнет. Но она больше не предложила, а вместо этого сказала:

– Сын Адама! Мне было бы очень приятно повидать твоего брата и сестёр. Не приведёшь ли ты их ко мне в гости?

– Попробую, – буркнул Эдмунд, все ещё не отводя глаз от пустой коробки.

– Если ты снова сюда придёшь, – конечно, вместе с ними, – я опять угощу тебя рахат-лукумом. Сейчас я не могу этого сделать, магия больше не подействует. Другое дело – у меня в замке.

– Почему бы нам не поехать сейчас к вам? – спросил Эдмунд.

Когда колдунья предлагала сесть к ней на колени, он испугался, как бы не увезла куда-нибудь далеко, в неизвестное место, откуда он не сумеет найти дорогу назад, но теперь позабыл всякий страх.

– Мой замок очень красив, – сказала колдунья. – Я уверена, что тебе там понравится. Там есть комнаты, с пола до потолка заваленные рахат-лукумом. И вот что ещё: у меня нет своих детей. Я хочу усыновить славного мальчика и сделать принцем. Когда я умру, он станет королём Нарнии. Принц будет носить золотую корону и целый день есть рахат-лукум, а ты – самый умный и самый красивый мальчик из всех, кто мне встречался, поэтому я не прочь сделать тебя принцем... потом, когда приведёшь ко мне остальных.

– А почему не сейчас? – спросил Эдмунд.

Лицо его покраснелось, рот и руки были липкие от рахат-лукума, и он не выглядел ни красивым, ни умным, что бы там ни говорила королева.

– Если я возьму тебя с собой, то не увижу твоих сестёр и брата. А мне бы очень хотелось познакомиться с ними. Ты будешь принцем, а позже – королём, это решено, но ведь тебе нужны придворные, которым ты мог бы доверять, люди благородной крови. Я сделаю твоего брата герцогом, а сестёр – герцогинями.

– Ну, в них-то нет ничего особенного, – проворчал Эдмунд, – и в любом случае мне ничего не стоит привести их сюда в другой день.

– Да, но, попав в мой замок, ты можешь про них забыть. Тебе там так понравится, что ты не захочешь уходить ради того, чтобы привести их. Нет, сейчас ты должен вернуться к себе в страну и прийти ко мне в другой раз вместе с ними, понимаешь? Приходить одному нет толку.

– Но я не знаю дороги домой, – заскулил Эдмунд.

– Её не трудно найти, – сказала колдунья. – Видишь фонарный столб? – Она протянула волшебную палочку, и Эдмунд увидел тот самый фонарь, под которым Люси повстречалась с фавном. – Прямо за ним лежит путь в страну людей. А теперь посмотри сюда. – Она указала в противоположную сторону. – Видишь два холма за деревьями?

– Вижу.

– Мой замок стоит как раз между этими холмами. Когда ты придёшь сюда в следующий раз, подойди к фонарю и поищи оттуда эти два холма, а потом иди по лесу, пока не дойдёшь до моего замка. Но помни: ты должен привести всех остальных. Если явишься один, я могу сильно рассердиться.

– Постараюсь.

– Да, между прочим, – добавила колдунья, – лучше не рассказывай им обо мне. Пусть это останется нашей тайной. Так будет куда интереснее, правда? Устроим им сюрприз. Просто приведи к двум холмам... Такой умный мальчик, как ты, придумает способ, как это сделать. А когда вы подойдёте к моему замку, скажи: «Давайте посмотрим, кто тут живёт», – или что-нибудь другое в этом же роде. Я уверена, что так будет лучше всего. Если твоя сестра повстречалась здесь с фавном, то, возможно, наслушалась обо мне всяких небылиц... и побоятся прийти ко мне в гости. Фавны способны наговорить что угодно. Ну а теперь...

– Простите меня, – прервал её вдруг Эдмунд, – но нельзя ли получить ещё один-единственный кусочек рахат-лукума на дорогу?

– Нет, придётся тебе подождать до следующего раза, – со смехом ответила королева и дала гному сигнал трогаться с места.

Когда сани были уже далеко, королева помахала Эдмунду рукой и прокричала:

– В следующий раз! В следующий раз! Не забудь! Скорей возвращайся!

Эдмунд все ещё стоял, уставившись на то место, где скрылись сани, когда услышал, что кто-то зовёт его по имени. Оглянувшись, он увидел, что с противоположной стороны из лесу к нему спешит Люси.

– Ах, Эдмунд! Значит, ты тоже сюда попал. Ну не удивительно ли? Теперь...

– Да-да, – прервал её брат. – Я вижу теперь, что ты была права и шкаф на самом деле волшебный. Могу извиниться перед тобой, если хочешь. Но где, скажи на милость, ты была всё это время? Я тебя повсюду искал.

– Если бы я знала, что ты тоже здесь, то подождала бы тебя. – Люси была так рада и возбуждена, что не заметила, какое красное и страшное лицо у Эдмунда, как грубо он говорит. – Я завтракала с мистером Тумнусом, фавном. У него всё в порядке, Белая колдунья ничего не сделала ему за то, что он меня отпустил. Он думает, что она ничего об этом не знает и, в конце концов, всё обойдётся благополучно.

– Белая колдунья? – повторил Эдмунд. – Кто это?

– О, совершенно ужасная особа! Она называет себя королевой Нарнии, хотя у неё нет на это никаких прав. И все фавны, и дриады, и наяды, и гномы, и животные – во всяком случае, все хорошие животные – прямо ненавидят её. Она может обратить кого хочешь в камень и делает другие страшные вещи – например так заколдовала Нарнию, что здесь всегда зима... Да, всегда зима, а Рождества всё нет и нет. Она ездит по лесу в санях, запряжённых белыми оленями, с волшебной палочкой в руках и с короной на голове.

Эдмунду и так уже было не по себе, оттого что съел слишком много сладкого, а когда узнал, что дама, с которой подружился, – страшная колдунья, стало ещё хуже, но по-прежнему больше всего на свете хотелось рахат-лукума.

– Кто рассказал тебе всю эту ерунду о Белой колдунье?

– Мистер Тумнус, фавн, – ответила Люси.

– Фавнам никогда нельзя верить, – отрезал Эдмунд с таким видом, словно был куда ближе знаком с фавнами, чем Люси.

– Откуда ты знаешь?

– Это всем известно! Спроси кого хочешь... Но что толку стоять здесь, в снегу? Пошли домой.

– Пошли, – откликнулась Люси. – Ах, Эдмунд, я так рада, что ты сюда попал. Теперь-то Питер и Сьюзен поверят, что Нарния есть на самом деле, раз мы оба побывали тут. Вот будет весело!

Эдмунд подумал про себя, что ему будет далеко не так весело, как ей. Ему придётся признаться перед всеми, что Люси была права, к тому же он не сомневался в том, что брат и сестра примут сторону фавнов и зверей, а он сам был на стороне колдуньи. Он не представлял, что скажет и как сможет сохранить свою тайну, если все трое начнут толковать о Нарнии.

Тем временем они прошли порядочное расстояние и внезапно почувствовали, что вокруг уже не колючие ветви елей, а мягкие шубы, и через минуту стояли в пустой комнате перед шкафом.

– Послушай, Эд, – сказала Люси, – ты хорошо себя чувствуешь? У тебя ужасный вид.

– У меня всё в порядке, – буркнул Эдмунд, но это было неправдой: его сильно мутило.

– Тогда давай поищем остальных. У нас есть что им порассказать! А какие удивительные нас ждут приключения, раз теперь все мы будем участвовать в них!

Глава пятая. Опять по ту сторону дворца

Остальные ребята всё ещё играли в прятки, так что Эдмунд и Люси нашли их не скоро. Когда они наконец собрались все вместе в длинной комнате, где стояли рыцарские доспехи, Люси выпалила:

– Питер! Сьюзен! Это взаправдашняя страна! Я не выдумываю, Эдмунд тоже её видел. Через платяной шкаф на самом деле можно туда попасть. Мы оба там были. Мы встретились в лесу. Ну же, Эдмунд, расскажи им всё!

– О чём речь, Эд? – спросил Питер.

Мы подошли с вами сейчас к одному из самых позорных эпизодов во всей этой истории. Эдмунда ужасно тошнило, он дулся и был сердит на Люси за то, что та оказалась права, но всё ещё не знал, как поступить. И вот, когда Питер вдруг обратился к нему с вопросом, он неожиданно решил сделать самую подлую и низкую вещь, какую только мог придумать: предать Люси.

– Расскажи нам, Эд, – попросила Сьюзен.

Эдмунд небрежно обвёл их взглядом, словно был куда старше Люси – а на самом деле разница между ними была всего один год, – усмехнулся и сказал:

– А!.. Мы с ней играли... в её страну. Будто её страна в платяном шкафу существует на самом деле. Просто для смеха, конечно. Понятно, там ничего нет.

Бедная Люси только раз взглянула на Эдмунда и выбежала из комнаты.

А тот с каждой минутой делался всё хуже и хуже. Чтобы окончательно унижить сестру, он добавил:

– Ну вот, опять за своё. Что с ней такое? Морока с этими малышками! Вечно они...

– Слушай, ты!.. – обрушился на него Питер. – Чья бы корова мычала... С тех пор как Лу начала болтать все эти глупости насчёт платяного шкафа, ты ведёшь себя по-свински, а теперь ещё принялся играть с ней в эту страну и снова её завёл. Я уверен, ты сделал это из чистой зловредности.

– Но ведь это чепуха, – опешил Эдмунд.

– Конечно, чепуха! В том-то и дело. Когда мы уезжали из дому, Лу была девочка как девочка, но с тех пор как мы приехали сюда, она то ли сходит помаленьку с ума, то ли превращается в самую отъявленную лгунью. Но ни в том ни в другом случае ей не пойдёт на пользу, если сегодня ты смеёшься и дразнишь её, а завтра поддерживаешь её выдумки.

– Я думал... я думал... – пробормотал Эдмунд, но так и не нашёлся что сказать.

– Ничего ты не думал, – отрезал Питер, – просто любишь вредничать! Ты всегда ведёшь себя по-свински с теми, кто младше тебя, – мы уже видели это в школе.

– Пожалуйста, перестаньте, – попросила Сьюзен. – Если вы переругаетесь, это ничему не поможет. Давайте пойдём поищем Люси.

Когда они наконец нашли сестру, то увидели, что всё это время она проплакала. И неудивительно. Но что бы они ни говорили ей, она не слушала и стояла на своём.

– Мне всё равно, что вы думаете, и всё равно, что говорите! Можете рассказать обо всём профессору или написать маме. Делайте что хотите. Я знаю, что встретила там фавна, и... Лучше бы я там осталась навсегда! А вы все противные, противные...

Грустный это был вечер. Люси чувствовала себя несчастной-пренесчастной, а до Эдмунда постепенно дошло, что его поступок привёл совсем не к тем результатам, которых он ожидал. Двое старших ребят начали всерьёз беспокоиться, не сошла ли Люси с ума. Они ещё долго перешёптывались об этом в коридоре, после того как младшие легли спать.

На следующее утро они наконец решили пойти и рассказать всё профессору.

– Он напишет отцу, если с Лу действительно что-то серьёзное, – сказал Питер. – Нам одним тут не справиться.

И вот старшие брат и сестра пошли и постучали в дверь кабинета. Профессор пригласил их войти, и поднялся с места, и принёс им стулья, и сказал, что полностью в их распоряжении! А потом он сидел, сцепив пальцы, и слушал их историю с начала и до конца, не прервав её ни единым словом. Да и после того как они закончили, он ещё долгое время сидел молча. Затем откашлялся и сказал то, что они меньше всего ожидали услышать:

– Почему вы решили, что ваша сестра всё это выдумала?

– О, но ведь... – Сьюзен попыталась возразить, но остановилась: по лицу старого профессора было видно, что он спрашивает совершенно серьёзно.

Сьюзен взяла себя в руки и продолжила:

– Но Эдмунд говорит, что они просто играли.

– Да, – согласился профессор, – это надо принять во внимание, бесспорно надо. Но – вы не обидитесь на мой вопрос? – на кого, по-вашему, больше можно положиться: на сестру или на брата? Кто из них правдивей?

– В том-то и дело, профессор, – ответил ему Питер, – что до сих пор я бы, не задумываясь, сказал: Люси.

– А по-твоему кто, моя дорогая? – спросил профессор у Сьюзен.

– Ну, вообще-то я согласна с Питером, но не может же быть всё это правдой: про лес... про фавна...

– Не знаю, не знаю, – сказал профессор, – но обвинять во лжи того, кто никогда вам не лгал, не шутка, отнюдь не шутка.

– Мы боимся, что дела обстоят гораздо хуже, – сказала Сьюзен. – Похоже, у Люси не всё в порядке...

– Вы полагаете, что она сошла с ума? – невозмутимо уточнил профессор. – Ну, на этот счёт вы можете быть совершенно спокойны. Достаточно взглянуть на неё и перебраться парой фраз, как становится ясно: с ней всё в полном порядке.

– Но тогда... – начала было Сюзен и опять остановилась.

Чтобы взрослый человек говорил что-то подобное! Она даже представить себе этого не могла и теперь не знала, что и подумать.

– Логика! – сказал профессор не столько им, сколько самому себе. – Почему их не учат логически мыслить в этих школах? Существует только три возможности: или ваша сестра лжёт, или сошла с ума, или говорит правду. Вы знаете, что она никогда не лжёт, и всякому видно, что она не сумасшедшая. Значит, пока у нас не появятся какие-либо новые факты, мы должны признать, что она говорит правду.

Сьюзен глядела на профессора во все глаза, однако, судя по выражению лица, тот вовсе не шутил.

– Но как это может быть правдой, сэр? – сказал Питер.

– Что тебя смущает? – спросил профессор.

– Ну, во-первых, если эта страна существует на самом деле, почему в неё не попадают все, кто подходит к платяному шкафу? Я хочу сказать: в шкафу не было ничего, кроме шуб, когда мы туда заглянули; даже Люси не спорила с тем, что там ничего нет.

– Ну и что с того? – спросил профессор.

– Да как же, сэр: если что-нибудь существует на самом деле, то оно есть всегда.

– Всегда ли? – усомнился профессор, и Питер не нашёлся что ответить.

– Ну а время? – сказала Сьюзен. – У Люси просто не было времени где-нибудь побывать, даже если такая страна существует. Она выбежала из комнаты почти следом за нами. Не пробыла там и минуты, а говорит, что прошло несколько часов.

– Вот это-то и подтверждает правдивость её рассказа, – сказал профессор. – Если в доме действительно есть дверь, ведущая в другой, неведомый нам мир (а я должен вас предупредить, что это очень странный дом и даже я не всё о нём знаю), если, повторяю, Люси попала в другой мир, нет ничего удивительного – во всяком случае, для меня, – что в том мире своё измерение времени. И каким бы долгим вам ни показалось время, которое вы там пробыли, на это может уйти всего несколько секунд *нашего* времени. С другой стороны, вряд ли девочка её лет знает о таких явлениях физики. Если бы она притворялась, просидела бы в шкафу куда дольше, прежде чем вылезти оттуда и рассказать вам свою историю.

– Но неужели вы и вправду считаете, сэр, – сказал Питер, – что существуют другие миры... тут, рядом, в двух шагах от нас?

– В этом нет ничего невероятного, – сказал профессор, снимая очки и принимаясь их протирать, подумав при этом: «Интересно, чему же всё-таки их учат теперь в школах». – У меня есть предложение. – Профессор неожиданно бросил на них весьма проницательный взгляд. – Это никому пока ещё не пришло в голову, а было бы неплохо его осуществить.

– Какое? – спросила Сьюзен.

– Заниматься своими собственными делами и не совать нос в чужие!

И на этом разговор был окончен.

Теперь жизнь Люси стала куда легче. Питер следил, чтобы Эдмунд её не дразнил, и ни у неё, ни у остальных ребят не было никакой охоты разговаривать про платяной шкаф – это стало довольно неприятной темой. Казалось, все приключения пришли к концу. Однако это было не так.

Дом профессора – о котором даже он знал так мало – был старинный и знаменитый, и со всех концов Англии туда приезжали люди и просили разрешения его посмотреть. О таких домах пишут в путеводителях и даже в учебниках истории, и на то есть основания, потому что о доме рассказывали всевозможные легенды – некоторые из них ещё более странные, чем та история, о которой я сейчас рассказываю вам. Когда приходили группы туристов и просили показать им дом, профессор всегда пускал их, и миссис Макриди, экономка, водила их по всем комнатам и рассказывала о картинах, рыцарских доспехах и редких книгах в библиотеке. Миссис Макриди вообще не очень-то жаловала ребят и не любила, чтобы её прерывали, в то время как она водит посетителей по дому. Чуть ли не в первое утро по их приезде она предупредила об этом Питера и Сьюзен: «Помните, пожалуйста, что вы не должны попадаться мне на глаза, когда я показываю дом». «Была охота тратить полдня, таскаясь по дому с кучей взрослых», – сказал тогда Эдмунд, и остальные трое мысленно с ним согласились.

Вот из-за этого-то предупреждения миссис Макриди приключения их начались снова.

Как-то раз утром, через несколько дней после разговора с профессором, Питер и Эдмунд рассматривали рыцарские доспехи, задаваясь одним и тем же вопросом: сумели бы они разобрать доспехи на части, – как в комнату ворвались Сьюзен и Люси и закричали:

– Прячьтесь, сюда идёт Макриди с целой толпой туристов!

– Скорей! – сказал Питер, и все четверо бросились к дальней стене.

Но когда, пробежав через Зелёную комнату, дети оказались в библиотеке, то услышали впереди голоса и поняли, что миссис Макриди ведёт туристов по чёрной лестнице, а не по парадной, как ожидали. А затем – то ли потому, что растерялись, то ли потому, что миссис Макриди решила их поймать, то ли потому, что начали действовать волшебные чары Нарнии, – куда бы ни кинулись, посетители, казалось, следовали за ними по пятам. Наконец Сьюзен сказала:

– А ну их, этих туристов. Давайте спрячемся в комнате с платяным шкафом, пока они не пройдут. Туда-то уж точно никто не полезет.

Но не успели ребята туда войти, как в коридоре послышались голоса... кто-то стал нащупывать ручку двери, и вот на их глазах ручка повернулась.

– Живей! – крикнул Питер. – Больше деваться некуда! – И распахнул дверцу шкафа.

Все четверо втиснулись внутрь и затаились в темноте, едва переводя дух. Питер прикрыл дверцу, но не защёлкнул: как всякий разумный человек он, понятно, помнил, что ни в коем случае не следует запирать самого себя в шкафу.

Глава шестая. В лесу

– Хоть бы Макриди поскорей увела всю эту публику, – прошептала Сьюзен. – Мне ногу свело.

– А как воняет нафталином! – сказал Эдмунд.

– Наверное, в шубах – полные карманы шариков, чтобы моль не съела, – добавила Сьюзен.

– Что это колет меня в спину? – спросил Питер.

– А холодно-то как! – воскликнула Сьюзен.

– Верно, холодно, а я и не заметил, – сказал Питер. – И мокро, чёрт подери! Что тут такое? Я сижу на чём-то мокрым. И с каждой минутой делается мокрей. – Он с трудом поднялся на ноги.

– Давайте вылезем, – предложил Эдмунд. – Они вроде ушли.

– Ой-ой! – вдруг закричала Сьюзен.

– Что с тобой? Что случилось? – перепугались остальные.

– У меня за спиной дерево, – удивилась Сьюзен. – И поглядите!.. Становится светло...

– Верно, – согласился Питер. – Посмотрите сюда... и сюда... да тут кругом деревья. А под ногами снег. Да, если я не ошибаюсь, мы попали в лес Лу.

Теперь уже в этом не оставалось сомнений – все четверо стояли в лесу, зажмурившись от яркого дневного света. Позади них на крючках висели шубы, впереди были покрытые снегом деревья.

Питер быстро повернулся к Люси.

– Прости, что я тебе не верил. Мне очень стыдно. Мир?

– Конечно, – сказала Люси, и они пожали друг другу руки.

– А что мы теперь будем делать? – спросила Сьюзен.

– Делать? – сказал Питер. – Ясно что. Пойдём в лес на разведку.

– Ох и холодно же здесь! – сказала Сьюзен, притопывая ногами. – Давайте наденем эти шубы.

– Они ведь не наши, – нерешительно протянул Питер.

– Нам никто ничего не скажет, – возразила Сьюзен. – Мы же не выносим их из дому, даже из шкафа не достаём.

– Я об этом не подумал, Сью, – согласился Питер. – Конечно, если смотреть с этой точки зрения, ты права. Кто скажет, что ты стащил пальто, если даже не вынимал его из шкафа, где оно висит? А вся эта страна, видно, помещается в платяном шкафу.

Предложение Сьюзен показалось разумным, и они тут же его осуществили. Шубы были такие большие, что, когда ребята их надели, волочились по земле и походили на королевские мантии. Согревшись и глядя друг на друга, они решили, что новые наряды им к лицу и больше подходят к окружающему ландшафту.

– Мы можем играть в исследователей Арктики, – предложила Люси.

– Здесь и без того будет интересно, – сказал Питер и двинулся первым в глубь леса.

На небе тем временем собрались тяжёлые серые тучи – похоже, скоро снова пойдёт снег.

– Послушайте, – вдруг сказал Эдмунд, – нам следует забрать левее, если мы хотим выйти к фонарю.

Он на секунду забыл, что надо притворяться, будто здесь впервые. Не успел он вымолвить эти слова, как понял, что сам себя выдал. Все остановились как вкопанные и уставились на него. Питер присвистнул.

– Значит, ты всё-таки был здесь в тот раз, когда Лу говорила, что встретила тебя в лесу... А ещё уверял, что она врёт!

Наступила мёртвая тишина.

– Да, такого мерзкого типа, такой свиньи... – начал было Питер, но, пожав плечами, замолчал.

И правда, что тут скажешь?! Через минуту все четверо вновь пустились в путь. «Ничего, – подумал Эдмунд, – я вам за всё отплачу, воображали несчастные!»

– Куда же всё-таки мы идём? – спросила Сьюзен – главным образом для того, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Я думаю, Лу должна быть у нас главной. Она это заслужила. Куда ты поведёшь нас, Лу?

– Давайте навестим мистера Тумнуса, – предложила Люси. – Это тот симпатичный фавн, о котором я вам рассказывала.

Остальные не имели ничего против, и все быстро зашагали вперёд, громко топая. Люси оказалась хорошим проводником. Сперва она боялась, что не найдёт дороги, но вот в одном месте узнала странное изогнутое дерево, в другом – пень, и так мало-помалу они добрались туда, где среди холмов, в маленькой лощинке, была пещера мистера Тумнуса.

Но там их ждал неприятный сюрприз. Дверь оказалась сорвана с петель и разломана на куски. Внутри пещеры было темно, холодно и сыро и пахло так, как пахнет в доме, где уже несколько дней никто не живёт. Повсюду лежал снег вперемешку с чем-то чёрным, что оказалось головешками и золой из камина. Видно, кто-то разбросал горящие дрова по всей пещере, а потом затоптал огонь. На полу валялись черепки посуды, портрет старого фавна был расплосован ножом.

– Да, не повезло нам, – сказал Эдмунд. – Что толку было приходить сюда.

– Это что такое? – Питер наклонился, вдруг заметив листок бумаги, прибитый прямо сквозь ковёр к полу.

– Там что-нибудь написано? – спросила Сюзен.

– Да, как будто, – ответил Питер. – Но не могу ничего разобрать, здесь слишком темно. Давайте выйдем на свет.

Они вышли из пещеры и окружили Питера. Вот что он им прочитал:

– *«Презний владелец этого жилища, фавн Тумнус, находится под арестом и ожидает суда по обвинению в государственной измене и нарушении верности её императорскому величеству Джадис, королеве Нарнии, владычице замка Кэр-Параваль, императрице Одиноких островов и прочих владений, а*

также по обвинению в том, что он давал приют шпионам, привечал врагов её величества и братался с людьми.

Подписано: Могрим, капитан Секретной полиции. Да здравствует королева!»

Ребята уставились друг на друга.

– Не думаю, чтобы мне здесь так уж понравилось, – заметила Сьюзен.

– Кто эта королева, Лу? – спросил Питер. – Ты знаешь что-нибудь о ней?

– Она вовсе не королева, – а страшная ведьма, Белая колдунья. Все лесные жители ненавидят её. Она заколдовала страну, и теперь здесь у них всегда зима, только зима без Рождества.

– Не знаю, стоит ли... стоит ли нам идти дальше, – усомнилась Сьюзен. – Здесь не так уж безопасно, и не похоже, что будет очень весело. С каждой минутой становится холодней, и мы не захватили никакой еды. Давайте лучше вернёмся.

– Но теперь мы не можем вернуться, – сказала Люси, – разве ты не понимаешь? Не можем просто так бросить его. Бедненький фавн попал в беду из-за меня, потому что спрятал от колдуньи и показал дорогу домой. Вот что значат слова: «...давал приют шпионам... и братался с людьми». Мы должны попытаться спасти его.

– Много мы тут сделаем, – проворчал Эдмунд, – когда нам даже есть нечего.

– Придержи язык, ты!.. – прикрикнул Питер, всё ещё очень сердитый на Эдмунда. – Ты что думаешь, Сью?

– Как это ни ужасно, я чувствую, что Лу права, – сказала Сьюзен. – Мне не хочется ступить ни шагу вперёд, и я отдала бы всё на свете, чтобы мы никогда сюда не попадали. Но я думаю, мы должны помочь мистеру... как там его зовут? Я хочу сказать – фавну.

– И у меня такое же чувство, – согласился Питер. – Меня беспокоит, что у нас нет с собой еды, и я бы предложил вернуться и взять что-нибудь из кладовки, да только боюсь, мы не попадём опять в эту страну, если выберемся отсюда. Так что придётся нам идти дальше.

– Мы тоже так считаем, – сказали девочки.

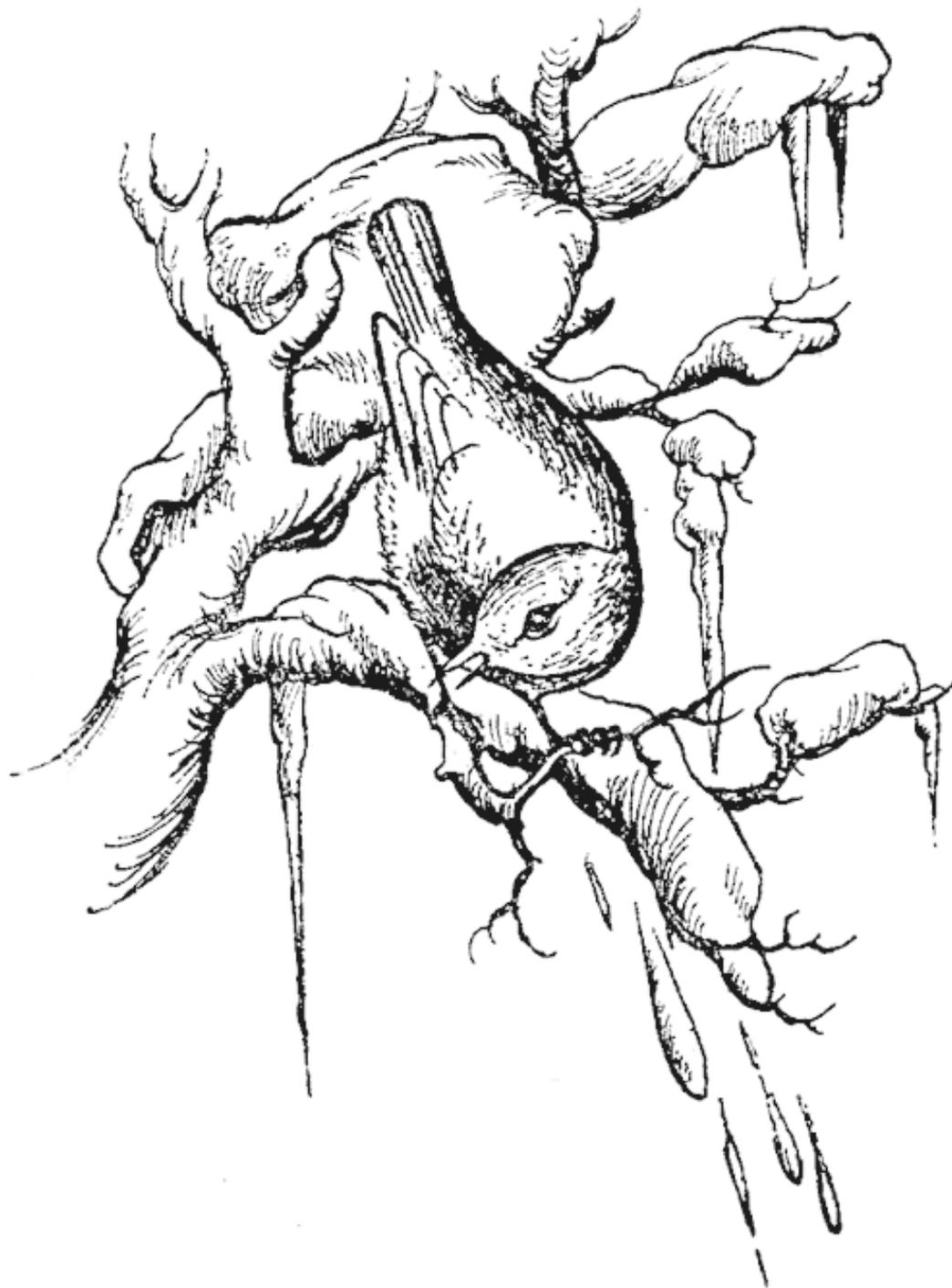
– Если бы мы только знали, куда засадили беднягу! – посетовал Питер.

Несколько минут все стояли молча, раздумывая, что делать дальше. Вдруг Люси шепнула:

– Поглядите! Видите малиновку с красной грудкой? Это первая птица, которую я здесь встречаю. Интересно, они умеют говорить? У неё такой вид, словно она хочет нам что-то сказать.

Люси повернулась к малиновке и спросила:

– Простите, вы не могли бы нам сообщить, куда забрали мистера Тумнуса, фавна?

С этими словами она сделала шаг к птичке. Малиновка тотчас отлетела, но не далеко, а лишь на соседнее дерево. Там она села на ветку и пристально на них поглядела, словно понимала всё, что они говорят. Сами того не замечая, ребята приблизились к ней на несколько шагов. Тогда малиновка перелетела на другое дерево и снова пристально посмотрела. Они никогда не видели малиновку с такой красной грудкой и с такими блестящими глазками.

– Знаете, – сказала Люси, – мне кажется, она хочет, чтобы мы шли за ней.

– И мне тоже, – согласилась с ней Сьюзен. – Как ты думаешь, Питер?

– Что ж, можно попробовать.

Похоже, малиновка всё поняла: стала перелетать с дерева на дерево в нескольких шагах впереди, однако достаточно близко, чтобы ребята могли следовать за ней. Так она вела их всё дальше и дальше. Когда малиновка садилась на очередную ветку, на землю сыпались снежинки. Вскоре тучи у них над головой расступились и показалось зимнее солнце; снег стал таким белым, что резало глаза. Так они шли около получаса – впереди девочки, за ними братья. И тут Эдмунд обернулся к Питеру:

– Если сможешь снизойти до того, чтобы выслушать, я тебе кое-что скажу.

– Говори, – откликнулся Питер.

– Ш-ш, не так громко, – прошептал Эдмунд, – незачем пугать девчонок. Ты понимаешь, что мы делаем?

– Что? – тоже шёпотом спросил Питер.

– Идём за поводырём, о котором нам ничего не известно. Откуда мы знаем, на чьей стороне эта птица? Может, она ведёт нас в западню.

– Скверное дело, если так. Но всё же малиновка... Во всех книжках, которые я читал, они добрые птицы. Я уверен, что малиновка на нашей стороне.

– Ну уж если об этом зашла речь, *которая* сторона наша? Почему ты думаешь, что фавн на той стороне, что надо, а королева – нет? Да-да, нам сказали, что королева – колдунья. Но ведь могли и соврать, мы ничего ни о ком не знаем.

– Ну, фавн спас Лу.

– Он *сказал*, что спас. Но нам это откуда известно? Ты представляешь себе, как отсюда добраться домой?

– Фу-ты! – воскликнул Питер. – Об этом я не подумал.

– А обедом даже не пахнет, – вздохнул Эдмунд.

Глава седьмая. День с бобрами

Внезапно шедшие впереди девочки вскрикнули в один голос и остановились. Мальчики перестали шептаться.

– Малиновка! – воскликнула Люси. – Малиновка улетела.

Так оно и было: птица исчезла из виду.

– Теперь что делать? – спросил Эдмунд и кинул на Питера взгляд, в котором можно было ясно прочитать: «Что я тебе говорил?»

– Ш-ш... Смотрите, – шепнула Сьюзен.

– Что там такое? – еле слышно спросил Питер.

– Там, за деревьями, что-то шевелится... вон там, слева...

Ребята во все глаза уставились на деревья, всем было не по себе.

– Снова зашевелилось, – сказала через минуту Сьюзен.

– Теперь и я видел, – подтвердил Питер. – Оно и сейчас там. Оно зашло вон за то большое дерево.

– Что это? – спросила Люси, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

– Что бы это ни было, – прошептал Питер, – оно от нас прячется: оно не хочет, чтобы мы его заметили.

– Давайте вернёмся домой, – предложила Сьюзен.

И тут, хотя никто не высказал этого вслух, девочки вдруг осознали то, о чём Эдмунд прошептал Питеру в конце предыдущей главы. Они заблудились.

– На что оно похоже? – спросила Люси.

– Это... это какой-то зверь, – сказала Сьюзен. – Смотрите! Смотрите! Скорее! Вот оно.

И тут все увидели покрытую густым коротким мехом усатую мордочку, выглядывавшую из-за дерева. На этот раз она спряталась не сразу. Напротив, зверёк приложил лапу ко рту,

в точности как человек, когда хочет сказать: «Тише». Затем снова скрылся. Ребята затаили дыхание.

Через минуту незнакомец вышел из-за дерева, огляделся вокруг, как будто боялся, что за ним могут следить, шепнул: «Ш-ш...» – и поманил их в чащобу, где стоял, затем опять исчез.

– Я знаю, кто это, – прошептал Питер. – Я видел его хвост. Это бобёр.

– Он хочет, чтобы мы к нему подошли, – сказала Сьюзен, – но предупреждает, чтобы не шумели.

– Да, верно, – согласился Питер. – Вопрос в том, идти нам или нет. Ты как думаешь, Лу?

– Мне кажется, это симпатичный бобёр.

– Возможно, да, а возможно, нет. Мы этого не знаем, – усомнился Эдмунд.

– Давайте всё-таки рискнем, – сказала Сьюзен. – Что толку стоять здесь... и очень есть хочется.

В этот момент бобёр снова выглянул из-за дерева и настойчиво поманил их к себе.

– Пошли, – сказал Питер. – Посмотрим, что из этого выйдет. Не отходите друг от друга. Неужели мы не справимся с одним бобром, если окажется, что это враг.

И вот ребята двинулись тесной кучкой к дереву и зашли за него, и там, как они и предполагали, ждал бобёр; увидев их, он тут же пошёл в глубь чащи, сказав хриплым, гортанным голосом:

– Дальше, дальше. Вот сюда. Нам опасно оставаться на открытом месте.

И только когда завёл ребят в самую чащобу, туда, где четыре сосны росли так близко, что ветви их переплелись, а у подножия земля была усыпана хвоей, так как туда не мог проникнуть даже снег, бобёр наконец заговорил:

– Вы сыновья Адама и дочери Евы?

– Да, все четверо, – сказал Питер.

– Ш-ш-ш, – прошептал бобёр, – не так громко, пожалуйста. Даже здесь нам грозит опасность.

– Опасность? Чего вы боитесь? – спросил Питер. – Здесь нет никого, кроме нас.

– Здесь есть деревья, – сказал бобёр, – которые всегда всё слышат. Большинство из них на нашей стороне, но есть и такие, что способны выдать нас *ей*, – вы знаете, кого я имею в виду. – И он несколько раз покачал головой.

– Если уж разговор зашёл о том, кто на какой стороне, – сказал Эдмунд, – откуда мы знаем, что вы друг?

– Не сочтите это за грубость, мистер Бобёр, – добавил Питер, – но вы сами понимаете: мы здесь люди новые.

– Вполне справедливо, вполне справедливо, – сказал бобёр. – Вот мой опознавательный знак.

С этими словами он протянул им небольшой белый лоскут. Ребята взглянули на него с изумлением, но тут Люси воскликнула:

– Ах, ну конечно же! Это мой носовой платок. Тот, который я оставила беденькому мистеру Тумнусу.

– Совершенно верно, – подтвердил бобёр. – Бедняга! До него дошли слухи, что ему грозит арест, он передал этот платок мне и сказал, что, если с ним случится беда, я должен встретить вас... и отвести... – Здесь бобёр замолк и только несколько раз кивнул с самым таинственным видом. Затем, поманив ребят ещё ближе, так что его усы буквально касались их лиц, добавил еле слышным шёпотом: – Говорят, Аслан на пути к нам – возможно, уже высадился на берег.

И тут случилось нечто странное. Ребята столько же знали об Аслане, сколько вы, но как только бобёр произнес эту фразу, каждого из них охватило особенное чувство. Быть может, с вами было такое во сне: кто-то произносит слова, которые вам непонятны, но вы чувствуете, что в словах заключён огромный смысл. Иной раз они кажутся страшными, и сон превращается в кошмар, иной – невыразимо прекрасными, настолько прекрасными, что вы помните этот сон всю жизнь и мечтаете вновь когда-нибудь увидеть его. Вот так произошло и сейчас. При упоминании Аслана каждый из ребят почувствовал, как у него что-то дрогнуло внутри. Эдмунда охватил необъяснимый страх. Питер ощутил в себе необычайную смелость и готовность встретить любую опасность. Сьюзен почувствовала, что в воздухе разлилось благоухание и раздалась чудесная музыка. А у Люси возникло такое чувство, какое бывает, когда просыпаешься утром и вспоминаешь, что сегодня – первый день каникул.

– Но что с мистером Тумнусом? – спросила Люси. – Где он?

– Ш-ш-ш, – сказал бобёр. – Погодите. Я должен отвести вас туда, где мы можем спокойно поговорить и... пообедать.

Теперь уже все, исключая Эдмунда, испытывали к бобру полное доверие, и все, включая Эдмунда, были рады услышать слово «пообедать». Поэтому ребята поспешили за новым другом, который вёл их по самым густым зарослям, да так быстро, что они едва поспевали за ним. Они шли около часа, очень устали и проголодались, но вдруг деревья перед ними стали

расступаться, а дорога пошла круто вниз. Через минуту они оказались под открытым небом – солнце всё ещё светило, – и перед ними раскинулось великолепное зрелище.

Они стояли на краю узкой, круто уходящей вниз лощины, по дну которой протекала – вернее, *протекала бы*, если бы её не сковал лёд, – довольно широкая река, а прямо под ногами реку перерезала плотина. Взглянув на неё, ребята сразу вспомнили, что бобры всегда строят плотины, и подумали, что эта плотина наверняка построена мистером Бобром. Они заметили также, что на его физиономии появилось подчёркнуто скромное выражение: такое бывает на лицах людей, когда читают вам написанную ими книгу. Простая вежливость требовала, чтобы Сьюзен произнесла: «Какая прекрасная плотина!» На этот раз мистер Бобёр сказал не: «Ш-ш-ш», – а: «Ну что вы, что вы, это такой пустяк! К тому же работа ещё не закончена».

Выше плотины была глубокая заводь – вернее, была когда-то: сейчас, естественно, они видели ровную поверхность тёмно-зелёного льда. Ниже плотины, далеко внизу, тоже был лёд, но не ровный, а самых причудливых очертаний – пенный каскад, схваченный морозом в одно мгновение. Там, где раньше вода переливалась струйками через плотину или просачивалась сквозь неё, сейчас сверкала стена сосуллек, словно цветы, венки и гирлянды из белоснежного сахара. Прямо посреди плотины стояла смешная хатка, похожая на шалаш, из отверстия в крыше которой вился дымок и наводил на мысль об обеде – особенно если вы голодны, – и вам ещё сильнее хотелось есть.

Вот что увидели ребята. А Эдмунд углядел ещё кое-что. Немного дальше, вниз по реке, в неё впадал приток, что мог бы течь по другой небольшой лощине. Взглянув туда, Эдмунд приметил два холма и понял, что это те самые, про которые ему говорила Белая колдунья, когда прощалась с ним у фонарного столба. «Значит, между этими холмами, всего в полумиле отсюда, стоит её замок». Он вспомнил о рахат-лукуме и о том, что станет королём. «Интересно, как это понравится Питеру?» И тут в голову ему пришли ужасные мысли.

– Ну вот и добрались, – сказал бобёр. – Похоже, что миссис Бобреха уже поджидает нас. Идите за мной. Будьте осторожны, не поскользнитесь.

Верх плотины был достаточно широк, чтобы по нему идти, но удовольствия это не доставляло, поскольку дорога шла по льду, и хотя замёрзшая заводь с одной стороны была на одном уровне с плотиной, с другой её очерчивал крутой обрыв. Так вот они и шли гуськом за бобром, пока не добрались до середины плотины, откуда можно было посмотреть далеко-далеко вверх и далеко-далеко вниз по реке. И когда добрались до середины, они оказались у дверей бобриной хатки.

– Вот мы и дома, миссис Бобреха, – сказал мистер Бобёр. – Я нашёл их. Вот они – сыновья и дочери Адама и Евы.

Когда ребята вошли в дверь, первое, что услышала Люси, было негромкое стрекотание, а первое, что увидела, – добродушную бобреху, которая сидела, прикусив зубами нитку, и что-то строчила на швейной машине. От этой-то машины и шёл стрёкот. Как только все оказались в комнате, бобреха перестала шить, поднялась с места и воскликнула, протягивая им морщинистые старые лапы:

– Наконец-то вы появились! Подумать только: я дожидая до этого дня! Картошка кипит, чайник уже запел свою песню, и... мистер Бобёр, будьте так добры, достаньте-ка нам рыбки.

– С удовольствием! – отозвался бобёр и, взяв ведро, вышел из хатки.

Питер пошёл следом. Они направились по ледяному покрову заводи к небольшой полынье, которую бобёр каждый день заново разбивал топориком. Усевшись у края полыньи – холод был ему, видно, нипочём, – он уставился на воду. Внезапно он опустил лапу, и Питер ахнуть не успел, как тот вытащил превосходную форель. Затем ещё и ещё, пока у них не набралось полное ведро рыбы.

Тем временем девочки помогли миссис Бобрехе: заварили чай, накрыли на стол, нарезали хлеб, поставили тарелки в духовку, чтобы согрелись, нацедили огромную кружку пива для мистера Бобра из бочки, стоявшей у стены, поставили на огонь сковороду и растопили

сало. Люси подумала, что у бобров очень уютный домик, хотя совсем не похож на пещерку мистера Тумнуса. В комнате не было ни книг, ни картин. Вместо кроватей – встроенные в стену койки, как на корабле. С потолка свисали окорока и вязки лука, вдоль стен выстроились резиновые сапоги, висели на крючках клеёнчатые плащи, лежали топоры, лопаты, мастерок, стояли удочки и корыто для приготовления цемента, валялись сети и мешки. И скатерть на столе, хотя и безукоризненно чистая, была из грубого полотна.

В тот самый момент, как сало на сковороде начало весело скворчать, в комнату вошли Питер и мистер Бобёр с уже выпотрошенной и почищенной рыбой. Можете представить, как вкусно пахла, жарясь, только что выловленная форель и как текли слюнки у голодных ребят, которые от всех этих приготовлений почувствовали себя ещё голоднее. Но вот наконец мистер Бобёр сказал:

– Сейчас будет готово.

Сьюзен слила картошку и поставила кастрюлю на край плиты, чтобы подсушить, а Люси помогла миссис Бобрехе подать рыбу на стол. Через минуту все придвинули табуретки к столу – в комнате, кроме личной качалки миссис Бобрехи, были только трёхногие табуретки – и приготовились наслаждаться едой. Посредине стола стоял кувшин с густым молоком для ребят – мистер Бобёр остался верен пиву – и лежал огромный кусок жёлтого сливочного масла – бери его к картофелю сколько угодно. А что на свете может быть вкуснее, думали ребята – и я вполне с ними согласен, – речной рыбы, если всего полчаса назад она была выловлена и только минуту назад сошла со сковороды. Когда они покончили с рыбой, миссис Бобреха – вот сюрприз так сюрприз! – вынула из духовки огромный, пышущий жаром рулет с повидлом и тут же подвинула к огню чайник, так что, когда они покончили с рулетом, можно

было разливать чай. Получив свою чашку, каждый отодвинул от стола табурет, чтобы прислониться спиной к стене и испустить глубокий вздох удовлетворения.

– А теперь, – сказал мистер Бобёр, поставив на стол пустую кружку из-под пива и придвигая к себе чашку с чаем, – если вы подождёте, пока я зажгу трубку и дам ей как следует разгореться... Что ж, теперь можно приступить к делам. Опять пошёл снег... Тем лучше: не будет неожиданных гостей, а если кто-нибудь и хотел нас поймать, то теперь наших следов не найдёт.

Глава восьмая. Что было после обеда

– Теперь, – повторила за ним Люси, – пожалуйста, будьте так добры, расскажите нам, что случилось с мистером Тумнусом.

– Ах, – вздохнул мистер Бобёр и покачал головой. – Очень печальная история. Его забрала полиция, тут нет никаких сомнений. Мне сообщила об этом птица, при которой это произошло.

– Забрали? Куда? – спросила Люси.

– Они направлялись на север, когда их видели в последний раз, а мы все знаем, что это значит.

– Вы знаете, но мы-то нет, – возразила Сьюзен.

Мистер Бобёр снова мрачно покачал головой:

– Боюсь, это значит, что его увели в её замок.

– А что с ним там сделают? – взволнованно спросила Люси.

– Ну, нельзя сказать наверняка... Но из тех, кого туда увели, мало кого видели снова. Статуи. Говорят, там полно статуй – во дворе, на парадной лестнице, в зале. Живые существа, которых она обратила, – здесь бобёр аж вздрогнул, – в камень.

– Ах, мистер Бобёр! – воскликнула Люси. – Не можем ли мы... я хочу сказать, мы обязательно должны спасти мистера Тумнуса. Это же ужасно... И всё из-за меня.

– Не сомневаюсь, что ты спасла бы его, милочка, если бы могла, – сказала миссис Бобриха, – но попасть в замок вопреки её воле и выйти оттуда целым и невредимым... на это нечего и надеяться.

– А если придумать какую-нибудь хитрость? – предложил Питер. – Я хочу сказать, переодеться в кого-нибудь, притвориться, что мы... например, бродячие торговцы или ещё кто-нибудь... или спрятаться и подождать, пока она куда-нибудь уйдёт... или... ну должен же быть какой-то выход! Этот фавн спас нашу сестру с риском для собственной жизни, мистер Бобёр. Мы просто не можем покинуть его, чтобы он... чтобы она сделала это с ним.

– Бесплезно, сын Адама, даже и пытаться не стоит, особенно вам четверым. Но теперь, когда Аслан уже в пути...

– О да! Расскажите нам об Аслане! – раздалось сразу несколько голосов, и снова ребят охватило то же странное чувство – словно в воздухе запахло весной, словно их ждала нечаянная радость.

– Кто такой Аслан? – спросила Сьюзен.

– Аслан? – повторил мистер Бобёр. – Разве вы не знаете? Властитель леса. Но он не часто бывает в Нарнии: не появлялся ни при мне, ни при моём отце. К нам пришла весточка, что он вернулся и сейчас здесь. Только лев сумеет разделаться с Белой колдуньей и спасти мистера Тумнуса.

– А его она не обратит в камень? – спросил Эдмунд.

– Наивный вопрос! – воскликнул мистер Бобёр и громко расхохотался. – Его обратить в камень! Хорошо, если она не свалится от страха и сможет выдержать его взгляд. Большого от неё и ждать нельзя. Я, во всяком случае, не жду. Аслан здесь наведёт порядок. В старинном предсказании говорится:

*Справедливость возродится –
стоит Аслану явиться.
Он издаст рычание –
победит отчаяние.
Он оскалит зубы –
зима пойдёт на убыль.
Гривой он тряхнёт –
нам весну вернёт.*

Вы сами всё поймёте, когда его увидите.

– А мы увидим его? – спросила Сьюзен.

– А для чего же я вас всех сюда привёл? Мне велено отвести вас туда, где вы должны с ним встретиться, – сказал мистер Бобёр.

– А он... он человек? – спросила Люси.

– Аслан человек?! – сердито вскричал мистер Бобёр. – Конечно, нет. Я же говорю вам: он Лесной царь. Разве вы не знаете, кто царь зверей? Аслан – Великий лев, именно так, с большой буквы.

– О-о-о, – протянула Сьюзен. – Я думала, он человек. А он... не опасен? Мне... мне страшно встречаться со львом.

– Конечно, страшно, милочка, как же иначе, – сказала миссис Бобриха. – Тот, у кого при виде Аслана не дрожат поджилки, или храбрее всех на свете, или просто глуп.

– Значит, он опасен? – спросила Люси.

– Опасен? – повторил мистер Бобёр. – Разве ты не слышала, что сказала миссис Бобриха? Кто говорит о безопасности? Конечно же, он опасен, но в то же время добр, хоть и царь зверей, я же тебе сказал.

– Я очень, очень хочу его увидеть! – воскликнул Питер. – Даже если у меня при этом душа уйдёт в пятки.

– Правильно, сын Адама и Евы! – Бобёр так хлопнул лапой по столу, что зазвенели все блюдца и чашки. – И ты его увидишь. Мне прислали весточку, что вам четверым *назначено* встретить его завтра у Каменного Стола.

– Где это? – спросила Люси.

– Я вам покажу, – сказал мистер Бобёр. – Вниз по реке, довольно далеко отсюда. Я вас туда отведу.

– А что же будет с бедненьким мистером Тумнусом? – спросила Люси.

– Самый верный способ ему помочь – встретиться поскорее с Асланом, – сказал мистер Бобёр. – Как только он будет с нами, мы начнём действовать. Но и без вас тоже не обойтись. Потому что существует ещё одно предсказание:

*Когда начнёт людское племя
В Кэр-Паравале править всеми,
Счастливое наступит время.*

Так что теперь, когда вы здесь и Аслан здесь, дело, видно, подходит к концу. Рассказывают, что Аслан и раньше бывал в наших краях... давным-давно, в незапамятные времена. Но дети Адама и Евы никогда ещё не бывали здесь.

– Вот этого я и не понимаю, мистер Бобёр, – сказал Питер. – Разве сама великая колдунья не человек?

– Она хотела бы, чтобы мы в это верили, и именно поэтому претендует на королевский престол. Но она не дочь Адама и Евы и произошла от вашего праотца Адама и его первой жены Лилит, которая была джиншей. Вот какие у неё предки с одной стороны, а с другой – это великаны. Нет, в колдунье мало настоящей человеческой крови.

– Потому-то она такая злая, – добавила миссис Бобриха, – от кончиков волос до кончиков ногтей.

– Истинная правда, – подтвердил мистер Бобёр. – Насчёт людей может быть два мнения – не в обиду будь сказано всем присутствующим, – но насчёт тех, кто по виду человек, а на самом деле нет, двух мнений быть не может...

– Я знавала хороших гномов, – сказала миссис Бобриха.

– Я тоже, если уж о том зашла речь, – отозвался её муж, – но только немногих, и как раз из тех, кто был меньше всего похож на людей. А вообще послушайте моего совета: если вы встретите кого-нибудь, кто собирается стать человеком, но ещё им не стал, или был человеком раньше, но перестал им быть, или должен был бы быть человеком, но не человек, – не спускайте с него глаз и держите под рукой боевой топорик. Вот потому-то, что колдунья получеловек, она всё время настороже: как бы в Нарнии не появились настоящие люди. Она поджидала вас все эти годы. А если бы ей стало известно, что вас четверо, вы оказались бы в ещё большей опасности.

– А при чём тут – сколько нас? – спросил Питер.

– Об этом говорится в третьем предсказании, – сказал мистер Бобёр. – Там, в Кэр-Паравале – это замок на берегу моря, у самого устья реки, который был бы столицей Нарнии, если бы всё шло так, как надо, – стоят четыре трона, а у нас с незапамятных времён существует поверье, что, когда на эти троны сядут две дочери и два сына Адама и Евы, наступит конец не только царствованию Белой колдуньи, но и самой её жизни. Потому-то нам пришлось с такой оглядкой пробираться сюда: если бы она узнала, что вас четверо, я бы не отдал за вашу жизнь и волоска из моих усов.

Ребята были так поглощены рассказом мистера Бобра, что не замечали ничего вокруг. Когда он закончил, все погрузились в молчание, которое прервала Люси, вдруг воскликнув:

– Послушайте... где Эдмунд?

Они с ужасом поглядели друг на друга, и тут же посыпались вопросы:

– Кто видел его последним?

– Когда он исчез?

– Он, наверное, вышел?

Ребята кинулись к дверям и выглянули наружу. Все это время не переставая валил густой снег, и ледяная запруда покрылась толстым белым одеялом. С того места посредине плотины, где стояла хатка бобров, не было видно ни правого, ни левого берега. Все трое выскочили за

дверь, ноги их по щиколотку погрузились в мягкий, нетронутый снег. Ребята бегали вокруг хатки, выкрикивали имя брата, пока не охрипли. Бесшумно падавший снег приглушал их голоса, и даже эхо не звучало в ответ.

– Как всё это ужасно! – сказала Сьюзен, когда наконец, отчаявшись найти брата, они вернулись в дом. – Ах, лучше бы мы никогда не попадали в эту страну!

– Не представляю, что нам теперь делать, мистер Бобёр, – сказал Питер.

– Делать? – отозвался тот, успев к этому времени надеть валенки. – Делать? Немедленно уходить отсюда. У нас нет ни секунды времени!

– Может быть, лучше разделиться на группы, – сказал Питер, – и пойти в разные стороны?

Кто первым его найдёт, сразу вернётся сюда и...

– На группы, сын Адама и Евы? – удивился мистер Бобёр. – Зачем?

– Чтобы искать Эдмунда, зачем же ещё?

– Нет смысла его искать!

– Как это нет смысла?! – воскликнула Сьюзен. – Он ведь где-то недалеко, и мы должны его найти. Почему вы говорите, что нет смысла его искать?

– По той простой причине, – сказал мистер Бобёр, – что мы уже знаем, куда он ушёл!

Все с удивлением взглянули на него.

– Неужели вы не понимаете? Он ушёл к ней, к Белой колдунье. Он предал нас.

– О, что вы!.. Что вы... Он не мог этого сделать! – воскликнула Сьюзен.

– Вы так думаете? – с сомнением произнёс мистер Бобёр и пристально поглядел на ребят.

Слова замерли у них на губах, потому что в глубине души каждый из них вдруг почувствовал, что так именно Эдмунд и поступил.

– Но как он найдёт дорогу к ней? – сказал Питер.

– А он был уже в Нарнии? – спросил мистер Бобёр. – И один?

– Да, – чуть слышно ответила Люси. – Кажется, да.

– А вам он рассказывал, что тут делал?

– Н-нет...

– Тогда попомните мои слова: он уже встречался с Белой колдуньей, встал на её сторону, и она показала, где её замок. Я не хотел упоминать об этом раньше, ведь он вам брат и всё такое, но как только увидел его, сказал себе: «На него нельзя положиться». Сразу было видно, что он встречался с колдуньей, отведал её угощение. Если долго поживёшь в Нарнии, это нетрудно определить по глазам...

– Всё верно, – с трудом проговорил Питер. – Всё равно мы должны пойти искать его. В конце концов, он наш брат, совсем ещё ребёнок, хотя и порядочная свинья.

– Пойти в замок к Белой колдунье? – удивилась миссис Бобреха. – Неужели ты не видишь, что ваш единственный шанс спасти его и спастись самим – держаться от неё подальше?

– Я не понимаю, – проговорила Люси.

– Ну как же? Ведь она ни на минуту не забывает о четырёх тронах в Кэр-Паравале. Стоит вам оказаться у неё в замке – и ваша песенка спета. Не успеете вы и глазом моргнуть, как в её коллекции появятся четыре новые статуи. Но она не тронет вашего брата, пока в её власти только он один, – попробует использовать его как приманку, чтобы поймать остальных.

– О, неужели нам никто не поможет? – расплакалась Люси.

– Только Аслан, – сказал мистер Бобёр. – Мы должны повидаться с ним. Вся наша надежда на него.

– Мне кажется, мои хорошие, – добавила миссис Бобреха, – очень важно выяснить, когда именно ваш братец выскользнул из дому. От того, сколько он здесь услышал, зависит, что он ей расскажет. Например, был ли он здесь, когда мы заговорили об Аслане? Если нет – всё ещё может обойтись благополучно, она не узнает, что Аслан вернулся в Нарнию и мы собираемся с ним встретиться. Если да – она ещё больше будет настороже.

– Мне кажется, его не было здесь, когда мы говорили об Аслане... – начал Питер, но Люси горестно прервала его:

– Нет, был, был... Разве ты не помнишь, он ещё спросил, не может ли колдунья и Аслана обратить в камень.

– Верно, клянусь честью, – промолвил Питер, – и это так похоже на него.

– Худо дело, – вздохнул мистер Бобёр. – И ещё один вопрос: был ли он здесь, когда я сказал, что встреча с Асланом назначена у Каменного Стола?

На это никто из них не мог дать ответа.

– Если был, – продолжил мистер Бобёр, – она просто отправится туда на санях, чтобы перехватить нас по дороге, и мы окажемся отрезанными от Аслана.

– Нет, сперва она сделает другое, – возразила миссис Бобриха. – Я знаю её повадки. В ту самую минуту, когда Эдмунд ей о нас расскажет, она кинется сюда, чтобы поймать нас на месте, и если он ушёл больше получаса назад, минут через двадцать будет здесь.

– Ты совершенно права, миссис Бобриха, – сказал её муж, – нам нужно отсюда выбираться, не теряя ни секунды.

Глава девятая. В доме колдуньи

Вы, конечно, хотите знать, что же случилось с Эдмундом. Он пообедал вместе со всеми, но обед не пришёлся ему по вкусу, как всем остальным ребятам, ведь он всё время думал о рахат-лукуме.

А что ещё может испортить вкус хорошей простой пищи, как не воспоминание о волшебном лакомстве? Он слышал рассказ мистера Бобра, и рассказ этот тоже не пришёлся ему по вкусу. Эдмунду всё время казалось, что на него нарочно не обращают внимания и неприветливо с ним разговаривают, хотя на самом деле ничего подобного не было.

Так вот, он сидел и слушал, но когда мистер Бобёр рассказал им об Аслане и о том, что они должны с ним встретиться у Каменного Стола, Эдмунд начал незаметно пробираться к двери, потому что при слове «Аслан» его, как и всех ребят, охватило непонятное чувство, но если другие почувствовали радость, Эдмунд почувствовал страх.

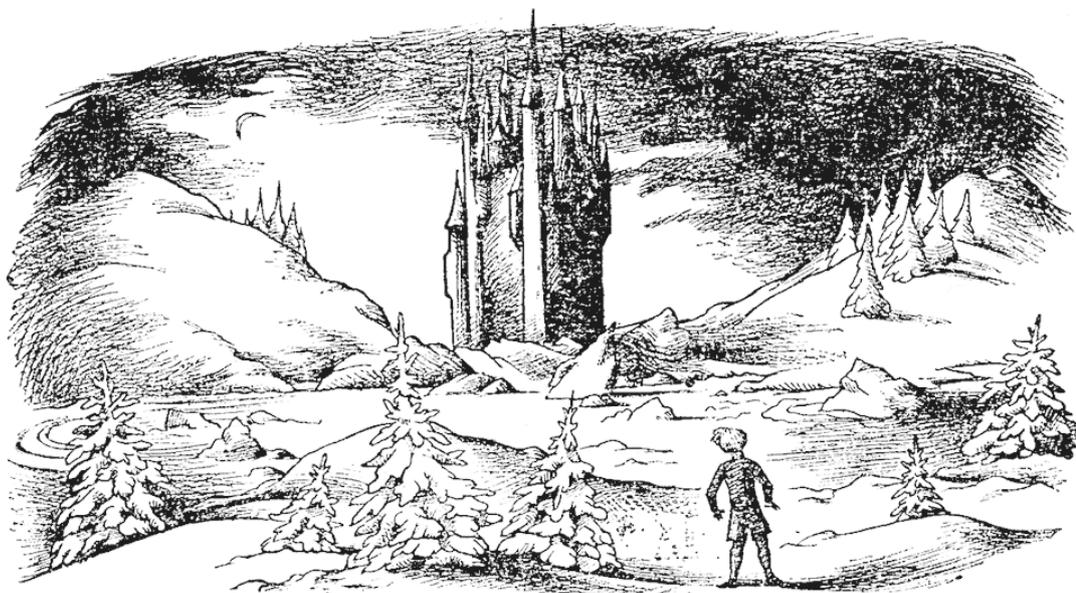
В ту самую минуту, когда мистер Бобёр произнёс: «Когда начнёт людское племя...» – Эдмунд тихонько повернул дверную ручку, а ещё через минуту – мистер Бобёр только начал рассказывать о том, что колдунья не человек, а наполовину джинша, наполовину великанша, – вышел из дома и осторожно прикрыл за собой дверь.

Вы не должны думать, будто Эдмунд был таким уж дурным мальчиком и желал, чтобы его брат и сёстры обратились в камень. Просто ему очень хотелось волшебного рахат-лукума, хотелось стать принцем, а потом королём, и отплатить Питеру за то, что тот обозвал его свиньёй. И вовсе не обязательно, чтобы колдунья была уж так любезна с Питером и девочками и поставила их на одну доску с ним, Эдмундом. Но он уговорил себя – вернее, заставил себя поверить, – что колдунья не сделает им ничего дурного. «Потому что, – сказал он себе, – все те, кто болтает о ней всякие гадости, – её враги, и, возможно, половина этой болтовни – враньё. Ко мне она отнеслась что надо, уж получше, чем все они. Я думаю, она законная королева. Во всяком случае, лучше она, чем этот ужасный Аслан». Так Эдмунд оправдывался перед самим собой. Но это было не очень честное оправдание, потому что в глубине души он знал, что Белая колдунья злая и жестокая.

Когда вышел за дверь, Эдмунд увидел, что идёт снег, и только тут вспомнил о шубе, которая осталась в доме. Понятно, нечего было и думать вернуться и забрать её. А ещё он увидел,

что наступили сумерки: ведь они сели обедать около трёх часов дня, а зимние дни коротки. Он совсем не подумал об этом раньше, но что теперь можно было поделывать? Эдмунд поднял воротник куртки и пошёл по плотине к дальнему берегу реки. К счастью, из-за выпавшего снега идти было не так скользко.

Когда он наконец добрался до берега, ему не стало легче. Напротив, с каждой минутой сумерки сгущались, глаза залепляли хлопья снега, и Эдмунд не мог ничего разглядеть на три шага вперёд. И дороги он тоже никакой не нашёл. Он увязал в высоких сугробах, скользил на замёрзших лужах, падал, зацепившись за поваленные стволы, проваливался в глубокие канавы, обдирал ноги о камни; он промок, озяб и был весь в синяках. А какая страшная стояла кругом тишина и как одиноко ему было! По правде говоря, я думаю, он вообще отказался бы от своего плана, вернулся обратно, признался во всём и помирился бы с сёстрами и братом, если бы вдруг ему не пришло в голову: «Когда я стану королём Нарнии, то первым делом велю построить приличные дороги». И, само собой, тут он размечтался, как будет королём и что ещё тогда сделает, и мечты сильно его прибодрили. А к тому моменту, когда он окончательно решил, какой у него будет дворец, и сколько автомашин, и какой кинотеатр – только для него одного, – и где он проведёт железные дороги, и какие законы издаст против бобров и против плотин, когда до малейших подробностей обдумал, как помешать Питеру задирать перед ним нос, погода переменилась: перестал идти снег, поднялся ветер, и сделалось очень холодно. Небо расчистилось от туч, взошла полная луна, стало светло как днём, и только чёрные тени на белом-пребелом снегу его немного пугали.

Эдмунд ни за что не нашёл бы правильного пути, если бы не луна. Она взошла как раз тогда, когда он добрался до небольшой речушки, впадающей в бобриную реку ниже по течению... Вы помните, он заметил эту речушку и два холма за ней, когда они только пришли к бобрам. Эдмунд повернул и пошёл вдоль неё, но лощина, по которой она текла, куда круче поднималась вверх, была куда более скалистой и сильнее заросла кустарником, чем та, которую только что покинул, и он вряд ли прошёл бы тут в темноте. На нём не осталось сухой нитки, потому что с низко нависших ветвей, под которыми он пробирался, на спину ему то и дело сваливались целые сугробы снега. И всякий раз, как это случалось, он всё с большей ненавистью думал о Питере, как будто Питер был во всём виноват!

Наконец подъём стал более пологим, и перед Эдмундом раскрылась широкая долина. И тут на противоположном берегу реки, совсем рядом, рукой подать, посреди небольшой поляны между двумя холмами перед ним возник замок. Конечно же, это был замок Белой колдуньи. Казалось, он состоит из одних башенок, украшенных высокими остроконечными шпилями. Башенки, похожие на волшебные колпаки, которые носят чародеи, сверкали в ярком лунном свете, их длинные тени таинственно чернели на снегу. Эдмунду стало страшно.

Но возвращаться было поздно. Он пересёк замёрзшую речушку и приблизился к замку. Кругом – ни движения, ни звука. Даже его собственные шаги приглушались глубоким свежесвыпавшим снегом. Эдмунд пошёл вокруг замка – угол за углом, башенка за башенкой – в поисках входа и, наконец, в самой задней стене увидел большую арку. Громадные железные ворота были распахнуты настежь.

Эдмунд подкрался к арке и заглянул во двор, и тут сердце у него ушло в пятки. Сразу же за воротами, залитый лунным светом, стоял огромный лев, припав к земле, словно для прыжка. Эдмунд ни жив ни мёртв застыл в тени возле арки, не смея двинуться с места, и простоял так долго, что, если бы уже не трясся от страха, стал бы трястись от холода. Сколько времени он так простоял, я не знаю, но для самого Эдмунда это тянулось целую вечность.

Однако мало-помалу ему стало казаться странным, почему лев не двигается с места, – всё это время Эдмунд не спускал с него глаз, и зверь ни разу не пошевелился. Эдмунд, всё ещё держась в тени арки, осмелился подойти к нему чуть ближе и тут понял, что лев вовсе на него не смотрит. «Ну а если всё-таки повернёт голову?» Но смотрел лев совсем на другое, а именно – на гномика, стоявшего к нему спиной шагах в трёх-четырёх. «Ага, – решил Эдмунд, – пока он прыгает на гнома, я убегу». Но лев был по-прежнему недвижим, гном тоже. Только теперь Эдмунд вспомнил слова бобра о том, что колдунья может любое существо обратить в камень. Что, если это всего-навсего каменный лев? И только он так подумал, как заметил, что на спине и голове льва лежит снег. Конечно же, это просто статуя льва! Живой зверь обязательно отряхнулся бы от снега. Медленно-медленно Эдмунд подошёл ко льву. Сердце билось у него так, что готово было выскочить из груди. Даже теперь он не отважился дотронуться до зверя, но когда наконец решился протянуть руку... она коснулась холодного камня. Вот дурак! Испугался какой-то каменной фигуры.

Эдмунд почувствовал такое облегчение, что, несмотря на мороз, ему стало тепло, и в тот же миг пришла в голову расчудесная, как ему показалось, мысль: «А вдруг это и есть тот великий Аслан, о котором говорили бобры? Королева уже поймала его и обратила в камень. Вот чем кончились их великолепные планы! Ха, кому он теперь страшен, этот Аслан?!» Так Эдмунд стоял и радовался беде, постигшей льва, а затем позволил очень глупую и неуместную выходку: достал из кармана огрызок карандаша и нарисовал на каменной морде очки. «Ну, глупый старый Аслан, как тебе нравится быть камнем? Больше не будешь воображать себя невесть кем». Но, несмотря на очки, морда огромного каменного зверя, глядевшего незрячими

глазами на луну, была такой грозной, печальной и гордой, что Эдмунд, не получив никакой радости от своей проделки, отвернулся от льва и пошёл по двору.

Дойдя до середины, он увидел, что его окружают десятки статуй: они стояли там и тут вроде фигур на шахматной доске во время игры. Там были каменные сатиры и каменные волки, и медведи, и лисы, и рыси из камня. Там были изящные каменные изваяния, похожие на женщин, – духи деревьев. Там был огромный кентавр, и крылатая лошадь, и какое-то длинное существо вроде змеи. «Вероятно, дракон», – решил Эдмунд. Они стояли в ярком холодном свете луны совсем как живые, словно на секунду застыли на месте, и выглядели так фантастично, что, пока Эдмунд пересекал двор, сердце его то и дело замирало от страха. Прямо посередине двора возвышалась огромная статуя, похожая на человека, но высотой с дерево; лицо её, окаймлённое бородой, было искажено гневом, в правой руке – громадная дубина. Эдмунд знал, что великан этот тоже из камня, и всё же ему было неприятно проходить мимо.

Теперь Эдмунд заметил тусклый свет в дальнем конце двора. Приблизившись, он увидел, что свет льётся из распахнутой двери, к которой ведут несколько каменных ступеней. Эдмунд поднялся по ним. На пороге лежал большущий волк.

«А мне не страшно, вовсе не страшно, – успокаивал себя Эдмунд, – это всего-навсего статуя. Он не может мне ничего сделать», – и поднял ногу, чтобы переступить через волка. В тот же миг огромный зверь вскочил с места, шерсть у него на спине поднялась дыбом, разинул большую красную пасть и прорычал:

– Кто здесь? Кто здесь? Ни шагу вперёд, незнакомец! Отвечай: как тебя зовут?

– С вашего позволения, сэр, – пролепетал мальчик, сотрясаясь от дрожи так, что едва мог шевелить губами, – мое имя Эдмунд, я сын Адама и Евы. Её величество встретила меня на днях в лесу, и я пришёл, чтобы сообщить ей, что мои сёстры и брат тоже сейчас в Нарнии... совсем близко отсюда, у бобров. Она... она хотела их видеть...

– Я передам её величеству, – сказал волк. – А ты пока стой здесь, у порога, и не двигайся с места, если тебе дорога жизнь.

И он исчез в доме.

Эдмунд стоял и ждал; пальцы его одеревенели от холода, сердце гулко колотилось в груди. Но вот серый волк – это был Могрим, начальник Секретной полиции колдуньи, – вновь появился перед ним и сказал:

– Входи! Входи! Тебе повезло, избранник королевы... а может быть, и не очень повезло.

И Эдмунд пошёл следом за Могримом, стараясь не наступить ему на задние лапы.

Он очутился в длинном мрачном зале с множеством колонн; здесь, как и во дворе, было полно статуй. Почти у самых дверей стояла статуя маленького фавна с очень печальным лицом.

Эдмунд невольно задал себе вопрос: уж не тот ли это фавн, мистер Тумнус, друг его сестры Люси? В зале горела одна-единственная лампа, и прямо возле неё сидела Белая колдунья.

– Я пришёл, ваше величество, – сказал Эдмунд, бросаясь к ней.

– Как ты посмел прийти один?! – проговорила колдунья страшным голосом. – Разве я не велела тебе привести остальных?

– Пожалуйста, не сердитесь, ваше величество, – пролепетал Эдмунд. – Я сделал всё, что мог. Я привёл их почти к самому вашему замку. Они сейчас на плотине вверх по реке... в доме мистера Бобра и миссис Бобрихи.

На лице колдуньи появилась жестокая улыбка.

– Это всё, что ты хотел мне сообщить?

– Нет, ваше величество, – ответил Эдмунд и пересказал ей всё, что слышал в хатке бобров перед тем, как убежал.

– Что?! Аслан?! – вскричала колдунья. – Аслан? Это правда? Если я узнаю, что ты мне нагнал...

– Простите... я только повторяю слова бобра, – пробормотал, заикаясь, Эдмунд.

Но колдунья, не обращая больше на него внимания, хлопнула в ладоши, и как только перед ней появился тот самый гном, которого Эдмунд уже знал, приказала:

– Приготовь мне сани, живо! Только упряжь возьми без колокольцев.

Глава десятая. Чары начинают рассеиваться

А теперь нам пора вернуться к мистеру Бобру и миссис Бобрехе и к остальным трём ребятам. Как только мистер Бобёр сказал: «Нам надо выбираться отсюда, не теряя ни секунды», – все стали надевать шубы – все, кроме миссис Бобрехи. Она быстро подняла с пола несколько мешков, положила на стол и сказала:

– А ну-ка, мистер Бобёр, достань-ка с потолка тот окорок. А вот пакет чая, вот сахар, вот спички. И хорошо бы ещё захватить несколько караваев хлеба – они там, в углу.

– Что вы такое делаете, миссис Бобрехи? – воскликнула Сьюзен.

– Собираю каждому из нас по мешку, милочка, – преспокойно сказала миссис Бобрехи. – Неужели ты думаешь, что можно отправляться в далёкий путь, не захватив с собой еды?

– Но нам нужно спешить, – сказала Сьюзен, застёгивая шубу. – *Она* может появиться здесь с минуты на минуту.

– Вот и я это говорю, – поддержал её мистер Бобёр.

– Не болтайте вздор! – прикрикнула на него жена. – Ну подумайте хорошенько, мистер Бобёр. Ей не добраться сюда быстрее чем за пятнадцать минут.

– Но разве мы не должны спешить, чтобы оказаться раньше её у Каменного Стола? – спросил Питер.

– Об этом-то вы забыли, миссис Бобреха, – сказала Сьюзен. – Как только она заглянет сюда и увидит, что нас тут нет, она что есть мочи помчится вслед за нами.

– Не спорю, – сказала миссис Бобреха. – Но нам не попасть к Каменному Столу до неё, как бы мы ни старались, ведь она едет на санях, а мы пойдём пешком.

– Значит... всё пропало? – сказала Сьюзен.

– Не тревожься. Зачем раньше времени так волноваться?.. Успокоилась? Ну вот и молодец! – сказала миссис Бобреха. – Достань лучше из ящика комода несколько чистых носовых платков... Конечно же, не всё пропало. Мы не можем попасть туда *до неё*, зато можем спрятаться в укромном месте и пробраться туда такими путями, каких она не знает. Я надеюсь, что нам это удастся.

– Всё так, миссис Бобреха, – согласился муж, – но всё же нам пора выходить.

– А ты тоже не бей тревогу раньше времени. Полно тебе... Ну вот, теперь всё в порядке. По мешку каждому из нас и мешочек для самой маленькой – для тебя, милочка Люси.

– Ах, пожалуйста, пожалуйста, давайте скорее пойдём, – сказала Люси.

– Что ж, я почти готова, – ответила миссис Бобреха, в то время как мистер Бобёр помогал ей, с её разрешения, надеть валеночки. – Пожалуй, швейную машинку будет тяжело нести?

– Ещё бы, – сказал мистер Бобёр. – Очень и очень тяжело. И неужели ты собираешься по дороге шить?

– Мне худо от одной мысли, что колдунья будет её вертеть, – сказала миссис Бобреха, – и сломает, а чего доброго и украдёт.

– Ах, пожалуйста, пожалуйста, поторопитесь! – хором попросили ребята.

И вот наконец они вышли из дому, а мистер Бобёр, запирая дверь, сказал:

– Это её немного задержит.

И беглецы отправились в путь, перекинув за спины мешочки с едой.

К этому времени снегопад прекратился и на небе появилась луна. Они шли гуськом – сперва мистер Бобёр, затем Люси, Питер и Сьюзен; замыкала шествие миссис Бобреха. Они перешли по плотине на правый берег реки, а затем мистер Бобёр повёл их по еле заметной тропинке среди деревьев, растущих у самой воды. С двух сторон, сверкая в лунном свете, вздымались высокие берега.

– Лучше идти понизу, пока это будет возможно, – сказал мистер Бобёр. – Ведь ей ехать поверху, сюда не спустишься на санях.

Перед ними открывался прекрасный вид... если бы любоваться им, сидя у окна в удобном кресле. Даже сейчас Люси им наслаждалась. Но недолго. Они шли, шли и шли; мешочек, который несла Люси, становился всё тяжелее и тяжелее, и понемногу девочке стало казаться, что ещё шаг – и она просто не выдержит. Она перестала глядеть на слепящую блеском реку, на ледяные водопады, на огромные снежные шапки на макушках деревьев, на сияющую луну и на бесчисленные звёзды. Единственное, что она теперь видела, – коротенькие ножки мистера Бобра, шагавшего – топ-топ-топ-топ – впереди неё с таким видом, словно никогда в жизни не остановится. А затем луна скрылась и снова повалил снег. Люси так устала, что двигалась как во сне. Вдруг мистер Бобёр свернул от реки направо, и они стали карабкаться по очень крутому склону прямо в густой кустарник. Девочка очнулась, и как раз вовремя, чтобы успеть заметить, как их проводник исчез в небольшой дыре, так хорошо замаскированной кустами, что увидеть её можно было, только подойдя вплотную. Но если говорить откровенно, Люси по-настоящему поняла, что происходит, когда увидела, что из норы торчит лишь короткий плоский хвост.

Люси тут же нагнулась и заползла внутрь вслед за бобром. Вскоре она услышала позади приглушённый шум, и через минуту все пятеро были опять вместе.

– Что это? Где мы? – спросил Питер усталым, тусклым голосом.

(Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать, называя голос тусклым?)

– Это наше старое убежище. Бобры всегда прятались здесь в тяжёлые времена. О нём никто не знает. Не скажу, чтобы здесь было очень удобно, но нам всем необходимо немного поспать.

– Если бы все так не суетились и не волновались, когда мы уходили из дому, я бы захватила несколько подушек, – сказала миссис Бобреха.

«Пещера-то похуже, чем у мистера Тумнуса, – подумала Люси, – просто нора в земле – правда, сухая и не глинистая». Пещера была совсем небольшая, и так как беглецы легли на землю прямо в шубах, образовав один сплошной клубок, да к тому же все разогрелись во время пути, им показалось там тепло и уютно. «Если бы только, – вздохнула Люси, – здесь не было так жёстко». Миссис Бобреха достала фляжку и дала каждому по глотку какой-то жидкости, которая обожгла горло. Ребята не могли удержаться от кашля, но зато им стало ещё теплей и приятней, и они тут же все, как один, уснули.

Когда Люси открыла глаза, ей показалось, что она спала не больше минуты, хотя с тех пор, как они уснули, прошло несколько часов. Ей было холодно, по телу пошли мурашки, и больше всего на свете хотелось принять сейчас горячую ванну. Затем она почувствовала, что лицо ей щекочут длинные усы, увидела слабый дневной свет, проникающий в пещерку сверху, и тут окончательно проснулась, как, впрочем, и все остальные. Раскрыв рты и вытаращив глаза, они сидели и слушали тот самый перезвон, которого ожидали – а порой им чудилось, что они его и слышат, – во время вчерашнего пути: перезвон бубенцов.

Мистер Бобёр мигом выскочил из пещеры. Возможно, вы полагаете, как решила вначале и Люси, что он поступил глупо. Напротив, это было очень разумно. Он знал, что может взобраться на самый верх откоса, так что его никто не заметит среди кустов и деревьев, а ему важно было выяснить, в какую сторону направляются сани Белой колдуньи. Миссис Бобреха и ребята остались в пещере – ждать и строить догадки. Они ждали целых пять минут, а затем чуть не умерли от страха, когда услышали голоса. «Ой, – подумала Люси, – его увидели. Колдунья поймала мистера Бобра!» Каково же было их удивление, когда вскоре у самого входа в пещеру раздался его голос:

– Всё в порядке! Выходи, миссис Бобреха! Выходите, сын и дочери Адама и Евы! Всё в порядке! Это не *она*! Это не *ейные* бубенцы! – Он выражался не очень грамотно, но именно так говорят бобры, когда их что-нибудь очень взволнует; я имею в виду в Нарнии – в нашем мире они вообще не говорят.

И вот миссис Бобреха, Питер, Сьюзен и Люси кучей вывалились из пещеры, щурясь от яркого солнца, все в земле, заспанные, непричёсанные и неумытые.

– Скорее идите сюда! – воскликнул мистер Бобёр, чуть не приплясывая от радости. – Идите взгляните своими глазами! Неплохой сюрприз для колдуньи! Похоже, её власти приходит конец.

– Что вы этим хотите сказать, мистер Бобёр? – спросил Питер, еле переводя дыхание: ведь они карабкались вверх.

– Разве я вам не говорил, что из-за неё у нас всегда зима, а Рождество так и не наступает? Говорил. А теперь смотрите!

И тут они наконец очутились на верху откоса и увидели... Что же они увидели? Сани?

Да, сани и оленью упряжку. Но олени эти были куда крупнее, чем олени колдуньи, и не белой, а гнедой масти. А на санях сидел... они догадались, кто это, с первого взгляда. Высокий старик в ярко-красной шубе с меховым капюшоном; длинная седая борода пенистым водопадом спадала ему на грудь. Они сразу узнали его. Хотя увидеть подобные ему существа можно

лишь в Нарнии, рассказывают о них и рисуют их на картинках даже в нашем мире – мире по эту сторону дверцы платяного шкафа. Однако когда вы видите его в Нарнии своими глазами – это совсем другое дело. На многих картинках Дед Мороз выглядит просто весёлым и даже смешным. Но, глядя на него сейчас, ребята почувствовали, что это не совсем так. Он был такой большой, такой радостный, такой настоящий, что они невольно притихли. У них тоже стало радостно и торжественно на душе.

– Наконец-то я здесь! *Она* долго меня не впускала, но я всё-таки попал сюда. Аслан в пути. Чары колдуньи теряют силу. А теперь пришёл черёд одарить всех вас подарками. Вам, миссис Бобреха, хорошая новая швейная машинка. Я по пути завезу её к вам.

– Простите, сэр, – сказала, приседая, миссис Бобреха. – У нас заперта дверь.

– Замки и задвижки для меня не помеха, – успокоил её Дед Мороз. – А вы, мистер Бобёр, когда вернётесь домой, увидите, что плотина ваша закончена и отремонтирована, все течи заделаны и поставлены новые шлюзные ворота.

Мистер Бобёр был в таком восторге, что широко-прешироко раскрыл рот и тут обнаружил, что язык не повинуется ему.

– Питер, сын Адама и Евы! – позвал Дед Мороз.

– Я, сэр, – откликнулся Питер.

– Вот твои подарки – но это не игрушки. Возможно, не за горами то время, когда тебе придётся пустить их в ход. Будь достоин их.

С этими словами Дед Мороз протянул Питеру щит и меч. Щит отливал серебром, на нём был изображён стоящий на задних лапах лев, красный, как спелая лесная земляника. Рукоятка меча была из золота, вкладывался он в ножны на перевязи и был как раз подходящего для Питера размера и веса. Питер принял подарок Деда Мороза в торжественном молчании, потому что чувствовал: это очень серьёзные дары.

– Сюзен, дочь Адама и Евы! – продолжил Дед Мороз. – А это для тебя.

Протянув ей лук, колчан со стрелами и рог из слоновой кости, он добавил:

– Ты можешь стрелять из этого лука только при крайней надобности. Я не хочу, чтобы ты участвовала в битве. Тот, кто стреляет из этого лука, всегда попадает в цель. А если ты поднесёшь к губам этот рог и затрубишь в него, где бы ты ни была, к тебе придут на помощь.

Наконец очередь дошла и до Люси.

– Люси, дочь Адама и Евы!

Девочка выступила вперед, и Дед Мороз дал ей бутылочку – на вид самую обычную, из стекла, но люди потом говорили, что из настоящего алмаза, – и небольшой кинжал.

– В бутылочке напиток из сока огненных цветов, растущих в горах на Солнце. Если ты или кто-нибудь из твоих друзей будет ранен, нескольких капель достаточно, чтобы вас исцелить. А кинжал ты можешь пустить в ход, только чтобы защитить себя, в случае крайней нужды. Ты тоже не должна участвовать в битве.

– Почему, сэр? – удивилась Люси. – Думаю, хотя и не знаю наверняка, что не струшу.

– Не в этом дело, – сказал Дед Мороз. – Страшны те битвы, в которых принимают участие женщины. А теперь, – и лицо его повеселело, – я хочу кое-что преподнести вам всем. – И он протянул большой поднос, на котором стояло пять чашек с блюдами, вазочка с сахаром, сливочник со сливками и большущий чайник с крутым кипятком, который шипел и плевался во все стороны.

Дед Мороз вынул всё это из мешка за спиной, хотя никто не заметил, когда это произошло, и, взмахнув кнутом, воскликнул:

– Счастливого Рождества! Да здравствуют настоящие короли!

И прежде чем они успели опомниться, и олени, и сани, и Дед Мороз исчезли из виду.

Питер только вытащил меч из ножен, чтобы показать его мистеру Бобру, как миссис Бобреха сказала:

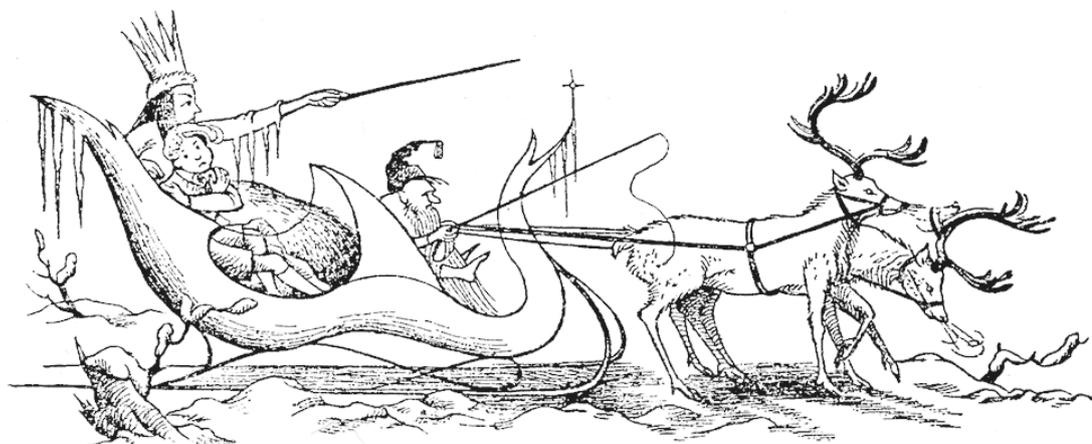
– Хватит, хватит... Будете стоять там и болтать, пока чай не остынет. Ох уж эти мужчины! Помогите отнести поднос вниз, и будем завтракать. Как хорошо, что я захватила большой нож.

И вот они снова спустились в пещеру, и мистер Бобёр нарезал хлеба и ветчины, и миссис Бобреха сделала бутерброды и разлила чай по чашкам, и все с удовольствием принялись за еду. Но удовольствие их было недолгим, так как очень скоро мистер Бобёр сказал:

– А теперь пора идти дальше.

Глава одиннадцатая. Аслан всё ближе

Тем временем Эдмунду пришлось испытать тяжёлое разочарование. Он думал, что, когда гном пойдёт запрягать оленей, колдунья станет ласковее с ним, как было при их первой встрече, но она не проронила ни слова. Набравшись храбрости, он спросил:

– Пожалуйста, ваше величество, не дадите ли вы мне немного рахат-лукума... Вы... вы... обещали.

Но в ответ услышал:

– Замолчи, дурень.

Однако, поразмыслив, она проговорила, словно про себя:

– Да нет, так не годится, щенок ещё потеряет по дороге сознание. – И снова хлопнула в ладоши. А когда появился другой гном, приказала: – Принеси этому человеческому отродью поесть и попить!

Гном вышел и тут же вернулся. В руках у него была железная кружка с водой и железная тарелка, на которой лежал ломоть чёрствого хлеба. С отвратительной ухмылкой он поставил всё это на пол возле Эдмунда и произнёс:

– Рахат-лукум для маленького принца! Ха-ха-ха!

– Убери это, – угрюмо проворчал Эдмунд. – Я не буду есть сухой хлеб.

Но колдунья обернулась к нему, и лицо её было так ужасно, что Эдмунд тут же попросил прощения и принялся жевать хлеб, хотя он совсем зачерствел и проглотить его можно было с трудом.

– Ты не раз с благодарностью вспомнишь о хлебе, прежде чем снова удастся его отведать!

Эдмунд всё ещё жевал, когда появился первый гном и сообщил, что сани готовы. Белая колдунья встала и вышла из зала, приказав Эдмунду следовать за ней. На дворе снова шёл снег, но она не обратила на это никакого внимания и велела Эдмунду сесть рядом с ней в сани. Прежде чем они тронулись с места, колдунья позвала Могрима, а как только волк примчался огромными прыжками и, словно собака, стал возле саней, приказала:

– Возьми самых быстрых волков из твоей команды и немедленно отправляйся к дому бобров. Убивайте всех, кого там найдёте. Если они уже сбежали, поспешите к Каменному Столу, но так, чтобы вас никто не заметил. Спрячьтесь и ждите меня там. Мне придётся проехать далеко на запад, прежде чем я найду такое место, где смогу переправиться через реку. Возможно, вы настигнете беглецов до того, как они доберутся до места. Ты сам знаешь, что в этом случае делать.

– Слушаю и повинуюсь, о королева! – прорычал волк и в ту же секунду исчез в снежной тьме, так что даже лошадь, если бы скакала галопом, не смогла бы его обогнать.

Не прошло и нескольких минут, как он вместе с ещё одним волком был на плотине у хатки бобров. Конечно, они там никого не застали. Если бы не снегопад, дело кончилось бы для бобров и ребят плохо, потому что волки пошли бы по следу и наверняка перехватили бы наших друзей ещё до того, как те укрылись в пещере. Но, как вы знаете, снова шёл снег, и Могрим не мог ни учуять их, ни увидеть следов.

Тем временем гном хлестнул оленей, сани выехали со двора и помчались в холод и мрак. Поездка эта показалась Эдмунду ужасной – ведь на нём не было шубы. Не прошло и четверти часа, как всю его грудь, и живот, и лицо залепило снегом; не успевал он очистить снег, как

его опять засыпало, так что он совершенно выбился из сил и перестал отряхиваться. Вскоре Эдмунд промёрз до костей. Ах каким он себя чувствовал несчастным! Не похоже было, что колдунья собирается сделать его королём. Как он ни убеждал себя, что она добрая и хорошая, что право на её стороне, ему трудно было теперь этому верить. Он отдал бы всё на свете, чтобы встретиться сейчас со своими, даже с Питером. Единственным утешением ему служила мысль, что всё это, возможно, только снится и он вот-вот проснётся. Час шёл за часом, и всё происходившее действительно стало казаться дурным сном.

Сколько времени они ехали, я не мог бы вам рассказать, даже если бы исписал сотни страниц, поэтому сразу перейду к тому моменту, когда перестал идти снег, наступило утро и они мчались по берегу реки при дневном свете, всё вперёд и вперёд, в полной тишине. Единственное, что слышал Эдмунд, – визг полозьев по снегу и поскрипывание сбруи. Вдруг колдунья воскликнула:

– Что тут такое? Стой!

Эдмунд надеялся, что она вспомнила о завтраке. Но нет! Она велела остановить сани совсем по другой причине. Недалеко от дороги под деревом на круглых табуретках вокруг круглого стола сидела весёлая компания: беличье семейство, два сатира, гном и старый лис. Эдмунд не мог разглядеть, что они ели, но пахло очень вкусно, всюду были ёлочные украшения, и ему даже показалось, что на столе стоит сливовый пудинг. В тот миг, как сани остановились, лис – по-видимому, как самый старший – поднялся с бокалом в лапе, словно намеревался произнести тост, но когда сотрапезники увидели сани и ту, которая там сидела, всё их веселье пропало. Глава беличьего семейства застыл, не донеся вилки до рта; один из сатиров сунул вилку в рот и забыл её вынуть; бельчата запищали от страха.

– Что всё это значит?! – спросила колдунья.

Никто не ответил, и она приказала:

– Говорите, сброд вы этакий! Или хотите, чтобы мой кучер развязал вам языки своим бичом? Что означает всё это обжорство, это расточительство, это баловство?! Где вы всё это взяли?

– С вашего разрешения, ваше величество, – сказал лис, – мы не взяли, нам дали. И если вы позволите, я осмелюсь поднять этот бокал за ваше здоровье...

– Кто дал? – взвизгнула колдунья.

– Д-д-дед М-мороз, – проговорил, заикаясь, лис.

– Что?! – вскричала колдунья, соскакивая с саней, и сделала несколько огромных шагов по направлению к перепуганным зверям. – Он был здесь? Нет, это невозможно! Как вы осмелились... но нет... Скажите, что вы солгали, и, так и быть, я вас прощу.

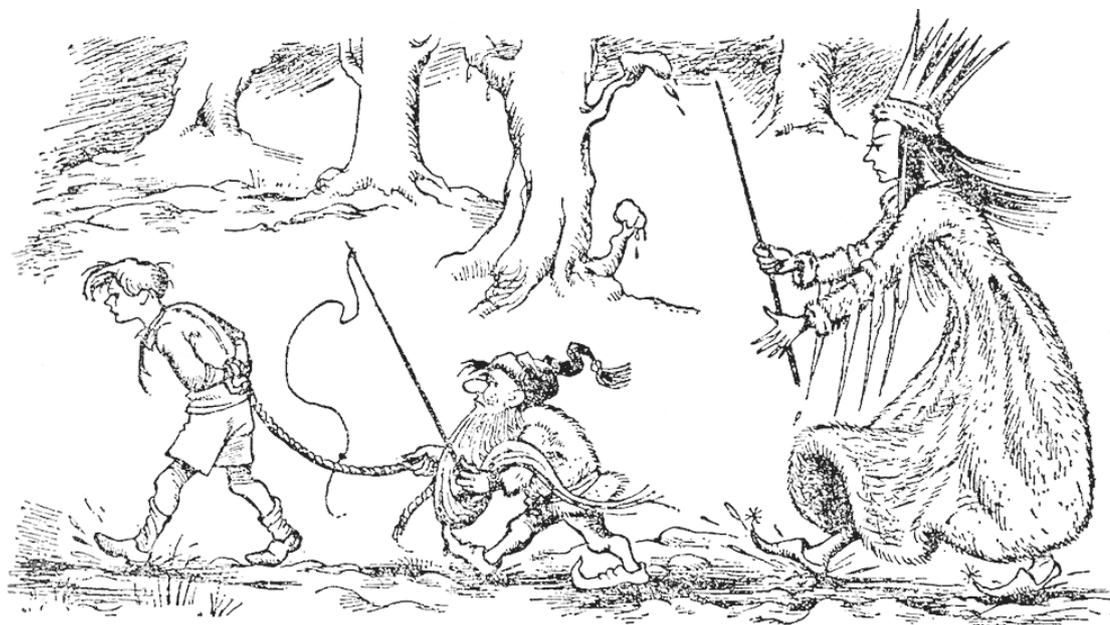
Тут один из бельчат совсем потерял голову со страху и принялся верещать, стуча ложкой по столу:

– Был... был... был!

Эдмунд видел, что колдунья крепко прикусила губу, так что по подбородку у неё покапала капелька крови, и подняла волшебную палочку, поэтому закричал:

– О, не надо, не надо, пожалуйста, не надо!

Но не успел он договорить, как она махнула палочкой, и в тот же миг вместо весёлой компании вокруг каменного круглого стола, где стояли каменные тарелки и каменный пудинг, на каменных табуретках оказались каменные изваяния (одно из них с каменной вилкой на полпути к каменному рту).

– А вот это пусть научит тебя, как заступаться за предателей и шпионов! – Колдунья отвесила ему ощутимую пощёчину и села в сани. – Погоняй!

В первый раз с начала этой истории Эдмунд позабыл о себе и посочувствовал чужому горю, с жалостью представив, как эти каменные фигурки будут сидеть в безмолвии дней и мраке ночей год за годом, век за веком, пока не покроются мхом, пока, наконец, сам камень не искрошится от времени.

Они снова мчались вперёд. Однако скоро Эдмунд заметил, что снег, бивший им в лицо, стал более сырой, чем ночью, и потеплело. Вокруг начал подниматься туман, который с каждой минутой становился всё гуще, а воздух – теплее. И сани шли куда хуже, чем раньше. Сперва Эдмунд подумал, что просто олени устали, но немного погодя увидел, что настоящая причина не в этом. Сани дёргались, застревали и подпрыгивали всё чаще, словно ударялись о камни. Как ни хлестал гном бедных оленей, сани двигались всё медленней и медленней. Кругом раздавался какой-то непонятный шум, однако скрип саней и крики гнома мешали Эдмунду разобрать, откуда он шёл. Но вот сани остановились, ни взад ни вперёд! На миг наступила тишина. Теперь он поймёт, что это такое. Станный мелодичный шорох и шелест – знакомые и вместе с тем знакомые звуки; несомненно, он их уже когда-то слышал, но только не мог припомнить где. И вдруг он вспомнил. Это шумела вода. Всюду, невидимые глазу, бежали ручейки – это

их журчание, бормотание, бульканье, плеск и рокот раздавались кругом. Сердце подскочило у Эдмунда в груди – он и сам не знал почему, – когда он понял, что морозу пришёл конец. Совсем рядом слышалось «кап-кап-кап» – это таял снег на ветвях деревьев. Вот с еловой ветки свалилась снежная глыба, и впервые с тех пор, как попал в Нарнию, Эдмунд увидел тёмно-зелёные иглы ели. Но у него не было больше времени смотреть и слушать, потому что колдунья тут же сказала:

– Не сиди разинув рот, дурень. Вылезай и помоги.

Конечно, Эдмунду оставалось только повиноваться. Он ступил на снег – вернее, в жидкую снежную кашу – и принялся помогать гному вытаскивать сани. Наконец им удалось это сделать, и, нещадно нахлёстывая оленей, гном заставил их сдвинуться с места и пройти ещё несколько шагов. Но снег таял у них на глазах, кое-где уже показались островки зелёной травы. Если бы вы так же долго, как Эдмунд, видели вокруг один белый снег, то поняли бы, какую радость доставляла ему эта зелень. И тут сани окончательно увязли.

– Бесполезно, ваше величество, – сказал гном. – Мы не можем ехать на санях в такую оттепель.

– Значит, пойдём пешком!

– Мы никогда их не догоним, – проворчал гном. – Они слишком опередили нас.

– Ты у меня кто: советник или раб? – грозно спросила колдунья. – Не рассуждай. Делай как приказано. Свяжи человеческому отродью руки за спиной – поведём его на верёвке. Захвати кнут. Обрежь поводья: олени сами найдут дорогу домой.

Гном выполнил её приказания, и через несколько минут Эдмунд уже шёл – вернее, чуть не бежал. Руки были скручены у него за спиной. Ноги скользили по слякоти, грязи, мокрой траве, и всякий раз, стоило ему поскользнуться, гном кричал на него, а то и стегал кнутом. Колдунья шла следом за гномом, то и дело поторапливая:

– Быстрее! Быстрее!

С каждой минутой зелёные островки делались больше, а белые – меньше, деревья одно за другим скидывали с себя снежный покров. Вскоре, куда бы вы ни поглядели, вместо белых силуэтов видели тёмно-зелёные лапы елей или чёрные колючие ветви дубов, буков и вязов. А затем туман стал из белого золотым и вскоре совсем исчез. Лучи солнца насквозь пронизывали лес, между верхушками деревьев засверкало голубое небо.

А вскоре начались ещё более удивительные вещи. Завернув на прогалину, где росла серебристая береза, Эдмунд увидел, что вся земля усыпана жёлтыми цветочками – чистотелом. Журчание воды стало громче. Ещё несколько шагов – и им пришлось перебираться через ручей. На его дальнем берегу росли подснежники.

– Иди, иди, не оглядывайся, – проворчал гном, когда Эдмунд повернул голову, чтобы полюбоваться цветами, и злобно дёрнул верёвку.

Но, понятно, этот окрик не помешал Эдмунду увидеть всё, что происходило вокруг. Минут пять спустя он заметил крокусы: они росли вокруг старого дерева – золотые, пурпурные, белые. А затем послышался звук ещё более восхитительный, чем журчание воды, – у самой тропинки, по которой они шли, на ветке дерева вдруг чирикнула птица. В ответ ей отозвалась другая, с дерева подальше. И вот, словно это было сигналом, со всех сторон послышались щебет и свист и даже – на миг – короткая трель. Через несколько минут весь лес звенел от птичьего пения. Куда бы Эдмунд ни взглянул, везде видел птиц: они садились на ветки, порхали над головой, гонялись друг за другом, ссорились, мирились, приглаживали пёрышки клювом.

– Быстрой! Быстрой! – то и дело раздавались окрики колдуньи.

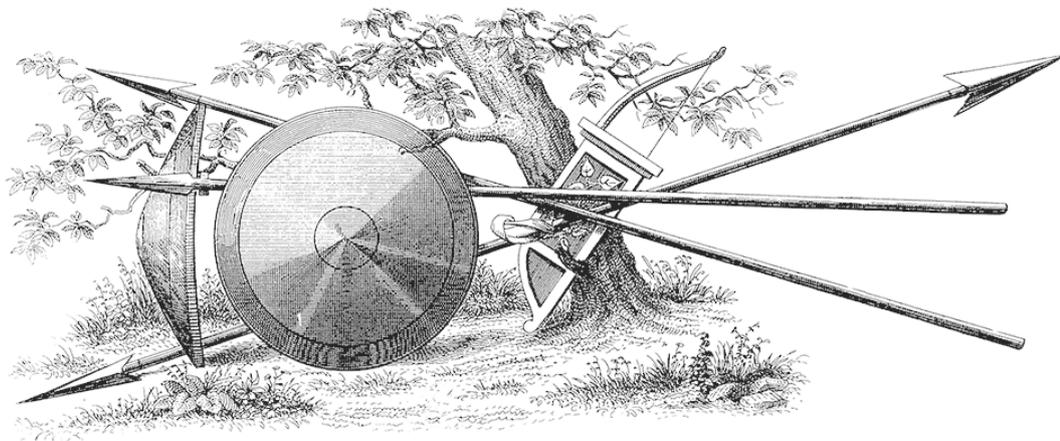
От тумана не осталось и следа. Небо становилось всё голубее и голубее, время от времени по нему проносились белые облачка. На широких полянах желтел первоцвет. Поднявшийся лёгкий ветерок покачивал ветки деревьев, и с них скатывались капли воды; до путников донёсся дивный аромат. Лиственницы и берёзы покрылись зелёным пухом, жёлтая акация – золотым. Вот уже на берёзах распустились нежные, прозрачные листочки. Когда путники шли под деревьями, даже солнечный свет казался зелёным. Перед ними пролетела пчела.

– Это не оттепель, – остановился как вкопанный гном. – Это весна! Как нам быть? Вашей зиме пришёл конец! Это работа Аслана!

– Если кто-то из вас ещё хоть раз осмелится произнести это имя, – взвизгнула колдунья, – то немедленно будет убит!

Глава двенадцатая. Первая битва Питера

А в это самое время далеко-далеко отсюда бобры и ребята уже многие часы шли словно в сказке. Они давно сбросили шубы и даже перестали говорить друг другу: «Взгляни! Зимородок!» – или: «Ой, колокольчик!» – или: «Что это так чудесно пахнет?» – или: «Только послушайте, как поёт дрозд!» Они шли теперь молча, упиваясь этой благодатью, то по тёплым солнечным полянам, то в прохладной тени зелёных зарослей, то вновь по широким мшистым прогалинам, где высоко над головой раскидывали кроны могучие вязы, то в сплошной чаще цветущей смородины и боярышника, где крепкий аромат чуть не сбивал их с ног.

Они поразились не меньше Эдмунда, увидев, что зима отступает у них на глазах и за несколько часов время промчалось от января до мая. Они не знали, что так и должно было произойти, когда в Нарнию вернётся Аслан, но всем было известно: бесконечная зима в Нарнии – дело рук Белой колдуньи, её злых чар, и раз началась весна, значит, у неё что-то разладилось. Они сообразили также, что без снега колдунья не сможет ехать на санях, поэтому уже не торопились, чаще останавливались и дольше отдыхали. Конечно, к этому времени они сильно устали, сильно, но не до смерти, просто двигались медленнее, как во сне, и на душе было радостно и покойно, как на исходе долгого дня, проведённого на воздухе. Сюзен слегка натёрла пятку.

Большая река оставалась слева от них. Чтобы добраться до Каменного Стола, следовало свернуть к югу, то есть направо. Даже если бы им не надо было сворачивать, они не могли бы идти прежним путём: река разлилась, и там, где проходила их тропинка, теперь с шумом и рёвом несся бурный жёлтый поток.

Но вот солнце стало заходить, свет его порозовел, тени удлинились, и цветы задумались, не пора ли им закрываться.

– Теперь уже недалеко, – сказал мистер Бобёр и стал подниматься по холму, поросшему высокими деревьями и покрытому толстым пружинящим мхом, по которому было так приятно ступать босыми ногами. Идти в гору после целого дня пути тяжело, и все они запыхались. Люси уже начала сомневаться, сможет ли дойти до верха, если как следует не передохнёт, как вдруг они очутились на вершине холма. И вот что открылось их глазам.

Путники стояли на зелёной открытой поляне. Под ногами у них темнел лес: он был всюду, куда достигал глаз, и только далеко на востоке, прямо перед ними, что-то сверкало и переливалось.

– Вот это да! – выдохнул Питер, обернувшись к Сюзен. – Море!

А посреди поляны возвышался Каменный Стол – большая мрачная плита серого камня, положенная на четыре камня поменьше. Стол выглядел очень старым. На нём были высечены таинственные знаки – возможно, буквы неизвестного нам языка. Тот, кто глядел на них, испытывал какое-то странное, необъяснимое чувство. А затем ребята заметили шатёр, раскинутый в стороне. Ах, какое это было удивительное зрелище, особенно сейчас, когда на шатёр падали косые лучи заходящего солнца: полотнища из жёлтого шёлка, пурпурные шнуры, колышки из слоновой кости, а сверху, на шесте, колеблемый лёгким ветерком, который дул им в лицо с далёкого моря, реял стяг с красным львом, вставшим на задние лапы.

Внезапно справа от них раздались звуки музыки, и, обернувшись, они увидели то, ради чего пришли сюда.

Аслан стоял в центре целой группы престранных созданий, окруживших его полукольцом. Там были духи деревьев и духи источников – дриады и наяды, как их зовут в нашем мире, – с лирами в руках. Вот откуда слышалась музыка. Там было четыре больших кентавра, сверху похожих на суровых, но красивых великанов, снизу – на могучих лошадей, таких, кото-

рые работают в Англии на фермах. Был там и единорог, и бык с человеческой головой, и пеликан, и орёл, и огромный пёс.

А рядом с Асланом стояли два леопарда: один держал его корону, другой – знамя.

А как вам описать самого Аслана? Этого не могли бы ни ребята, ни бобры. Не знали они и как вести себя с ним, и что сказать. Те, кто не был в Нарнии, думают, что нельзя быть добрым и грозным одновременно. Если Питер, Сюзен и Люси когда-нибудь так думали, то теперь поняли свою ошибку, потому что когда попробовали прямо взглянуть на него, почувствовали, что не осмеливаются, и лишь на миг увидели золотую гриву и большие, серьёзные, проникающие в самое сердце глаза.

– Подойди к нему, – шепнул мистер Бобёр.

– Нет, – едва слышно возразил Питер. – Вы первый.

– Сначала дети Адама и Евы, потом животные.

– Сюзен, – повернулся к сестре Питер, – тогда, может быть, ты? Дам всегда пропускают вперёд.

– Ты же старший, – возразила та.

И, конечно, чем дольше они так перешёптывались, тем более неловко себя чувствовали. Наконец Питер понял, что первым действовать придётся ему. Вытащив из ножен меч, он отдал честь Аслану, торопливо шепнул остальным:

– Идите за мной. Возьмите себя в руки, – и приблизился ко льву: – Мы пришли... Аслан.

– Добро пожаловать, Питер, сын Адама и Евы, – приветствовал их Аслан. – Добро пожаловать, Сюзен и Люси, дочери Адама и Евы. Добро пожаловать, бобры.

Голос у льва был низкий и звучный, и почему-то ребята сразу перестали волноваться. Теперь на сердце у них было радостно и спокойно, и им вовсе не казалось неловким стоять перед Асланом молча.

– А где же четвёртый? – спросил Аслан.

– Он хотел их предать и перешёл на сторону Белой колдуньи, о Аслан, – ответил мистер Бобёр.

И тут что-то заставило Питера сказать:

– Тут есть и моя вина. Я рассердился на него, и, мне кажется, это толкнуло его на ложный путь.

Аслан ничего не ответил на эти слова, просто стоял и пристально смотрел на мальчика. И все поняли, что тут действительно не поможешь словами.

– Пожалуйста, Аслан, – попросила Люси, – нельзя ли как-нибудь спасти Эдмунда?

– Мы сделаем всё, чтобы его спасти, но это может оказаться труднее, чем вы полагаете.

И лев опять замолчал. С первой минуты Люси восхищалась его взглядом: царственным, грозным и вместе с тем миролюбивым, – но сейчас вдруг увидела, что он ещё и печальный. Однако выражение это сразу же изменилось, как только Аслан тряхнул гривой и хлопнул одной лапой о другую. «Страшные лапы, – подумала Люси. – Хорошо, что он умеет втягивать когти».

– Ну а пока пусть готовят пир, – распорядился лев. – Отведите дочерей Адама и Евы в шатёр и позаботьтесь о них.

Когда девочки ушли, Аслан положил лапу Питеру на плечо – ох и тяжела же она! – и сказал:

– Пойдём, сын Адама и Евы, я покажу тебе замок, где ты будешь королём.

И Питер, всё ещё с мечом в руке, последовал за львом к восточному краю поляны. Их глазам открылся великолепный вид. За спиной у них садилось солнце, и вся долина, лежащая внизу: лес, холмы, луга, извивающаяся серебряной змейкой река, – была залита вечерним солнечным светом. А далеко-далеко впереди синело море и плыли по небу розовые от закатного солнца облака.

Там, где земля встречалась с морем, у самого устья реки, подымалась невысокая гора, на которой что-то сверкало. Это был замок. Во всех его окнах, обращённых на запад, отражался закат – вот откуда исходило сверкание, – но Питеру казалось, что он видит огромную звезду, покоящуюся на морском берегу.

– Это, о, человек, – сказал Аслан, – Кэр-Параваль четырёхтронный, и на одном из тронов будешь сидеть ты. Я показываю его тебе, потому что ты самый старший из вас и будешь Верховным королём.

И вновь Питер ничего не сказал – в эту самую секунду тишину нарушил странный звук. Он был похож на пение охотничьего рожка, только более низкий.

– Это рог твоей сестры, – сказал Аслан Питеру тихо, так тихо, что казалось, будто он мурлычет, если позволительно так говорить про льва.

Питер не сразу понял его, но когда увидел, что все остальные устремились вперёд, и услышал, как Аслан, махнув лапой, крикнул: «Назад! Пусть принц сам завоеет себе рыцарские шпоры», – догадался, в чём дело, и со всех ног бросился к шатру.

Его ждало там ужасное зрелище. Наяды и дриады улепётывали во все стороны. Навстречу ему бежала Люси так быстро, как только могли двигаться её маленькие ножки. Лицо её было блее бумаги. Только тут он заметил Сюзен. Стрелой подлетев к дереву, она уцепилась за ветку, а за ней по пятам нёсся большой серый зверь. Сперва Питер принял его за медведя, но потом увидел, что он скорее похож на собаку, хотя значительно крупней. Внезапно его осенило: это же волк. Став на задние лапы, волк упёрся передними в ствол. Он рычал и лязгал зубами, шерсть у него на спине стояла дыбом. Сюзен удалось забраться только на вторую ветку от земли. Одна её нога свисала вниз и была всего в нескольких дюймах от звериной пасти. Питер удивился, почему она не заберётся повыше или хотя бы не уцепится покрепче, и вдруг понял, что сестра вот-вот потеряет сознание и упадёт.

Питер вовсе не был таким уж смельчаком: напротив, ему казалось, что сейчас и сам лишится чувств от страха, – но это ничего не меняло: он знал, что ему повелевает долг. Одним броском он кинулся на чудище, подняв меч, чтобы ударить сплеча, но волк избежал этого удара и с быстротой молнии обернулся к Питеру. Глаза его сверкали от ярости, из пасти вырывалось злобное рычание, что и спасло мальчика, иначе волк тут же схватил бы его за горло. Всё дальнейшее произошло так быстро, что Питер не успел ничего осознать: увернувшись от волчьей пасти, он изо всех сил вонзил меч между передними лапами зверя, прямо в сердце.

Несколько секунд пронеслось как в страшном сне. Волк боролся со смертью, его оскаленные зубы коснулись лба Питера. Мальчику казалось, что всё кругом – лишь кровь и волчья шерсть. А ещё через мгновение чудовище лежало мёртвым у его ног. Питер с трудом вытащил у него из груди меч, выпрямился и вытер пот, заливавший ему глаза. Всё тело ломало от напряжения.

Через минуту Сюзен слезла с дерева. От пережитого волнения дети еле стояли на ногах, и – не стану скрывать – оба не могли удержаться от слёз и поцелуев. Но в Нарнии это никому не ставят в упрёк.

– Скорей! Скорей! – раздался голос Аслана. – Кентавры! Орлы! Я вижу в чаще ещё одного волка. Вон там, за вами. Он только что бросился прочь. В погоню! Он побежит к своей хозяйке. Это поможет нам найти колдунью и освободить четвёртого из детей Адама и Евы!

И тут же с топотом копыт и хлопаньем крыльев самые быстрые из фантастических созданий скрылись в сгущающейся тьме.

Питер, все ещё не в силах отдышаться, обернулся на голос Аслана и увидел, что тот стоит рядом с ним.

– Ты забыл вытереть меч, – сказал лев.

Так оно и было. Взглянув на блестящее лезвие и увидев на нём волчью кровь, Питер покраснел и, наклонившись, насухо вытер меч о траву, а затем – о полу своей куртки.

– Дай мне меч и стань на колени, сын Адама и Евы, – приказал Аслан, а когда Питер повиновался, коснулся повернутым плашмя лезвием его плеча и добавил: – Встаньте, сэр Питер, Гроза Волков. И что бы с вами ни случилось, не забывайте вытирать свой меч.

Глава тринадцатая. Тайная магия давних времён

А теперь пора вернуться к Эдмунду. Они всё шли и шли. Раньше он ни за что не поверил бы, что вообще можно так долго идти пешком. И вот наконец, когда они очутились в мрачной лощине под тенью огромных тисов и елей, колдунья объявила привал. Эдмунд тут же бросился ничком на землю. Ему было всё равно, что с ним потом случится, лишь бы сейчас ему дали спокойно полежать. Он так устал, что не чувствовал ни голода, ни жажды. Колдунья и гном негромко переговаривались где-то рядом.

– Нет, – сказал гном, – теперь это бесполезно, о королева! Они уже, наверно, дошли до Каменного Стола.

– Будем надеяться, Могрим найдёт нас и сообщит все новости, – заметила колдунья.

– Если и найдёт, вряд ли это будут хорошие новости, – буркнул гном.

– В Кэр-Паравале четыре трона. А если только три из них окажутся заняты? Ведь тогда предсказание не исполнится.

– Какая разница? Главное, что *он* здесь. – Гном всё ещё не осмеливался называть Аслана по имени при повелительнице.

– Он не обязательно останется здесь надолго. А когда уйдёт, мы нападём на тех троих в Кэре.

– И все же лучше придержать этого, – пнул он Эдмунда, – чтобы заключить с *ними* сделку.

– Ну да! И дожидаться, что его освободят! – усмехнулась колдунья.

– Тогда лучше сразу же исполнить то, что следует.

– Я бы предпочла сделать это на Каменном Столе, – возразила колдунья. – Там, где положено. Где делали это испокон веку.

– Ну, теперь не скоро наступит то время, когда Каменный Стол будет использоваться по назначению.

– Верно. Что ж, вот я и начну.

В эту минуту из леса с воем выбежал волк и кинулся к ним.

– Я их видел. Все трое у Каменного Стола вместе с *ним*. Они убили Могрима, моего капитана. Один из сыновей Адама и Евы его убил. Я спрятался в чаще и всё видел. Спасайтесь! Спасайтесь!

– Зачем? – удивилась колдунья. – В этом нет никакой нужды. Отправляйся и собери всех наших. Пусть они как можно скорее придут сюда. Позови великанов, оборотней и духов тех деревьев, которые на моей стороне. Позови упырей, людоедов и минотавров. Позови леших, позови вурдалаков и ведьм. Мы будем сражаться. Разве нет у меня волшебной палочки?! Разве я не могу превратить их всех в камень, когда они станут на нас наступать?! Отправляйся быстрее. Мне надо покончить тут с одним небольшим дельцем.

Огромный зверь наклонил голову, повернулся и умчался прочь.

– Так, – сказала колдунья, – стола у нас здесь нет... Дай подумать... Лучше поставим его спиной к дереву.

Эдмунда пинком подняли с земли. Когда гном подвёл его к дубу и крепко-накрепко привязал, мальчик заметил, что колдунья сбрасывает плащ: в темноте мелькнули её голые, белые как снег руки. Только потому он их и увидел, что они были белые, – в тёмной лощине под тёмными деревьями было так темно, что ничего другого не разглядишь.

– Приготовь жертву! – приказала колдунья.

Гном расстегнул Эдмунду воротник рубашки, оттянул назад и схватил его за волосы, так что подбородок задрался вверх. Эдмунд услышал странный звук: «вжик-вжик-вжик...» Что бы это могло быть? И вдруг понял: это точили нож.

В ту же минуту послышались другие звуки – громкие крики, топот копыт, хлопанье крыльев и яростный вопль колдуньи. Поднялся шум, суматоха, а затем мальчик почувствовал, что его развязывают и поднимают чьи-то сильные руки, услышал добрые басистые голоса:

– Пусть полежит... дайте ему вина... ну-ка выпей глоточек... сейчас тебе станет лучше.

А затем они стали переговариваться между собой:

– Кто поймал колдунью?

– Я думал, ты.

– Я не видел её после того, как выбил у неё из рук нож.

– Я гнался за гномом... Неужели она сбежала?

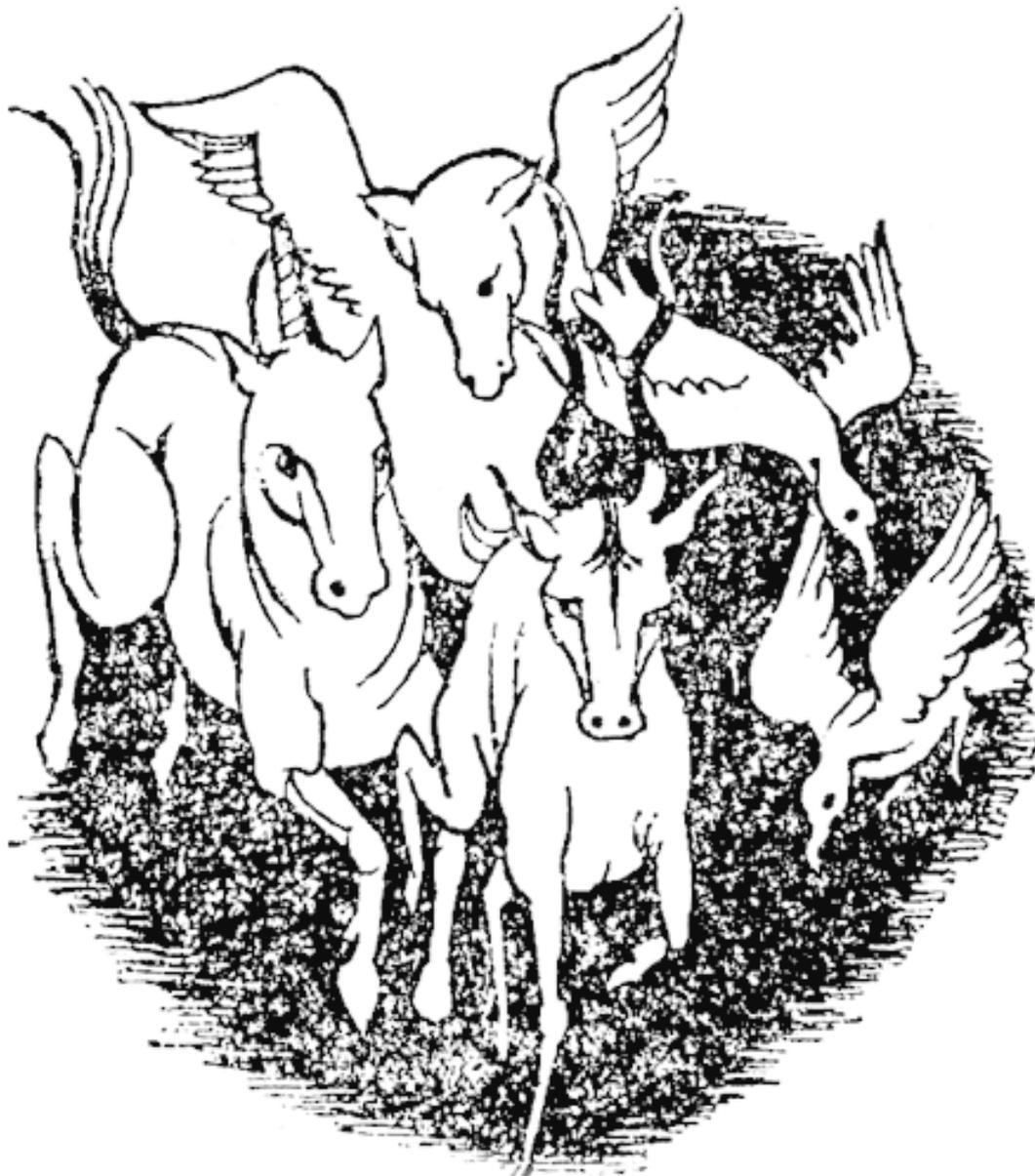
– Не мог же я помнить обо всём сразу... А это что?

– Да ничего, просто старый пень.

Тут Эдмунд окончательно потерял сознание.

Вскоре кентавры, единороги, олени и птицы (те самые, которых Аслан отправил спасать Эдмунда) двинулись обратно к Каменному Столу, неся с собой Эдмунда. Если бы они узнали, что произошло в лощине после их ухода, то немало бы удивились.

Было совершенно тихо. Вскоре на небе взошла луна, свет её становился всё ярче и ярче. Если бы вы там оказались, то заметили бы в ярком лунном свете старый пень и довольно крупный валун, но присмотрись вы к ним внимательнее, увидели бы нечто странное – например, что валун удивительно похож на маленького толстячка, скорчившегося на земле. А если бы запаслись терпением, то увидели бы, как валун подходит к пеньку, а пенёк поднимается и начинает что-то ему говорить. Ведь на самом деле пень и валун были гном и колдунья. Одной из её колдовских штук было так заколдовать кого угодно, да и себя тоже, чтобы нельзя было узнать. И вот, когда у неё вышибли нож из рук, она не растерялась и превратила себя и гнома в валун и пень. Волшебная палочка осталась у неё и тоже была спасена.

Когда Питер, Сьюзен и Люси проснулись на следующее утро – проспав всю ночь в шатре на гряде подушек, – миссис Бобриха рассказала им первым делом, что накануне вечером их брата спасли из рук колдуньи и теперь он здесь, в лагере, беседует с Асланом.

Они вышли из шатра и увидели, что Аслан и Эдмунд прогуливаются рядышком по росистой траве в стороне от всех остальных. Вовсе не обязательно пересказывать вам – да никто этого и не слышал, – что именно говорил лев, но Эдмунд помнил его слова всю жизнь. Когда ребята приблизились, Аслан повернулся им навстречу.

– Вот ваш брат. И... совсем ни к чему вспоминать то, что уже позади.

Эдмунд всем по очереди пожал руки и сказал каждому: «Прости меня», – и каждый из них ответил: «Ладно, о чём толковать». А затем им захотелось произнести что-нибудь самое обыденное и простое, показать, что они снова друзья, и, конечно, никто из них – хоть режь! – ничего не мог придумать. Им уже становилось неловко, но тут появился один из леопардов и, обратившись к Аслану, проговорил:

– Ваше величество, посланец врага испрашивает у вас аудиенцию.

– Пусть приблизится, – сказал Аслан.

Леопард ушёл и вскоре вернулся с гномом.

– Что ты желаешь мне сообщить, сын Земных Недр? – спросил Аслан.

– Королева Нарнии, императрица Одиноких островов, просит ручательства в том, что может без опасности для жизни прийти сюда и поговорить с вами о деле, в котором вы заинтересованы не меньше её.

– «Королева Нарнии», как бы не так... – проворчал мистер Бобёр. – Такого нахальства я ещё...

– Спокойно, – сказал Аслан. – Скоро все титулы будут возвращены законным правителям. А пока не будем спорить. Скажи своей повелительнице, сын Земных Недр, что я ручаюсь за её безопасность, если она оставит свою волшебную палочку под тем большим дубом, прежде чем подойти сюда.

Гном согласился на это, и леопарды пошли вместе с ним, чтобы проследить, будет ли выполнено это условие.

– А вдруг она обратит леопардов в камень? – шепнула Люси Питеру.

Я думаю, эта же мысль пришла в голову и самим леопардам; во всяком случае, шерсть у них на спине встала дыбом и хвосты поднялись трубой, как у котов при виде чужой собаки.

– Всё будет в порядке, – шепнул Питер ей в ответ. – Аслан не послал бы их, если бы не был уверен в их безопасности.

Через несколько минут колдунья собственной персоной появилась на вершине холма, пересекла поляну и стала перед Асланом. При взгляде на неё у Питера, Люси и Сьюзен – ведь они не видели её раньше – побежали по спине мурашки; среди зверей раздалось тихое рычание. Хотя на небе ярко сияло солнце, всем внезапно стало холодно. Спокойно себя чувствовали, по-видимому, только Аслан и сама колдунья. Странно было видеть эти два лица – золотой и бледный как смерть – так близко друг от друга. Правда, прямо в глаза Аслану колдунья всё же посмотреть не смогла – миссис Бобриха очень внимательно наблюдала за ней.

– Среди вас есть предатель, Аслан, – сказала колдунья.

Конечно, все поняли, что она имеет в виду Эдмунда, но после всего, что произошло, и утреннего разговора сам мальчик меньше всего думал о себе и по-прежнему не отрывал взора от Аслана; казалось, для него не имеет значения, что говорит колдунья.

– Ну и что, – совершенно спокойноотреагировал Аслан. – Его предательство было совершено по отношению к другим, а не к вам.

– Вы забыли Тайную магию? – удивилась колдунья.

– Предположим, забыл, – печально ответил Аслан. – Расскажите нам о Тайной магии.

– Рассказать вам? – едва ли не взвизгнула колдунья. – Рассказать, что написано на том самом Каменном Столе, возле которого мы стоим? Рассказать, что высечено, словно ударами копья, на жертвенном камне Заповедного холма? Вы не хуже меня знаете магию, которой подвластна Нарния с давних времён. Вы знаете, что, согласно ей, каждый предатель принадлежит мне. Это моя законная добыча, за каждое предательство я имею право убить.

– А-а, – протянул мистер Бобёр, – вот почему, оказывается, вы вообразили себя королевой: потому что вас назначили палачом!

– Спокойно, – промолвил Аслан и тихо зарычал.

– Поэтому, – продолжила колдунья, – это человеческое отродье – моё. Его жизнь принадлежит мне, его кровь – моё достояние.

– Что ж, тогда возьми его! – проревел бык с головой человека.

– Дурак, – сказала колдунья, и жестокая улыбка скривила ей губы. – Неужели ты думаешь, твой повелитель может силой лишить меня моих законных прав? Он слишком хорошо знает, что такое Тайная магия, как знает и то, что, если я не получу крови, как о том сказано в Древнем законе, Нарния погибнет от огня и воды.

– Истинная правда, – сказал Аслан. – Я этого не отрицаю.

– О, Аслан, – зашептала Сюзен льву на ухо. – Мы не можем... я хочу сказать: ты не отдашь его, да? Неужели ничего нельзя сделать против Тайной магии? Может быть, можно как-нибудь подействовать на неё?

– Подействовать на Тайную магию? – переспросил Аслан, обернувшись к девочке, и нахмурился.

И никто больше не осмелился с ним заговорить.

Всё это время Эдмунд стоял по другую сторону от Аслана и неотступно смотрел на него. У мальчика перехватило горло, он подумал, не следует ли ему что-нибудь сказать, но тут же почувствовал, что от него ждут одного: делать то, что ему скажут.

– Отойдите назад, – потребовал Аслан. – Я хочу поговорить с колдуньей с глазу на глаз.

Все повиновались. Ах как ужасно было ждать, ломая голову над тем, о чём так серьёзно беседуют вполголоса лев и ведьма!

– Ах, Эдмунд! – расплакалась вдруг Люси.

Питер стоял спиной ко всем остальным и глядел на далёкое море. Бобры взяли за лапы и свесили головы. Кентавры беспокойно переступали копытами. Но под конец все перестали шевелиться и стали слышны даже самые тихие звуки: гудение шмеля, пение птиц далеко в лесу и шелест листьев на ветру. А беседе Аслана и колдуньи всё не было видно конца.

Наконец раздался голос Аслана:

– Можете подойти. Я всё уладил. Она отказывается от притязаний на жизнь вашего брата.

И над поляной пронёсся вздох, словно всё это время они сдерживали дыхание и только теперь вздохнули полной грудью. Затем все разом заговорили.

Лицо колдуньи светилось злобным торжеством. Она пошла было прочь, но вновь остановилась и сказала:

– Откуда мне знать, что обещание не будет нарушено?

Аслан, приподнявшись на задние лапы, так взревел, что колдунья, вытаращив глаза и разинув рот, подобрала юбки и пустилась наутёк.

Глава четырнадцатая. Триумф колдуньи

Как только колдунья скрылась из виду, Аслан сказал:

– Нам надо перебраться отсюда: это место понадобится для других целей. Сегодня вечером мы разобьём лагерь у брода через Беруну.

Конечно, все умирали от желания узнать, как ему удалось договориться с колдуньей, но вид у льва был по-прежнему суровый, в ушах у всех ещё звучал его грозный рык, и никто не отважился ни о чём его спрашивать.

Солнце уже высушило траву, и они позавтракали прямо на лужайке под открытым небом. Затем все занялись делом: одни сворачивали шатёр, другие собирали вещи. Вскоре после полудня они снялись с места и пошли к северо-востоку: шли не спеша, ведь идти было недалеко.

По пути Аслан объяснил Питеру свой план военной кампании:

– Как только колдунья покончит с делами в этих краях, вместе со своей сворой наверняка отступит к замку и приготовится к обороне. Возможно, тебе удастся перехватить её на пути туда, но поручиться за это нельзя.

Затем Аслан нарисовал в общих чертах два плана битвы: один – если сражаться с колдуньей и её сторонниками придётся в лесу, другой – если надо будет брать её замок штурмом, – а также дал Питеру множество советов, как вести военные действия: куда, например, поместить кентавров или выслать разведчиков. Наконец Питер сказал:

– Но ведь ты же будешь с нами.

– Этого я тебе обещать не могу, – ответил Аслан и продолжил давать Питеру указания.

Вторую половину пути Аслан не покидал Сюзен и Люси, но почти ничего не говорил и казался очень печальным.

Ещё не наступил вечер, когда они вышли к широкому плёсу там, где долина расступилась в стороны, а река стала мелкой. Это были броды Беруны. Аслан отдал приказ остановиться на ближнем берегу, но Питер сказал:

– А не лучше ли разбить лагерь на том берегу? Вдруг колдунья нападёт на нас ночью?

Аслан, задумавшийся о чём-то, встрепенулся, тряхнул гривой и спросил:

– Что ты сказал?

Питер повторил свои слова.

– Нет, – ответил Аслан глухо и безучастно. – Нет, этой ночью она не станет на нас нападать. – Потом, глубоко вздохнув, добавил: – Всё равно хорошо, что ты об этом подумал. Воину так и положено. Только сегодня это не имеет значения.

И они принялись разбивать лагерь там, где он указал.

Настроение Аслана передалось остальным. Питеру к тому же было не по себе от мысли, что ему придётся на свой страх и риск сражаться с колдуньей. Он не ожидал, что Аслан покинет их, и известие об этом его потрясло. Ужин прошёл в молчании. Все чувствовали, что этот вечер сильно отличается от вчерашнего вечера и даже от сегодняшнего утра. Словно хорошие времена, не успев начаться, уже подходят к концу.

Чувство это настолько овладело Сьюзен, что, улегшись спать, она никак не могла уснуть и ворочалась с боку на бок, считая белых слонов: «Один белый слон, два белых слона, три белых слона...» – но сон всё не шёл к ней. Тут она услышала, как Люси протяжно вздохнула и заворочалась рядом с ней в темноте.

– Тоже не можешь уснуть? – спросила Сьюзен.

– Да. Я думала, ты спишь. Послушай, Сью, у меня такое ужасное чувство... словно над нами нависла беда.

– Правда? Честно говоря, у меня тоже.

– Это связано с Асланом, – сказала Люси. – То ли с ним случится что-нибудь ужасное, то ли он сам сделает что-то ужасное.

– Да, он был сам на себя не похож весь день, – согласилась Сьюзен. – Люси, что это он говорил, будто его не будет с нами во время битвы? Как ты думаешь, он не хочет потихоньку уйти сегодня ночью и оставить нас одних?

– А где он сейчас? Здесь, в шатре?

– По-моему, нет.

– Давай выйдем и посмотрим. Может быть, увидим его.

– Давай, – согласилась Сьюзен, – всё равно нам не уснуть.

Девочки тихонько пробрались между спящими и выскользнули из шатра. Светила яркая луна, не было слышно ни звука, кроме журчания реки, бегущей по камням. Вдруг Сьюзен схватила Люси за руку и шепнула:

– Гляди!

На самом краю поляны, там, где уже начинались деревья, они увидели льва – он медленно уходил в лес. Девочки, не обменявшись ни словом, пошли следом за ним.

Он поднялся по крутому склону холма и свернул вправо. Судя по всему, он шёл тем самым путем, каким привел их сюда сегодня днём. Он шёл всё дальше и дальше, то скрываясь в густой тени, то показываясь в бледном свете луны. Ноги девочек скоро промокли от росы. Но что случилось с Асланом? Таким они его ещё не видели. Голова его опустилась, хвост обвис, и шёл он медленно-медленно, словно очень-очень устал. И вот в тот момент, когда они пересекли открытое место, где не было ни тени и невозможно было укрыться, лев вдруг остановился и посмотрел назад. Убегать было бесполезно, и девочки подошли к нему. Когда они приблизились, он сказал:

– Ах, дети, дети, зачем вы идёте за мной?

– Мы не могли уснуть, – промолвила Люси и тут почувствовала, что не нужно больше ничего говорить, что Аслан и так знает их мысли.

– Можно нам пойти с тобой вместе... пожалуйста, куда бы ты ни шёл? – попросила Сьюзен.

– Вместе... – Аслан задумался, потом сказал: – Да, вы можете пойти со мной: я буду рад побыть с друзьями сегодня ночью, – но пообещайте, что остановитесь там, где я скажу, и не станете мне мешать.

– О, спасибо! Спасибо! Мы сделаем всё как ты велишь! – воскликнули девочки.

И вот они снова пустились в путь: лев – посредине, девочки – по бокам, – но как медленно он шёл! Его большая царственная голова опустилась так низко, что нос чуть не касался травы. Вот он споткнулся и издал тихий стон.

– Аслан! Милый Аслан! – прошептала Люси. – Что с тобой? Ну скажи нам.

– Ты не болен, милый Аслан? – спросила Сьюзен.

– Нет, просто мне грустно и одиноко. Положите руки на мою гриву, чтобы я чувствовал, что вы рядом.

И вот сёстры наконец сделали то, чего им так хотелось с первой минуты, как они увидели льва, но на что никогда не отважились бы без его разрешения: погрузили озябшие руки в его великолепную гриву и принялись её гладить. И так они шли всю оставшуюся дорогу. Вскоре девочки поняли, что поднимаются по склону холма, на котором стоял Каменный Стол. Их путь лежал по той стороне склона, где деревья доходили почти до самой вершины. Когда они поравнялись с последним деревом, Аслан остановился и сказал:

– Дети, здесь вы должны остаться. И что бы ни случилось, постарайтесь, чтобы вас никто не заметил. Прощайте.

Девочки горько расплакались, хотя сами не могли бы объяснить почему, прильнули ко льву и стали целовать его гриву, нос, лапы и большие печальные глаза. Наконец он повернулся и пошёл от них прочь, прямо на вершину холма. Люси и Сьюзен, спрятавшись в кустах, смотрели ему вслед, и вот что увидели.

Вокруг Каменного Стола собралась большая толпа. Хоть луна и светила по-прежнему ярко, многие держали в руках факелы, изрыгавшие зловещее красное пламя и чёрный дым. Кого там только не было: людоеды с огромными зубами, громадные волки, существа с туловищем человека и головой быка, уродливые ведьмы, духи злых деревьев и ядовитых растений и другие страшилища, которых я не стану описывать, не то взрослые запретят вам читать эту книжку, – джинны, кикиморы, домовые, лешие и прочая нечисть. Одним словом, все те, кто был на стороне колдуньи и кого волк собрал здесь по её приказу. А прямо у Каменного Стола стояла сама Белая колдунья.

Увидев приближающегося к ним льва, чудища взвыли от ужаса, и даже какой-то миг сама колдунья казалась объятай страхом, но тут же оправилась, разразилась неистовым яростным хохотом и вскричала:

– Глупец! Глупец пришёл! Скорее вяжите его!

Люси и Сьюзен, затаив дыхание, ждали, что Аслан с рёвом кинется на врагов, но этого не произошло. С ухмылками и насмешками, однако не решаясь поначалу близко к нему подойти и сделать то, что им велено, к Аслану стали приближаться четыре ведьмы.

– Вяжите его, кому сказано! – повторила Белая колдунья.

Ведьмы кинулись на Аслана и торжествующе завизжали, увидев, что тот и не думает сопротивляться. Тогда все остальные бросились на помощь. Обрушившись на него всем ско-

пом, они свалили огромного льва на спину и принялись связывать. Они издавали победные крики, словно совершили невесть какой подвиг, однако он не шевельнулся, не испустил ни звука, даже когда его враги так затащили верёвки, что они врезались ему в тело. Связав льва, они потащили его к Каменному Столу.

– Стойте! – сказала колдунья. – Сперва надо его остричь.

Под взрывы злобного гогота из толпы вышел людоед с ножницами в руках и присел на корточки возле Аслана. «Чик-чик-чик», – щёлкали ножницы, и на землю дождём сыпались золотые завитки. Когда людоед поднялся, девочки увидели из своего убежища совсем другого Аслана – голова его казалась такой маленькой без гривы! Враги тоже увидели, как изменился всемогущий лев, и один из них выкрикнул:

– Гляньте, да это просто большая кошка!

– И *его*-то мы боялись! – поддакнул ему другой.

Столпившись вокруг Аслана, они принялись насмехаться над ним:

– Кис-кис-кис! Сколько мышей поймал сегодня? Не хочешь ли молока, киска?

– Да как они *могут*... – всхлипнула Люси – слёзы ручьями катились у неё по щекам. – Скоты! Мерзкие скоты!

Когда прошло первое потрясение, Аслан, лишённый гривы, стал казаться куда отважнее и красивее прежнего.

– Наденьте на него намордник! – приказала колдунья.

Даже сейчас, когда на него натягивали намордник, одно движение его огромной пасти – и двое-трое из них остались бы без рук и лап, но Лев по-прежнему не шевелился. Казалось, это привело врагов в ещё большую ярость. Все, как один, они набросились на него. Даже те, кто боялся подойти к нему, уже связанному, теперь осмелели. Несколько минут Аслана совсем не было видно – так плотно обступил его весь этот сброд. Чудища пинали его, били, плевали на него, насмехались над ним.

Наконец это им надоело, и они поволокли связанного льва к Каменному Столу. Аслан был такой огромный, что, когда они притащили его туда, им всем вместе еле-еле удалось взгромоздить его на Стол. А затем они ещё туже затянули верёвки.

– Труссы! Труссы! – сквозь рыдания выкрикнула Сьюзен. – Они всё ещё боятся его! Даже сейчас.

Но вот Аслана привязали к плоскому камню. Теперь он казался сплошной массой верёвок. Все примолкли. Четыре ведьмы с факелами в руках стали у четырёх углов Стола. Колдунья сбросила плащ, как и в прошлую ночь, только сейчас перед ней был Аслан, а не Эдмунд. Затем принялась точить нож. Когда на него упал свет от факелов, девочки увидели, что нож этот – причудливой и зловещей формы – каменный, а не стальной.

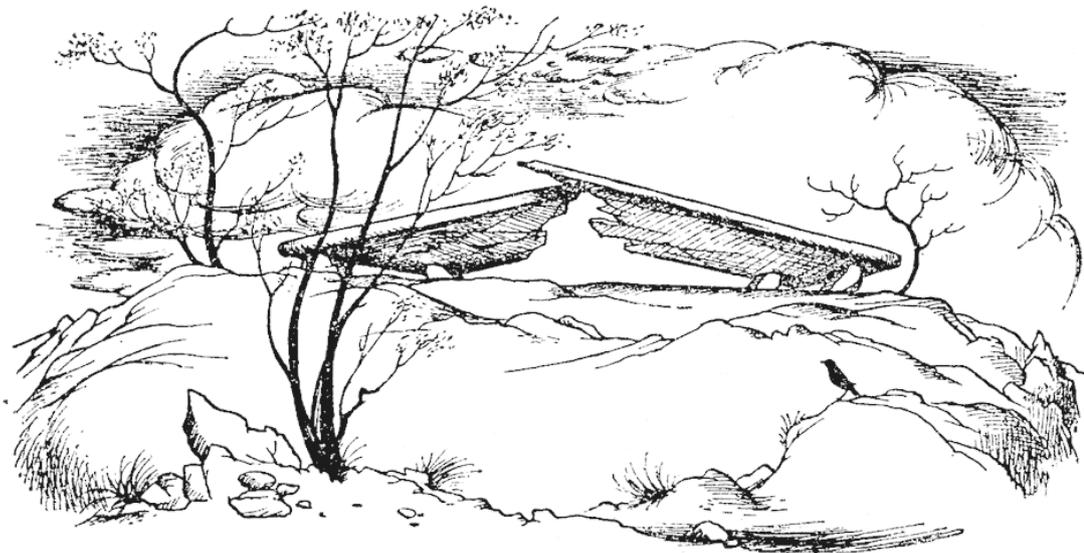
Наконец колдунья подошла ближе и встала у головы Аслана. Лицо её исказилось от злобы, но лев по-прежнему глядел на небо, и в его глазах не было ни гнева, ни боязни – лишь печаль. Колдунья наклонилась и, перед тем как нанести удар, проговорила торжествующе:

– Ну, кто из нас выиграл? Глупец, неужели ты думал, что своей смертью спасёшь человеческое отродье? Этого предателя-мальчишку? Я убью тебя вместо него, как мы договорились: согласно Тайной магии, жертва будет принесена, – но когда ты будешь мёртв, что помешает мне убить и его? Кто тогда вырвет его из моих рук? Четвёртый трон в Кэр-Паравале останется пустым. Ты навеки отдал мне Нарнию, потерял свою жизнь и не избавил от смерти предателя. А теперь, зная это, умри!

Люси и Сьюзен не видели, как она вонзила нож – им было слишком тяжело на это смотреть, и они зажмурились, – поэтому не видели и другого: как в ответ на слова колдуньи Аслан улыбнулся и в его глазах сверкнула радость.

Глава пятнадцатая. Тайная магия стародавних времён

Девочки всё ещё сидели в кустах, закрыв лицо руками, когда услышали голос колдуньи: – Все за мной, и мы покончим с врагами. Теперь этот глупец, большой кот, умер, и мы быстро справимся с предателями и с человеческим отродьем.

Следующие несколько минут могли окончиться для сестёр печально. Под дикие крики, плач волюнок и пронзительное завывание рогов вся орда злобных чудищ помчалась вниз по склону мимо того места, где притаились Люси и Сьюзен. Девочки чувствовали, как холодным ветром несутся мимо духи, как тряётся земля под тяжёлыми копытами минотавров, как хлопают над головой чёрные крылья грифов и летучих мышей. В другое время они дрожали бы от страха, но сейчас сердца их были полны скорби и они думали лишь о позорной и ужасной смерти Аслана.

Как только стихли последние звуки, Сьюзен и Люси прокрались на вершину холма. Луна уже почти зашла, лёгкие облака то и дело застилали её, но опутанный верёвками мёртвый лев всё ещё был виден на фоне неба. Люси и Сьюзен опустили на колени в сырой траве и стали целовать его и гладить прекрасную гриву – вернее, то, что от неё осталось. Они плакали, пока у них не заболели глаза. Тогда они посмотрели друг на друга, взяли за руки, чтобы не чувствовать себя так одиноко, и снова заплакали, и снова замолчали. Наконец Люси сказала:

– Не могу глядеть на этот ужасный намордник. Может быть, нам удастся его снять?

Они попробовали стащить его. Это было не так-то просто, потому что пальцы у них онемели от холода и стало очень темно, но всё же наконец им удалось это сделать. И тут они снова принялись плакать, и гладить львиную морду, и стирать с неё кровь и пену. Я не могу описать, как им было одиноко, как страшно, как тоскливо.

– Как ты думаешь, нам удастся развязать его? – сказала Сьюзен.

Но злобные чудища так затянули верёвки, что девочки не смогли распутать узлы.

Я надеюсь, что никто из ребят, читающих эту книгу, никогда в жизни не чувствовал себя таким же несчастным, как Сьюзен и Люси. Но если вы плакали когда-нибудь всю ночь, до тех пор пока не осталось ни единой слезинки, то знаете, что под конец вас охватывает какое-то оцепенение, чувство, что никогда больше ничего хорошего не случится. Во всяком случае, так казалось Люси и Сьюзен. Час проходил за часом, становилось всё холодней и холодней, а они ничего не замечали. Но вот Люси увидела, что небо на востоке стало чуть-чуть светлее, и ещё кое-что: в траве у её ног шмыгали какие-то существа. Сперва она не обратила на них внимания: не всё ли равно, теперь ей всё было безразлично, – но вскоре показалось, что эти существа – кто бы они ни были – взбираются по ножкам Стола и бегают по телу Аслана. Она наклонилась и увидела каких-то серых зверушек.

– Фу! – воскликнула в этот момент Сьюзен, сидевшая по другую сторону Стола. – Какая гадость! Противные мыши! Убирайтесь отсюда!

Она подняла руку, чтобы их согнать, но Люси, всё это время не сводившая с мышей глаз, остановила сестру:

– погоди! Ты видишь?

Девочки наклонились и стали всматриваться.

– Мне кажется... – сказала Сьюзен. – Как странно! Они грызут верёвки!

– Так я и думала! – обрадовалась Люси. – Эти мыши – друзья. Бедняжки не понимают, что он мёртвый, и пытаются освободить от пут.

Тем временем почти рассвело. Девочки уже различали лица друг друга – ну и бледные же они! – увидели и мышей, перегрызавших верёвки: сотни маленьких полевых мышек.

Небо на востоке совсем побледнело, звёзды потускнели – все, кроме одной большой звезды над горизонтом, – похолодало.

Мыши разбежались, закончив работу, и девочки сбросили с Аслана обрывки верёвок. Без них лев был больше похож на себя. С каждой минутой становилось светлее, и им всё легче было его разглядеть. В лесу, за спиной, чирикнула птица. Девочки даже вздрогнули – ведь очень долгое время тишину не нарушал ни один звук. Другая птица просвистела что-то в ответ. Скоро весь лес звенел от птичьих голосов.

Ночь кончилась: в этом не было никакого сомнения, – началось утро.

– Я так озябла, – поёжилась Люси.

– И я, – сказала Сьюзен. – Давай походим.

Они подошли к восточному склону холма и поглядели вниз. Большая звезда исчезла. Лес внизу казался чёрным, но вдали, у самого горизонта, светилась полоска моря. Небо розовело.

Девочки ходили взад-вперёд, стараясь хоть немного согреться. Ах, как они устали – просто еле переставляли ноги, – поэтому на минутку остановились, чтобы взглянуть на море и Кэр-Параваль, который только сейчас смогли различить. На их глазах красная полоска между небом и морем стала золотой, и медленно-медленно из воды показался краешек солнца. В этот миг они услышали за спиной громкий треск, словно великан разбил свою великанскую чашку.

– Что это?! – вскричала Люси, хватая Сьюзен за руку.

– Я... я боюсь взглянуть, – ответила сестра. – Что там происходит? Мне страшно.

– Опять что-то... с Асланом. Что-то нехорошее. – Люси обернулась и потянула за собой Сьюзен. – Пойдём скорей.

Под лучами солнца всё выглядело совсем иначе, все цвета и оттенки изменились, и в первое мгновение они не поняли, что произошло, но увидели, что Каменный Стол рассечён глубокой трещиной на две половины, а Аслан исчез.

– Какой ужас... – расплакалась Люси. – Даже мёртвого они не могут оставить его в покое!

– Кто это сделал?! – воскликнула Сьюзен. – Что это значит? Снова магия?

– Да, – раздался громкий голос у них за спиной. – Снова магия.

Они обернулись. Перед ними, сверкая на солнце, потряхивая гривой – видно, она успела уже отрасти, сделавшись ещё больше, – стоял... лев.

– Ах, Аслан! – воскликнули обе девочки, глядя на него со смешанным чувством радости и страха. – Ты живой?

– Теперь – да.

– Ты не... не?... – дрожащим голосом пролепетала Сьюзен, не в силах вымолвить слово «привидение».

Аслан наклонил золотистую гриву и лизнул её в лоб. В лицо ей ударило тёплое дыхание и пряный запах шерсти.

– Разве я на него похож?

– Ах, нет-нет, ты живой, ты настоящий! Ах, Аслан! – вскричала Люси, и обе девочки принялись обнимать и целовать льва.

– Но что всё это значит? – спросила Сьюзен, когда они немного успокоились.

– А вот что, – ответил Аслан. – Колдунья знает Тайную магию, уходящую в глубь времён, но если бы могла заглянуть ещё глубже, в тишину и мрак, которые были до того, как началась история Нарнии, то прочитала бы другие магические знаки и узнала бы, что, когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле взойдёт тот, кто ни в чём не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним. С первым лучом солнца. А теперь...

– Да-да, что теперь? – захлопала в ладоши Люси.

– Ах, дети! – воскликнул лев. – Я чувствую, ко мне возвращаются силы. Ловите меня!

Секунду он стоял на месте. Глаза его сверкали, лапы подрагивали, хвост бил по бокам. Затем он подпрыгнул высоко в воздух, перелетел через девочек и опустился по другую сторону Стола. Сама не зная почему, хохоча во всё горло, Люси вскарабкалась на Стол, пытаясь схватить Аслана, но лев снова прыгнул. Началась погоня. Аслан описывал круг за кругом, то оставляя девочек далеко позади, то чуть не даваясь им в руки, то проскальзывая между ними, то подкидывая их высоко в воздух и снова ловя своими огромными бархатными лапами, то неожиданно останавливаясь как вкопанный, так что все трое кубарем катились на траву и нельзя было разобрать, где лапы, где руки, где ноги. Да, так возиться можно только в Нарнии. Люси не могла решить, на что это было больше похоже – на игру с грозой или с котёнком. И что самое забавное: когда, запыхавшись, они свалились наконец в траву, девочки не чувствовали больше ни усталости, ни голода, ни жажды.

– А теперь, – сказал Аслан, – за дело. Я чувствую, что сейчас зарычу. Заткните уши!

Так они и поступили. Когда Аслан встал и открыл пасть, собираясь зарычать, он показался им таким грозным, что они не осмелились глядеть на него. Они увидели, как от его рыка склонились деревья – так клонится трава под порывами ветра. Затем он сказал:

– Перед нами далёкий путь. Садитесь на меня верхом.

Лев пригнулся, и девочки вскарабкались на его тёплую золотистую спину: сперва села Сьюзен и крепко ухватилась за гриву, за ней – Люси, крепко ухватившись за Сьюзен. Вот он поднялся на ноги и помчался вперёд быстрее самого резвого скакуна сначала вниз по склону, затем в чащу леса.

Ах, как это было замечательно! Пожалуй, лучшее из всего того, что произошло с ними в Нарнии. Вы скакали когда-нибудь галопом на лошади? Представьте себе эту скачку, только без громкого стука копыт и звяканья сбруи, ведь огромные лапы льва касались земли почти бесшумно. А вместо вороной, серой или гнедой лошадиной спины представьте себе мягкую шершавость золотистого меха и гриву, струящуюся по ветру. А затем представьте, что вы летите вперёд в два раза быстрее, чем самая быстрая скаковая лошадь. И ваш скакун не нуждается в поводьях и никогда не устаёт. Он мчится всё дальше и дальше, не оступаясь, не сворачивая в стороны, ловко лавируя между стволами деревьев, перескакивая через кусты, заросли вереска и ручейки, переходя вброд речушки, переплывая глубокие реки. И вы несётесь на нём не по дороге, не в парке, даже не по вересковым пустошам, а через всю Нарнию, весной, по тенистым буковым перелескам, по солнечным дубовым прогалинам, через белоснежные сады дикой вишни, мимо ревущих водопадов, покрытых мхом скал и гулких пещер, вверх по обвеваемым ветром склонам, покрытым огненным дробом, через поросшие вереском горные уступы, вдоль головокружительных горных кряжей, а затем – вниз, вниз, вниз, вновь в лесистые долины и усыпанные голубыми цветами необозримые луга.

Незадолго до полудня они очутились на вершине крутого холма, у подножия которого увидели замок – сверху он был похож на игрушечный, – состоявший, как казалось, из одних островерхих башен. Лев мчался так быстро, что замок становился больше с каждой секундой, и, прежде чем успели спросить себя, чей это замок, они уже были рядом с ним. Теперь замок не выглядел игрушечным. Он грозно вздымался вверх. Между зубцами стен никого не было видно, ворота стояли на запоре. Аслан, не замедляя бега, прорычал:

– Это дом Белой колдуньи! Держитесь крепче!

В следующий миг им показалось, что весь мир перевернулся вверх дном. Лев подобрался для такого прыжка, какого ещё никогда не делал, и перепрыгнул – вернее было бы сказать «перелетел» – прямо через стену замка. Девочки, еле переводя дыхание, но целые и невредимые, скатились у него со спины и увидели, что они находятся посреди широкого, вымощенного камнем двора, плотно заставленного статуями...

Глава шестнадцатая. Что произошло со статуями

– Какое странное место! – воскликнула Люси. – Сколько каменных животных... и других существ! Как будто... как будто мы в музее.

– Ш-ш, – прошептала Сьюзен. – Посмотри, что делает Аслан.

Да, на это стоило посмотреть. Одним прыжком он подскочил к каменному льву и дунул на него. Тут же обернулся кругом – точь-в-точь кот, охотящийся за своим хвостом, – и дунул на каменного гнома, который, как вы помните, стоял спиной ко льву в нескольких шагах от него. Затем кинулся к высокой каменной дриаде позади гнома. Свернул в сторону, чтобы дунуть на каменного кролика, прыгнул направо к двум кентаврам. И тут Люси воскликнула:

– Ой, Сьюзен! Посмотри! Посмотри на льва!

Вы, наверное, видели, что бывает, если поднести спичку к куску газеты. В первую секунду кажется, что ничего не произошло, затем вы замечаете, как по краю газеты начинает течь тонкая струйка огня. Нечто подобное они видели теперь. После того как Аслан дунул на каменного льва, по белой мраморной спине побежала крошечная золотая струйка, потом сделалась шире, ещё шире – казалось, льва охватило золотым пламенем, как огонь охватывает бумагу. Задние лапы и хвост были ещё каменные, но он тряхнул гривой и все тяжёлые каменные завитки заструились живым потоком. Лев открыл большую красную пасть и сладко зевнул, обдав девочек тёплым дыханием. Но вот и задние лапы его ожили. Лев поднял одну, почесался, затем, заметив Аслана, бросился вдогонку и принялся прыгать вокруг, повизгивая от восторга и пытаясь лизнуть его в нос.

Конечно, девочки не могли оторвать от него глаз, но когда наконец отвернулись, то увиденное заставило их забыть про льва. *Все* статуи, окружавшие их, оживали. Двор не был больше похож на музей, а скорее напоминал зоопарк. Вслед за Асланом неслась пляшущая толпа самых странных созданий, так что вскоре его почти не стало видно. Двор переливался теперь всеми цветами радуги: глянцево-каштановые бока кентавров, синие рога единорогов, сверкающее оперение птиц, рыжий мех лисиц, красновато-коричневая шерсть собак и сатиров, жёлтые чулки и алые колпачки гномов, серебряные одеяния дев-берёзок, прозрачно-зелёные – буков, и ярко-зелёные, до желтизны, одеяния дев-лиственниц. Все эти краски сменили мёртвую мраморную белизну. А на смену мёртвой тишине пришло радостное ржание, лай, рык, щebet, писк, воркование, топот копыт, крики, возгласы, смех и пение.

– Ой, – проговорила Сьюзен изменившимся голосом, – погляди! Это... это не опасно? Люси увидела, что Аслан дует на ноги каменного великана.

– Не бойтесь! – весело прорычал лев. – Главное – оживить ноги, а всё остальное оживёт следом.

– Я совсем не то имела в виду, – шепнула сестре Сьюзен.

Но теперь поздно было что-нибудь предпринимать, даже если бы Аслан и выслушал её до конца. Вот великан шевельнулся. Вот поднял дубинку на плечо, протёр глаза и сказал:

– О-хо-хо! Я, верно, заснул. А куда девалась эта плюгавенькая колдунья, которая бегала где-то тут, у меня под ногами?

Все остальные хором принялись объяснять ему, что здесь произошло. Он поднёс руку к уху, попросил их повторить всё с самого начала, а когда наконец всё понял, поклонился так низко, что голова его оказалась не выше, чем верхушка стога сена, и почтительно снял шапку перед Асланом, улыбаясь во весь рот. (Великанов так мало теперь в Англии, а с хорошим характером и вовсе единицы, что – бьюсь об заклад! – вы никогда не видели улыбающегося великана. А на это стоит посмотреть!)

– Ну, пора приниматься за замок, – сказал Аслан. – Живей, друзья. Обыщите все уголки снизу доверху и спальню самой хозяйки. Кто знает, где может оказаться какой-нибудь горемыка пленник.

Они кинулись внутрь, и долгое время по всему тёмному, страшному, душному старому замку раздавался звук раскрываемых окон и переключка голосов: «Не забудьте темницы...»; «Помоги мне открыть эту дверь...»; «А вот ещё винтовая лестница... «Ой, посмотри, здесь кенгуру, бедняжка...»; «Позовите Аслана!..»; «Эй, наверху! Тут на лестничной площадке их целая куча!» А сколько было радости, когда примчалась Люси и воскликнула:

– Аслан! Аслан! Я нашла мистера Тумнуса! Ой, пожалуйста, пойдём побыстрее туда!

И уже через минуту девочка и маленький фавн, взявшись за руки, весело пустились в пляс. Мистеру Тумнусу ничуть не повредило, что его превратили в статую: он ничего об этом не помнил и, естественно, с большим интересом слушал рассказ Люси.

Наконец друзья перестали обшаривать крепость колдуньи. Замок её был пуст, двери и окна распахнуты настежь, свет и душистый весенний воздух залили все тёмные и угрюмые уголки, куда они так давно не попадали. Освобождённые Асланом пленники толпой высыпали во двор. И вот тут кто-то из них – кажется, мистер Тумнус – сказал:

– А как же мы выберемся отсюда? Ведь Аслан перескочил через стену, а ворота по-прежнему на запоре.

– Ну, это не трудно, – ответил Аслан и, поднявшись во весь рост, крикнул великану: – Эй, ты там, наверху!.. Как тебя зовут?

– Рамблбаффин, с позволения вашей милости, – ответил великан, вновь приподнимая шапку.

– Прекрасно, великан Рамблбаффин! Выпустите-ка нас отсюда.

– Конечно, ваша милость. С большим удовольствием! – сказал великан Рамблбаффин. – Брысь от ворот, малявки.

Он подошёл к воротам и – бац! бац! бац! – заработал своей огромной дубиной. От первого удара ворота закрипели, от второго – затрещали, от третьего – развалились на куски. Тогда великан принялся за башни, и через несколько минут все они, прихватив по хорошему куску стен, с грохотом обрушились на землю и превратились в груды обломков. Как было странно, когда улеглась пыль, стоя посреди каменного, без единой травинки мрачного двора, видеть через пролом в стене зелёные луга, и трепещущие под ветром деревья, и сверкающие ручьи в лесу, а за лесом – голубые горы и небо над ними.

– Чёрт побери! Аж вспотел, – сказал великан, пыхтя как паровоз. – Нет ли у вас носового платочка, красны девицы?

– У меня есть, – сказала Люси, приподнимаясь на носки и стараясь как можно дальше протянуть руку.

– Спасибо, мисс, – сказал Рамблбаффин и наклонился.

В следующую минуту Люси с ужасом почувствовала, что взлетает в воздух, зажатая между большим и указательным пальцами великана, но, приподняв её повыше, тот вздрогнул и, бережно опустив на землю, пробормотал:

– О господи... Я подхватил саму девчужку... Простите, мисс: я думал, это *вы носовой платок*.

– Нет, я не платок, – сказала Люси и рассмеялась. – Вот он.

На этот раз великан умудрился его подцепить, но для него её платок был всё равно что для нас песчинка, поэтому, глядя, как он с серьёзным видом трёт им своё красное лицо, Люси сказала:

– Боюсь, вам от него мало проку, мистер Рамблбаффин.

– Вовсе нет, вовсе нет, – вежливо ответил великан. – Никогда не видел такого красивого платочка. Такой мягкий, такой удобный. Такой... не знаю даже, как его описать...

– Правда, симпатичный великан? – сказала Люси мистеру Тумнусу.

– О да! – ответил фавн. – Все Баффины такие. Одно из самых уважаемых великаньих семейств в Нарнии. Не очень умны, возможно – я не встречал ещё умных великанов, – но старинное семейство. С традициями. Вы понимаете, что я хочу сказать? Будь он другим, колдунья не превратила бы его в камень.

В этот момент Аслан хлопнул лапами и призвал всех к тишине.

– Мы ещё не сделали всего того, что должны были сделать сегодня, – сказал он. – И если мы хотим покончить с колдуньей до того, как наступит время ложиться спать, нужно немедленно выяснить, где идёт битва.

– И вступить в бой, надеюсь, – добавил самый большой кентавр.

– Разумеется, – сказал Аслан. – Ну, двинулись! Те, кто не может бежать быстро – дети, гномы, маленькие зверушки, – садятся верхом на тех, кто может: львов, кентавров, единорогов, лошадей, великанов и орлов. Те, у кого хороший нюх, идут впереди с нами, львами, чтобы поскорей напасть на след врагов. Ну же, живей разбивайтесь на группы!

Поднялась суматоха, и больше всех суетился лев, которого оживил Аслан. Он перебегал от группы к группе, делая вид, что очень занят, но в действительности только чтобы спросить:

– Вы слышали, что он сказал? «С нами, львами». Это значит, с ним и со мной. «С нами, львами». Вот за что я больше всего люблю Аслана. Никакого чванства, никакой важности. «С нами, львами». Значит, с ним и со мной.

Он повторял так до тех пор, пока Аслан не посадил на него трёх гномов, дриаду, двух кроликов и ежа. Это его немного утомонило.

Когда все были готовы – по правде говоря, распределить всех по местам Аслану помогала овчарка, – они тронулись в путь через пролом в стене. Сперва львы и собаки сновали из стороны в сторону и принюхивались, но вот залаяла одна из гончих, давая понять остальным, что напала на след. После этого не было потеряно ни минуты. Львы, собаки, волки и прочие хищники помчались вперёд, опустив носы к земле, а остальные, растянувшись позади них чуть не на милю, попевали как могли. Можно было подумать, что идёт лисья охота, только изредка к звукам рогов присоединялось рычание второго льва, а то и более низкий и куда более грозный рык самого Аслана. След становился куда более явственным. Преследователи бежали все быстрее и быстрее. И вот, когда они приблизились к тому месту, где узкая лощина делала последний поворот, Люси услышала новые звуки – крики, вопли и лязг металла о металл.

Но тут лощина кончилась, и Люси поняла, откуда неслись эти звуки. Питер, Эдмунд и армия Аслана отчаянно сражались с ордой страшных чудищ, которых она видела прошлой ночью, только сейчас, при свете дня, они выглядели куда более страшными, уродливыми и злобными. И стало их значительно больше. Армия Питера – они подошли к ней с тыла – сильно поредела. Все поле битвы было усеяно статуями: видимо, колдунья пускала в ход волшебную палочку, но теперь, судя по всему, больше ею не пользовалась, а сражалась своим каменным ножом, причём против самого Питера. Они так ожесточённо бились, что Люси едва могла разобрать, что происходит. Нож и меч мелькали с такой быстротой, словно там было сразу три ножа и три меча. Эта пара была в центре поля. Со всех сторон, куда бы Люси ни взглянула, шёл ожесточённый бой.

– Прыгайте, дети! – крикнул Аслан, и обе девочки соскользнули с его спины.

С рёвом, от которого содрогнулась вся Нарния от фонарного столба на западе до побережья моря на востоке, огромный зверь бросился на Белую колдунью. На мгновение перед Люси мелькнуло её поднятое к Аслану лицо, полное ужаса и удивления, а затем колдунья и лев покатались клубком по земле. Тут все те, кого Аслан привёл из замка колдуньи, с воинственными криками кинулись на неприятеля. Гномы пустили в ход боевые топоры, великан – дубинку (да и ногами он передавил не один десяток врагов), кентавры – мечи и копыта, волки – зубы, единороги – рога. Усталая армия Питера кричала «ура!», враги верещали, пришельцы орали, рычали, ревели – по всему лесу от края до края разносился страшный грохот сражения.

Глава семнадцатая. Погоня за белым оленем

Через несколько минут битва была закончена. Большинство врагов погибло во время первой атаки армии Аслана, а те, кто остался в живых, увидев, что колдунья мертва, или спаслись бегством, или сдались в плен. И вот уже Аслан и Питер приветствуют друг друга, крепко пожимая руки и лапы. Люси никогда ещё не видела Питера таким, как сейчас: лицо его было бледно и сурово, и выглядел брат гораздо старше своих лет.

– Мы должны поблагодарить Эдмунда, Аслан, – услышала Люси слова Питера. – Нас бы разбили, если бы не он. Колдунья размахивала своей палочкой направо и налево, и наше войско обращалось в камень. Но Эдмунда ничто не могло остановить. Добираясь до колдуньи, он сразил трёх людоедов, стоявших на его пути. И когда он настиг её – она как раз обращала в камень одного из ваших леопардов, – у Эдмунда хватило ума обрушить удар меча на волшебную палочку, а не на колдунью, не то он сам был бы превращён в статую. Остальные как раз и поплатились за эту ошибку. Когда её палочка оказалась сломанной, у нас появилась некоторая надежда... Ах, если бы мы не понесли таких больших потерь в самом начале сражения! Эдмунд тяжело ранен. Нам надо пойти к нему.

Друзья нашли Эдмунда за передовой линией на попечении миссис Бобрехи. Он был в крови, рот приоткрыт, лицо жуткого зеленоватого цвета.

– Быстрее, Люси! – воскликнул Аслан.

И тут девочка вдруг впервые вспомнила о целебном бальзаме, который получила в подарок от Деда Мороза. Руки у неё так дрожали, что она не могла вытащить пробку, но когда наконец ей это удалось, она влила несколько капель брату в рот.

– У нас много других раненых, – напомнил ей Аслан, но Люси не отрываясь смотрела на бледное лицо Эдмунда, гадая, помог ли ему бальзам.

– Я знаю, – ответила она нетерпеливо. – погоди минутку.

– Дочь Адама и Евы, – повторил Аслан ещё суровей, – другие тоже стоят на пороге смерти. Сколько же их ещё должно умереть из-за Эдмунда?

– О, прости меня, Аслан! – Люси встала и пошла за ним.

Следующие полчаса оба были заняты делом: она возвращала жизнь раненым, он – тем, кто был обращён в камень. Когда девочка наконец освободилась и смогла вернуться к Эдмунду, тот был уже на ногах и раны его исцелились. Люси давно – пожалуй, целую вечность – не

видела, чтобы он так чудесно выглядел: по правде сказать, с того самого дня, как пошёл в школу. Там-то, в этой ужасной школе, в компании дурных мальчишек, он и сбился с правильного пути. А теперь Эдмунд снова стал прежним и мог прямо смотреть людям в глаза.

И тут же, на поле боя, Аслан посвятил Эдмунда в рыцари.

– Интересно, – шепнула сестре Люси, – знает ли он, что сделал ради него Аслан? О чём на самом деле лев договорился с колдуньей?

– Ш-ш-ш... Нет. Конечно, нет.

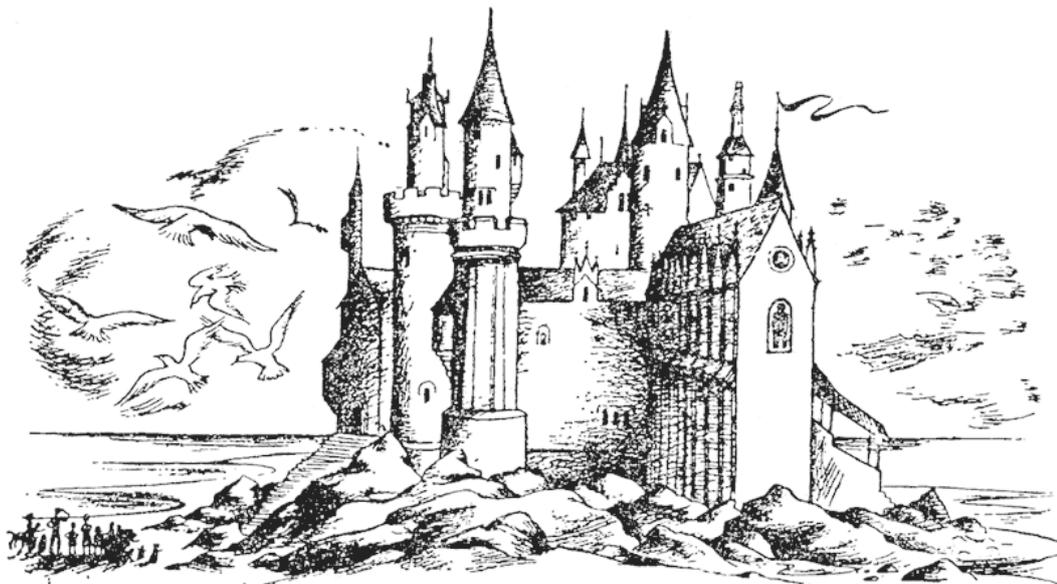
– Как ты думаешь, рассказать ему?

– Разумеется, нет. Это было бы для него ужасно. Подумай, как бы ты чувствовала себя на его месте.

– И всё-таки ему следовало бы знать, – возразила Люси.

Но тут их разговор прервали.

В ту ночь все спали там, где каждого застали события. Как Аслан добыл еду для всех, я не знаю, но, так или иначе, около восьми часов вечера все сидели на траве и пили чай, на следующий день двинулись на восток вдоль берега большой реки, а ещё через день, под вечер, пришли к её устью. Над ними возвышались башни замка Кэр-Параваль, стоящего на небольшом холме, перед ними были дюны, а кое-где среди песков виднелись скалы, лужицы солёной воды и водоросли. Пахло морем, на берег накатывали одна за другой бесконечные сине-зелёные волны. А как кричали чайки! Вы когда-нибудь слышали их? Помните, как они кричат?

Вечером, после ужина, четверо ребят снова спустились к морю, скинули туфли и чулки и побегали по песку босиком. Но следующий день был куда более торжественным. В этот день в Большом зале Кэр-Паравалья – этом удивительном зале с потолком из слоновой кости, с дверью в восточной стене, выходящей прямо на море, и украшенной перьями западной стеной – в присутствии всех их друзей Аслан венчал ребят на царство. Под оглушительные крики: «Да здравствует король Питер! Да здравствует королева Сьюзен! Да здравствует король Эдмунд! Да здравствует королева Люси!» – он подвёл их к четырём тронам и провозгласил:

– Кто был хоть один день королём или королевой в Нарнии, навсегда останется здесь королевой или королём. Несите достойно возложенное на вас бремя, сыновья и дочери Адама и Евы!

Через широко распахнутые двери в восточной стене послышались голоса сирен и тритонов, подплывших к берегу, чтобы пропеть хвалу новым правителям Нарнии.

И вот ребята сели на троны, в руки им вложили скипетры, и они стали раздавать награды и ордена своим боевым друзьям: фавну Тумнусу и чете бобров, великану Рамблбаффину и леопардам, добрым кентаврам и добрым гномам, и льву – тому, который был обращён в камень. В ту ночь в Кэр-Паравале был большой праздник: пировали и плясали до утра. Сверкали золотые кубки, рекой лилось вино, и в ответ на музыку, звучавшую в замке, к ним доносилась удивительная – сладостная и грустная – музыка обитателей моря.

Но пока шло это веселье, Аслан потихоньку выскользнул из замка. И когда ребята это заметили, то ничего не сказали, потому что мистер Бобёр их предупредил: «Аслан будет приходить и уходить когда ему вздумается. Сегодня вы увидите его, а завтра нет. Он не любит быть привязанным к одному месту... и, понятное дело, есть немало других стран, где ему надо навести порядок. Не беспокойтесь. Он будет к вам заглядывать. Только не нужно его принуждать. Ведь он же *не ручной* лев, а всё-таки дикий».

Как вы видите, наша история почти – но ещё не совсем – подошла к концу. Два короля и две королевы хорошо управляли своей страной. Царствование их было долгим и счастливым. Сперва они потратили много времени на то, чтобы найти оставшихся в живых и уничтожить приспешников Белой колдуньи. Ещё долго в диких уголках леса таились гадкие чудища. В одном месте являлась ведьма, в другом – рассказывали о кикиморе. Но наконец всё злое племя удалось истребить. После того как ввели справедливые законы, правители поддерживали в Нарнии порядок, следили, чтобы не рубили зря хорошие деревья, чтобы маленьких гномов и сатиров не перегружали занятиями в школе, наказывали тех, кто совал нос в чужие дела и вредил соседям, помогали тем, кто жил честно и спокойно и не мешал жить другим. Они прогнали дурных великанов (совсем непохожих на Рамблбаффина), когда те осмелились пересечь северную границу Нарнии. Заключали дружественные союзы с заморскими странами, наносили туда визиты на высшем уровне и устраивали торжественные приёмы у себя.

Шли годы. И сами ребята тоже менялись. Питер стал высоким широкоплечим мужчиной, отважным воином, и подданные называли своего короля Питером Великолепным. Сюзен превратилась в красивую стройную женщину с чёрными, падающими чуть не до пят волосами, и короли заморских стран наперебой отправляли в Нарнию послов просить её руки и сердца. Её прозвали Сюзен Великодушной. Эдмунд был более серьёзного и спокойного нрава, чем Питер, и был прозван Эдмундом Справедливым. А золотоволосая Люси всегда была весела, и все соседние принцы мечтали взять её в жены, а народ Нарнии прозвал её Люси Отважной.

Так они и жили – радостно и счастливо, и если вспоминали о своей прежней жизни по ту сторону дверцы платяного шкафа, то только как мы вспоминаем приснившийся сон. И вот однажды Тумнус – он уже стал к тому времени пожилым и начал толстеть – принёс им известие о том, что в их краях вновь появился Белый олень – тот самый, который выполняет все желания тех, кому удастся его поймать. Оба короля и обе королевы и их главные приближённые отправились на охоту в западный лес в сопровождении псарей с охотничьими собаками и егерей с охотничьими рожками. Вскоре они увидели Белого оленя и помчались за ним по пущам и дубравам, не разбирая дороги. Кони их приближённых выбились из сил, и только короли и королевы неслись следом за оленем. Но вот они увидели, что тот скрылся в такой чащобе, где коням не пройти. Тогда король Питер молвил (они теперь – после того как долго пробыли королевами и королями – говорили совсем иначе):

– Любезный брат мой, любезные сёстры мои, давайте спешимся, оставим наших скакунов и последуем за этим оленем. Ибо ни разу за всю мою жизнь мне не приходилось охотиться на такого благородного зверя.

– Государь, – ответствовали они, – да будет на то твоя воля!

И вот они слезли с коней, привязали их к деревьям и пешком двинулись в гущу леса. Не успели они туда войти, как королева Сьюзен сказала:

– Любезные друзья мои, перед нами великое чудо! Взгляните: это дерево – из железа!

– Государыня, – сказал король Эдмунд, – если вы как следует присмотритесь, то увидите, что это железный столб, на вершине которого установлен фонарь.

– Клянусь львиной гривой, весьма странно, – сказал король Питер, – ставить фонарь в таком месте, где деревья столь густо обступают его со всех сторон и кроны их вздымаются над ним столь высоко, что, будь он даже зажжён, его света бы никто не заметил.

– Государь, – сказала королева Люси, – по всей вероятности, когда ставили железный столб, деревья здесь были меньше и росли реже или вовсе не росли. Лес этот молодой, а столб старый.

И все они принялись разглядывать его. И вот король Эдмунд сказал:

– Я не ведаю почему, но этот фонарь и столб пробуждают во мне какое-то странное чувство, словно я уже видел нечто подобное во сне или во сне, приснившемся во сне.

– Государь, с нами происходит то же самое.

– Более того, – сказала королева Люси, – меня не оставляет мысль, что, если мы зайдём за этот столб с фонарем, нас ждут необычайные приключения или полная перемена судьбы.

– Государь, – сказал король Эдмунд, – подобное же предчувствие шевелится и в моей груди.

– И в моей, любезный брат, – поддержал брата король Питер.

– И в моей тоже, – добавила королева Сьюзен. – А посему я советую вернуться к нашим коням и не преследовать более Белого оленя.

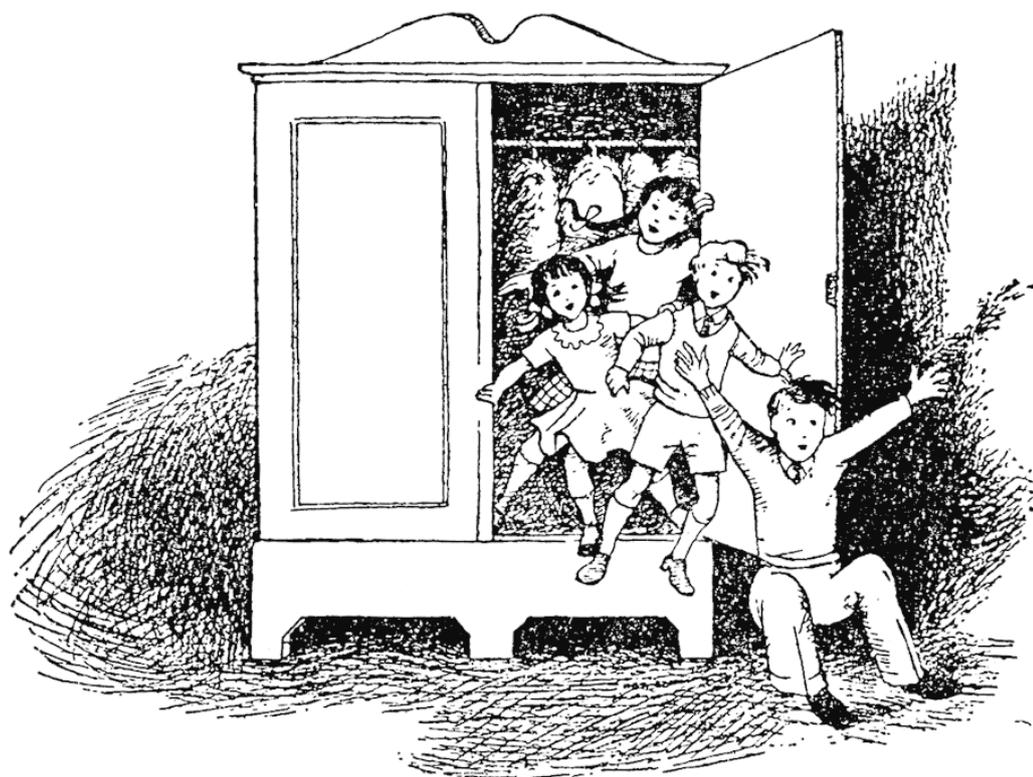
– Государыня, – сказал король Питер, – дозвожь тебе возразить. Ни разу с тех пор, как мы четверо стали править Нарнией, не было случая, чтобы мы взялись за какое-нибудь благородное дело – будь то сражение, рыцарский турнир, акт правосудия или ещё что-нибудь – и бросили на полдороге. Напротив: всё, за что брались, мы доводили до конца.

– Сестра, – сказала королева Люси, – мой брат король произнёс справедливые слова. Мне думается, нам будет стыдно, если из-за дурных предчувствий и опасений мы повернём обратно и упустим такую великолепную добычу.

– Я с вами согласен, – сказал король Эдмунд. – К тому же меня обуревают желание выяснить, что всё это значит. По доброй воле я не поверну обратно даже за самый крупный алмаз, какой есть в Нарнии и на всех Островах.

– Тогда, во имя Аслана, – сказала королева Сьюзен, – раз вы все так полагаете, пойдём дальше и не отступим перед приключениями, которые нас ожидают.

И вот королевы и короли вошли в самую чащу. Не успели они сделать десяти шагов, как вспомнили, что предмет, который они видят перед собой, называется «фонарный столб», а ещё через десять почувствовали, что пробираются не между ветвями, а между меховыми шубами. И в следующую минуту они гурьбой выскочили из дверцы платяного шкафа и очутились в пустой комнате. И были они не короли и королевы в охотничьих одеяниях, а просто Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси в своей обычной одежде. Был тот же самый день и тот же самый час, когда они спрятались в платяном шкафу от миссис Макриды. Она всё ещё разговаривала с туристами по ту сторону двери. К счастью, те так и не зашли в пустую комнату и не застали там ребят.

На том бы вся история и кончилась, если бы ребята не чувствовали, что должны объяснить профессору, куда делись четыре шубы из платяного шкафа. И профессор – вот уж поистине удивительный человек! – не сказал им, чтобы они не болтали глупости и не сочиняли небылицы, но поверил во всё, что услышал от них, и добавил:

– Нет, думаю, нет никакого смысла пытаться пройти через платяной шкаф, чтобы забрать шубы. *Этим* путем вы в Нарнию больше не проникнете. Да и от шуб было бы теперь мало проку, даже если бы вы их достали. Что? Да, конечно, когда-нибудь вы туда попадёте. Кто был королём Нарнии, тот навсегда останется королём Нарнии. Но не пытайтесь дважды пройти одним и тем же путем. Вообще не пытайтесь туда попасть. Это случится, когда вы меньше всего будете этого ожидать. И не болтайте много о Нарнии даже между собой. И не говорите никому, пока не убедитесь, что у тех, с кем вы беседуете, были такие же приключения. Что? Как вы это узнаете? О, *узнаете*, можете не сомневаться. Странные истории, которые они будут рассказывать, даже их взгляд выдаст тайну. Держите глаза открытыми. Ну чему только их учат в нынешних школах?

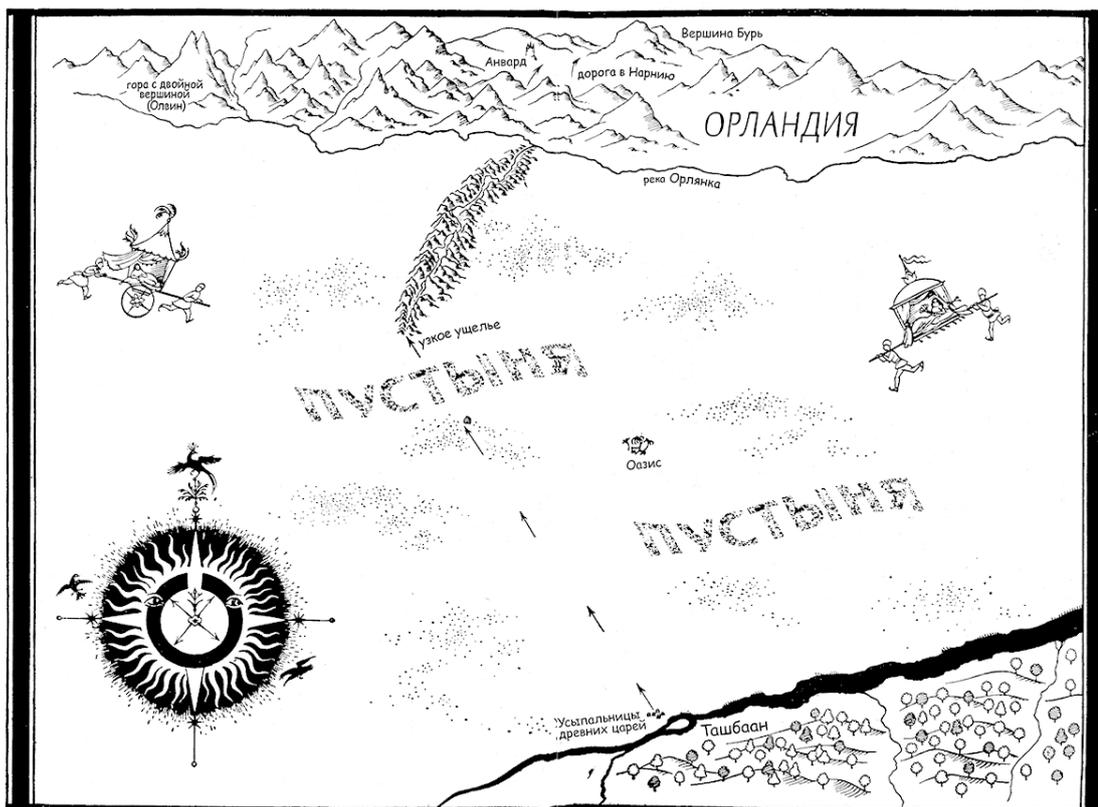
Вот теперь-то мы подошли к самому-пресамому концу приключений в платяном шкафу. Но если профессор не ошибался, это было только началом приключений в Нарнии.

Конь и его мальчик

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЭВИДУ И ДУГЛАСУ ГРЭШЕМАМ

Глава первая. Побег

Это повесть о событиях, случившихся в Нарнии и к югу от неё тогда, когда ею правили король Питер и его брат и две сестры. В те дни далеко на юге, у моря, жил бедный рыбак по имени Аршиш, а с ним мальчик по имени Шаста, звавший его отцом. Утром Аршиш выходил в море ловить рыбу, а днём запрягал осла, клал рыбу в повозку и ехал в ближайшую деревню торговать. Если он выручал много, то возвращался в добром духе и Шасту не трогал; если выручал мало, придирался, как только мог, и даже бил мальчика. Придаться было не трудно, потому что Шаста делал всё по дому: стряпал и убирал, а также стирал и чинил сети.

Шаста никогда не думал о том, что лежит от них к югу. С Аршишем в деревне бывал, и ему там не нравилось. Он видел точно таких людей, как его отец, – в неопрятных длинных одеждах, сандалиях и тюрбанах, с грязными длинными бородами, медленно толковавших об очень скучных делах. Зато его живо занимало всё, что лежит к северу, но туда его не пускали. Сидя на пороге и занимаясь починкой сети, мальчик с тоской глядел на север, но видел только склон холма, небо и редких птиц.

Когда Аршиш бывал дома, Шаста спрашивал: «Отец, что там, за холмом?» Если Аршиш сердился, то драл его за уши, если же был спокоен, отвечал: «Сын мой, не думай о пустом. Как сказал мудрец, прилежание – корень успеха, а те, кто задаёт пустые вопросы, ведут корабль глупости на рифы неудачи».

Шасте казалось, что за холмом – какая-то дивная тайна, которую отец до поры скрывает от него. На самом же деле рыбак говорил так, ибо не знал, да и знать не хотел, какие земли лежат к северу. У него был практический ум.

Однажды с юга прибыл незнакомец, совсем иной, чем те, кого видел Шаста до сих пор. Он сидел на прекрасном коне, и седло его сверкало серебром. Сверкали и кольчуга, и острие шлема, торчащее над тюрбаном. На боку его висел ятаган, спину прикрывал медный щит, в руке было копьё. Незнакомец был тёмн лицом, но Шаста привык к темнолицым, а удивило его

иное: борода, выкрашенная в алый цвет, вилась кольцами и лоснилась от благовоний. Аршиш понял, что это тархан, то есть вельможа, и склонился до земли, незаметно показывая Шасте, чтобы и тот преклонил колени.

Незнакомец попросил ночлега на одну ночь, и Аршиш не посмел отказать ему. Всё лучшее, что было в доме, хозяин поставил перед ним, а мальчику (так всегда бывало, когда приходили гости) дал кусок хлеба и выгнал во двор. В таких случаях Шаста спал с ослом, в стойле. Но поскольку было ещё рано и никто никогда не говорил ему, что подслушивать нельзя, он сел у самой стены.

– О, хозяин! – промолвил тархан. – Мне угодно купить у тебя этого мальчика.

– О, господин мой! – ответил рыбац, и Шаста угадал по его голосу, что глазки у него алчно блеснули. – Как же продам я, твой верный раб, своего собственного сына? Разве не сказал поэт: «Сильна, как смерть, отцовская любовь, а сыновняя дороже, чем алмазы»?

– Возможно, – сухо выговорил тархан, – но другой поэт говорил: «Кто хочет гостя обмануть – подлее, чем гиена». Не оскверняй ложью свои уста. Он тебе не сын, ибо ты тёмн лицом, а он светел и бел, как проклятые, но прекрасные нечестивцы с севера.

– Дивно сказал кто-то, – парировал рыбац, – что око мудрости острее копья! Знай же, о мой высокородный гость, что я, по бедности своей, никогда не был женат. Но в год, когда Тисрок (да живет он вечно) начал своё великое и благословенное царствование, в ночь полнолуния, боги лишили меня сна. Я встал с постели и вышел поглядеть на луну. Вдруг послышался плеск воды, словно кто-то грёб вёслами, и слабый крик. Немного позже прилив прибил к берегу маленькую лодку, в которой лежал иссушенный голодом человек. Должно быть, он только что умер, ибо ещё не остыл, а рядом с ним был пустой сосуд и живой младенец. Вспомнив о том, что боги не оставляют без награды доброе дело, я прослезился, ибо раб твой мягкосердечен, и...

– Не хвали себя, – прервал его тархан. – Ты взял младенца, и он отработал тебе вдесятеро твою скудную пищу. Теперь скажи мне цену, ибо я устал от твоего пусторечия.

– Ты мудро заметил, господин, – сказал рыбак, – что труд его выгоден мне. Если я продам этого отрока, то должен купить или нанять другого.

– Даю тебе пятнадцать полумесяцев, – сказал тархан.

– Пятнадцать! – взвыл Аршиш. – Пятнадцать монет за усладу моих очей и опору моей старости! Не смейся надо мною, я сед. Моя цена – семьдесят полумесяцев.

Тут Шаста поднялся и тихо ушёл, потому что знал, как люди торгуются, а, стало быть, Аршиш выручит за него больше пятнадцати монет, но меньше семидесяти, и спор протянется не один час.

Не думайте, что Шаста чувствовал то же самое, что почувствовали бы вы, если бы ваши родители решили вас продать. Жизнь его была не лучше рабства, и тархан мог оказаться доб-

рее, чем Аршиш. К тому же он очень обрадовался, узнав свою историю. Он часто сокрушался прежде, что не может любить рыбака, и когда понял, что тот ему чужой, с души его упало тяжкое бремя. «Наверное, я сын какого-нибудь тархана, – подумал мальчик, – или Тисрока (да живет он вечно), а то и божества!»

Тем временем сумерки сгущались и редкие звёзды уже сверкали на небе, хотя у заднего края оно отливало багрянцем. Конь прищельца, привязанный к столбу, мирно щипал траву. Шаста погладил его по холке, но конь никак не отреагировал на ласку, и мальчик подумал: «Кто его знает, какой он, этот тархан!»

– Хорошо, если добрый, – продолжил Шаста, не заметив, что размышляет вслух. – У некоторых тарханов рабы носят шёлковые одежды и каждый день едят мясо. Может быть, он возьмёт меня в поход, и я спасу ему жизнь, и он освободит меня, и усыновит, и подарит дворец... А вдруг он жестокий? Тогда закуёт меня в цепи. Как бы узнать? Конь-то знает, да не скажет.

Конь поднял голову, и Шаста, погладив его шёлковый нос, воскликнул:

– Ах, умел бы ты говорить!

– Я умею, – тихо, но внятно ответил конь.

Думая, что это ему снится, Шаста всё-таки крикнул:

– Быть того не может!

– Тише! – сказал конь. – На моей родине есть говорящие животные.

– Где это? – спросил Шаста.

– В Нарнии.

И когда оба они успокоились, конь рассказал:

– Меня украли. Если хочешь, взяли в плен. В бытность мою жеребёнком мать запрещала мне убегать далеко к югу, но я не слушался. И поплатился за это, видит лев! Много лет я служу злым людям, притворяясь тупым и немым, как их кони.

– Почему же ты им не признаешься?

– Не такой я дурак! Они будут показывать меня на ярмарках и сторожить пуще прежнего. Но оставим пустые беседы. Ты хочешь знать, каков мой хозяин Анрадин. Он жесток. Со мной – не очень, кони дороги, а тебе, человеку, лучше умереть, чем быть рабом в его доме.

– Тогда я убегу, – сказал Шаста, сильно побледнев.

– Да, беги, – сказал конь. – Со мною вместе.

– Ты тоже убежишь?

– Да, если убежишь ты, – кивнул конь. – Тогда мы, может быть, и спасёмся. Понимаешь, если я буду без всадника, люди увидят меня, подумают: «У него нет хозяина», – и погонятся за мной. А с всадником другое дело... Вот и помоги мне. Ты ведь далеко не уйдёшь на этих дурацких ногах (ну и ноги у вас, людей!), тебя поймают. Умеешь ездить верхом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.